

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

10 '85





О. ВУКОЛОВ. Сельская строительница.

ЮНОСТЬ

10⁽³⁶⁵⁾

85



ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1955
ГОДУ

Главный редактор
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Редакционная коллегия:

Анатолий АЛЕКСИН
Владимир АМЛИНСКИЙ
Борис ВАСИЛЬЕВ
Сергей ЕСИН
Юрий ЗЕРЧАНИНОВ
Натан ЗЛОТНИКОВ
Римма КАЗАКОВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Олег КОМОВ
Мария ОЗЕРОВА
Андрей ПОТЕМКИН
Алексей ПЬЯНОВ
(заместитель главного редактора)
Юрий САДОВНИКОВ
(ответственный секретарь)
Владислав ТИТОВ
Алексей ФРОЛОВ
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Издательство «Правда»
Москва

В НОМЕРЕ:

Проза

Ким СЕЛИХОВ. В сердце афганских гор. Повесть	5
Валерий ОСИПОВ. Факультет журналистики. Роман. Окончание	37

Поэзия

Вячеслав ШАПОШНИКОВ	3
Владимир ГОРДЕЙЧЕВ	4
Инара РОЯ	34
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ	35
Эльдар РЯЗАНОВ	36
Петр ВЕГИН	70
Наталья ВАРЛЕЙ	87

Публицистика

Мы мечтою о мире живем	72
Владимир МОРОЗОВ. Как выгодное сделать... выгодным...	74
Георгий ДОЛГОВ. Белая лошадь в черной ночи	76
Ростислав СВЯТОГОР. Сестра милосердия	83
Фаина ФУРСОВА. Судейские волнения	88

Критика

Сергей КОШЕЧКИН. До Сергея Есенина относящееся	92
Вл. НОВИКОВ. Весело о серьезном	96
А. ПАРШЕНКОВ. Живая мысль	96
М. КАПУСТИН. Одухотворение вещей	97
Анатолий МЕДНИКОВ. Жажда истины	98
Владимир ПАРЫГИН. Он в нашем городе родился...	103

Культура и искусство

Ю. ЦИШЕВСКИЙ. Трое из Фрунзе	102
Юрий ЗЕРЧАНИНОВ. Восемь артистов и... старый патефон . .	105

Наука и техника

А. КЛЕЙМАН, О. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. От транзистора до микро-процессора	106
---	-----

Спортивный

Геннадий ШВЕЦ. $45 \times 2 = ?$	110
--	-----

1—4 стр. обложки —
рисунок
В. Скрылёва

Художественный редактор
О. Кокин

Художник
Ю. Цишевский

Технический редактор
О. Трепенюк

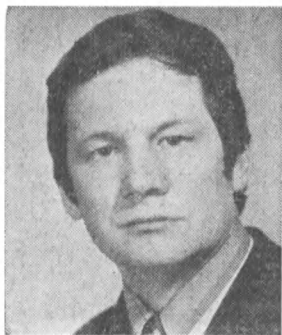
Адрес редакции: 101524, ГСП,
Москва, К-6, улица Горького,
д. 32/1.

Т е л е ф о н ы:
Главная редакция — 251-31-22
Отдел прозы — 251-59-44
Отдел поэзии — 251-44-35
Отдел публицистики — 251-02-30
Отдел критики — 251-96-76
Отдел науки и техники — 251-27-57
Отдел рукописей — 251-74-60
Отдел писем — 251-14-21
Отдел культуры — 251-48-65
Отдел оформления — 251-73-83
Отдел сатиры и юмора — 251-05-06

Сдано в набор 09.08.85.
Подп. к печ. 09.09.85.
А 07725.
Формат 84×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 12,18.
Уч.-изд. л. 17,62.
Усл. кр.-отт. 18,48.
Тираж 3 200 000 экз.
Изд. № 2427.
Заказ № 1336.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ВЯЧЕСЛАВ
ШАПОШНИКОВ



Марш-бросок

Мы были из зноя и пыли,
из марева, бреда и соли.
Но более все же из воли,
из воли железной мы были.
Из воли, сжимающей зубы,
из воли, спекающей губы,
Из жажды, упорства, упрямства,
из преодоления пространства.
Вращалось оно устало.
В нем было тягучее что-то...
И наши глаза разъедало
не пылью, не горечью пота —
миражной чертой горизонта...

Но памяти ближе не это...
Короткий привал. Полустанок.
Лазурь забайкальского лета.
Багряные угли саранок...
Все то, что летело мимо
в бросках наших, в нашем марше,
вдруг стало пронзительно зримо
и дорого нам, уставшим...
Мы были из падевой сини,
из еле текущего ветра,
из облачных белых воскрылий,
из радости летнего света,
из ясной, сияющей были,
из юности чистой мы были...

☆☆☆

Мальчик, в осенних полях
к дальней деревне идущий,
долгую песню поющий,
ту, что подслушал в ветрах...

Ныне ты ожил во мне.
И в конце дня ветрового
давним овеея я снова,
с давним наедине...

День — в разговорах со мной,
будто давнишний, тогдашний
с серой небесною пашней,
с черною пашней земной...

Мудрый учитель души,
обнял меня он за плечи.
Вняты мне дивные речи
в тихой родимой глуши:

«Ты посмотри, посмотри,
как вдалеке, над холмами,
чуть разгорается пламя
ранней вечерней зари!..

Как набегающий свет
льнет к свежевспаханным нивам!
Так же прильни к ним счастливо!
Большого счастья нет!..

Пусть же запомнит твой взор
синь предвечернего лога,
чуткую эту дорогу,
ясный осенний простор!..

Этого больше нигде,
ни за какими морями,
ни за какими дверями
мир не откроет тебе!..»

☆☆☆

Жили в ольшанике мгlistом
зябкие пересвисты.
Чуть клекотал ручей.

Колкий, как ворот шинели,
холод пощипывал шею.
вдруг — голоса журавлей!..

За перекрестьем веток,
в росплесках мглы и света
плыл их широкий клин.

Плыло согласие птичье,
древнее переключье,
стыл я внизу — один.

Был я — что дом опустелый...
Высь надо мной звенела,
будто на склоне дня

вырвались вдруг на волю
клики тоски и боли
птицами — из меня..

г. Кострома

ВЛАДИМИР
ГОРДЕЙЧЕВ



Дебют любви несмелой

Если душисты белые кисти
и попушисты влажные листья,
нежусь и таю в запахах мая:
приобретаю, не отнимая.
Вечером лунью выбелит крышу
там, где певунью близко услышу.
Слезы глотаю, зову внимая:
приобретаю, не отнимая.
Дать себе смелость встретиться с нею
вновь вознамерюсь да не посмею.
В грезах витаю, их лишь и зная:
приобретаю, не отнимая.
Перепел свистнет нежно и грустно.
Горло утиснет горькое чувство.
Тем и питаю душу, родная:
приобретаю, не отнимая.

«Гигантские шаги»

Как вдохновенно возносила
нас под мальчишеский галдеж
в зенит вздымающая сила
и приземляющая все ж!
Канат, натянутый упруго,
дарил подобие крыла,
и голова мальчика по кругу
незабываемо плыла.
Крутись, летун, в обнимку с тросом,
уже не страшно для тебя
боднуть затылком или носом
поверхность дюжего столба.
Уже младенческую кость
оттринул отчий окоем,
где нас захватывает космос,
едва мы на ноги встаем.
Еще нисколько не орбита,
еще обычная спираль,
а чувству нашему открыта
уже заоблачная даль...

Степной мотив

Когда поляны тьмой завесятся
и ночь прохладой упадет,
одна в саду моя ровесница
негромко песню запоет.

Не молкнет светлая мелодия.
Она проста, и потому
ей мягко вторит даль холодная
и провода несут во тьму.

Потом в нее, не в силах вытерпеть,
вступают сонные ветра,—
ковшу Медведицы не вычерпать
томящих песен до утра.

Туман луга затопит нагусто,
заря, как золото, блеснет,
тогда ночная песня августа
с ветрами вместе пропадет.

Он в сердце музыкой поместится,
напев, летящий в даль и ширь,
и пусть потом подковы месяцев
ломают время-богатырь.

Он идет на свиданье

Плещет луж серебро,
ветер хлопает створками ставен,
каждый лист на ребро
на шумящих березах поставив.
Свищет в мокрой траве,
громыкает квадратами жести.
В створах туч в синеве —
свет холодных и ярких созвездий.
По ручьям, без дорог,
мимо ливнем исхлестанных зданий
молодой паренек
не идет, а летит на свиданье.
Всплески луж без конца,
грязь на мокрые туфли налипла,
а у парня с лица
негасимая светит улыбка.
Что ручьи! Он моря,
он пройдет океаны любые,
вдохновеньем горя,
по единому слову любимой.
Пусть прикажет: «Хочу!..» —
он откроет, постройт, добьется.
Всякий груз по плечу,
если сердце любовью зажжется.
Светят звезды во мгле.
Где-то девушка в непогоду вышла...
Так отрадно Земле,
что во тьме не потерял парнишка.
Вот фонарик включил
и себя всей Вселенной представил:
яркой вспышкой в ночи
он созвездья померкнуть заставил.

г. Воронеж

КИМ
СЕЛИХОВ

ПОВЕСТЬ



В СЕРДЦЕ АФГАНСКИХ ГОР

У

асовой лихо отдал мне честь, поднял полосатый, как зебра, шлагбаум и сказал на прощание:

— В добрый путь, рафик¹ капитан! Желаю много лет здравствовать вам и вашим боевым друзьям!

Я крепко пожал руку солдату и поспешил к выходу. Было раннее утро. Солнце еще не успело показаться из-за горы, а Кабул уже начал свою трудовую жизнь. Переполненные автобусы и троллейбусы, шумные мотоциклы и бойкие велосипеды везли рабочих автомобильного завода «Джангалак», домостроительного комбината, хлебозавода и элеватора, мельниц и ткацкой фабрики. Закипела работа в маленьких мастерских ремесленников: у кузнецов пошел перезвон молотков о наковальню, застрочили швейные машинки у портных, зазмеилась стружка под острыми рубанками столяров. Снимали увесистые замки хозяева многочисленных лавок и лавчонок, прямо на улице жарились шашлыки, пеклись лепешки. К столичным базарам потянулись колонны груженых автомашин, чьи высокие борта сплошь разукрашены переводными картинками. Здесь и обезьяны, качающиеся на качелях, и свирепый барс с открытой угрожающей пастью, и известный клоун, из глаз которого рекой льются слезы, и писанный красавец Джамиль-хан с любимой подружкой, и очаровательный Зебниса из старинной афганской сказки.

Рядом с грузовиками несут свою нелегкую поклажу верблюды. Идут они важно, не спеша. Здесь же лопухие ослы-трудяги. Они едва семенят ногами под тяжестью грузов. Я посмотрел на часы. Осталось полчаса до открытия базаров, скоро вырастут на прилавках горы винограда и персиков, яблок и груш, арбузов и дынь. Наперебой начнут зазывать в свой ряд продавцы мяса; громко, стараясь перекричать друг друга, будут хвалить собственные товары меховщики, гончары, сапожники. Начнется шум, гам, долгий спор из-за цены, пока не договорятся, не ударят по рукам в знак обоюдного согласия.

Да, ничто не изменилось за эти три месяца, что я провалялся на госпитальной койке. Живет своей обычной жизнью мой Кабул. И это несмотря на все яростные атаки врагов. Их много у Афганистана: империализм во главе с США и внутренняя контрреволюция...

Неожиданно, прямо навстречу мне, пасуя друг другу футбольный мяч, несется ватага мальчуганов. Один из них изловчился и с разбегу нанес сильный удар. Бьет, к сожалению, не по футбольным воротам, а прямо по моему лбу, да так, что форменную фуражку с высокой тульей словно ураганным ветром снесло. Мальчишки все врассыпную, подальше от скандала, неприятного объяснения с чужим дядей. Но один оказался смельчаком, стоит передо мной. Это тот самый юный футболист, у которого удар вполне приличный для его малых лет.

— Извините меня, рафик офицер. Поверьте, я не хотел вас обидеть. Это случайно вышло. Вы уж, пожалуйста, не сердитесь.

¹ Рафик — товарищ.

— А я вовсе не сержусь,— говорю мальчугану.— Даже рад, что сумел познакомиться с таким перспективным игроком. Как тебя зовут?

— Ну.

— Ну, слушай, что скажу: у тебя, парень, настоящий классический удар, да еще левой... Это редкость в футбольном мире.

— Да ну?

— Вот тебе и да ну. Я в футболе толк понимаю. Когда-то сам был нападающим. Так что верь мне, из тебя толк выйдет!

— Спасибо вам за добрые слова,— радостно говорит мальчуган.— Это я еще не в полную силу сданул. Вы приходите сегодня к нам на школьный стадион... Увидите, как я бью. У нас решающий матч с ребятами из лица «Амани». Обязательно приходите! — Подхватил с асфальта футбольный мяч и бегом догонять товарищей.

Я не обманывал Нура, когда говорил, что играл нападающим. Мои удары не раз приносили победу нашей команде футболистов управления Царандоя¹. Но это было до госпиталя. А смогу ли я играть в футбол теперь, после ранения? Впрочем, зачем гадать, вот на пути моем валяется пустая консервная банка. Недолго думая, со всей силой бью эту жестянку носком тяжелого армейского ботинка. Банка взвилась высоко вверх, пролетела метров двадцать и свалилась за дувал² чужого дома. Я от испуга даже голову втянул в плечи: еще секунда, и раздадутся звон битого стекла, отчаянные вопли и проклятия на мою голову. Но время идет, а за дувалом тихо. Значит, обошлось, не нанесла моя консервная банка никакого материального ущерба домовладельцам. А удар, скажу я вам прямо, без всякой ложной скромности, был что надо, есть еще порох в пороховницах. Я радуюсь не меньше того мальчишки, которого похвалили за удачный удар мячом. А вот почтенный человек с окладистой белой бородой моего настроения не разделяет. Не доходя нескольких шагов до меня, он застыл на месте, рот широко раскрыл и смотрит на меня, будто на сумасшедшего.

— Ну, как удар, уважаемый? Надеюсь, он вам понравился? — любезно обращаюсь я к нему.

Вместо ответа старик потрусил мелкой рысцой от меня на противоположную сторону улицы. Я рассмеялся от всей души. Но, поверьте, это не была насмешка над человеком с белой бородой. Над стариками, как известно, смеяться грех. Они у нас в Афганистане пользуются особым почетом и уважением. А весело стало мне оттого, что снова я вижу людей, родные мне улицы. Нет, хорошая все-таки штука — жизнь... Ее особенно начинаешь ценить, когда возвращаешься с того света. Да, именно так и сказал мой хирург.

— Ты, парень, с того света вернулся. Надо же, четырнадцать осколков из тебя вытащили, да еще и пули в придачу. На вот, держи на память.

И протянул мне целлофановый мешочек с почерневшими от крови кусочками смертоносного металла...

...Случилось это тогда, когда ликвидировали штаб банды Мустафы. Взяли мы врагов в железное кольцо, предлагаем сдаться в плен, а они и слушать не хотят. Душманьи решили идти на прорыв, открыли бешеный огонь из пулеметов и минометов. И под этим прикрытием бросились в атаку. Так случилось, что я, находясь в засаде под старой чинарой, оказался в центре прорыва душманов. Помню, как успел расстрелять два магазина патронов из своего

автомата, метнуть несколько гранат в бегущих прямо на меня врагов. Поднялся еще раз, чтобы бросить последнюю «лимонку», — и тут же страшный толчок в грудь, огнем обожгло спину, ноги, руки. Падая, еще успел увидеть над собой небо, хмурое и серое, как перед большой бурей.

А сейчас я смотрю в небо — и ни одного облачка, чист и ясен голубой простор над моей родиной.

— Эй, капитан, что ты голову кверху задрал? Неужели космическую красавицу Светлану Савицкую в небе узрел? — услышал я за спиной басовитый глухой голос, будто из пустой бочки. Он мог принадлежать только одному человеку, которого я хорошо знал.

И не ошибся. Повернувшись, я увидел своего давнего знакомого — водителя такси Рафата. Был он двухметрового роста, а со снежного цвета лунгой¹, на которую обычно у афганцев уходит пять — семь метров материи, казался просто великаном. Одет он был, как всегда, в традиционный костюм: широкие легкие штаны, до колен белая домотканая рубашка и зеленая безрукавка.

Наше знакомство с Рафатом произошло, когда я работал дорожным инспектором Царандоя. Был он лихим водителем. В центре города, в час пик ухитрялся гонять такси со скоростью выше ста километров. За это пришлось выписать ему первую квитанцию на штраф. Второй раз Рафату пришлось раскошелиться из-за того, что он перестал признавать световые сигналы светофора на перекрестках улиц. Жал, как говорится, на всю катушку и когда загорался красный и когда желтый. Наконец пришлось у него отобрать права водителя совсем: он своими кулачищами решил проучить одного из водителей, посмеявшегося обогнать его, самого Рафата, лучшего таксиста Кабула, опозорить перед знатным зарубежным гостем, которого Рафат вез на аэродром. Через несколько месяцев, когда я прощался с дорожной службой Царандоя и отправлялся учиться на высшие курсы Министерства внутренних дел, Рафату вернули его водительские права. Он клятвенно заверил царандоевцев, что кулаки будет пускать в ход только в исключительных случаях и по серьезной причине. Получив после окончания курсов офицерское звание, из дорожного отдела я перешел в оперативный, и с тех пор мне не доводилось встречаться с Рафатом. И вот он передо мной стоит, переминается с ноги на ногу и улыбается.

— Хуб астид², рафик капитан! — приветствует он меня.

— Ташаккор³, — благодарю в ответ Рафата.

— Слышал я, что тебя подстрелили, как утку на взлете, и дырок много наделали в твоём теле.

— Вранье, друг Рафат, ну самое настоящее вранье... Вернулся сегодня из длительной командировки. Летал на Гавайские острова. Вот где люди живут, как в раю... Точь-в-точь, как в коране сказано.

— Не оскверняй своей болтовней святую книгу, капитан, — строго замечает Рафат.

— А я и не думаю этого делать. Просто правду говорю. Люди там целый день едят бананы и ман-дарины, сколько душе захочется. И еще кокосовые орехи. Пьют кофе крепкий-прекрепкий и ничего не делают. Только на золотом песочке на берегу океана загорают. А еще на Гавайских островах очень красивые девушки живут, — продолжаю я свой рассказ. — Одна из них, самая наикрасивейшая, не то принцесса, не то дочь знаменитого вождя какого-то

¹ Царандой — Народная милиция Афганистана.

² Дувал — забор.

¹ Лунга — чалма.

² Хуб астид — здравствуйте.

³ Ташаккор — спасибо.

племени, влюбилась в меня по уши. Бросилась в ноги, целует мои пыльные сандалии и просит со слезами на глазах: «Ах, несравненный мой Абдулла, возьми меня с собой. Не с пустыми руками войду в твой дом. Прихватим на первый случай два папашиних самолета с золотом и бриллиантами, с лазуритом и серебром. У вас в Афганистане, говорят, самое тихое и спокойное место на земле».

Рафат рассмеялся, услышав мои последние слова.

— Вот именно, самое тихое и спокойное место на земле... Только немножко постреливают, иногда убивают. А кое-кому везет: остаются живыми, правда, с метками на теле от чужой пули или от осколков гранат и мин... Таких, верно, очень любят гавайские девушки, жаль, что не захватил ты эту самую принцессу. Прокатил бы я вас сейчас по Кабулу с ветерком...

— Вот на этой-то развалюхе?

— Не смей так говорить о моей «старушке» марки «Рено», — возмущается Рафат. — Она хоть вся и в заплатках, но в беге не уступит новейшему «мерседесу» или «вольво». Не веришь? А ну, садись в машину.

— С превеликим удовольствием! — отвечаю я старому знакомому. — Подбрось до управления Царандоя. Надеюсь, туда ты дорогу не забыл, дружище Рафат.

— Миравили !! — услышал в ответ.

В небольшой комнате, где размещалась наша оперативная группа, я застал только одного лейтенанта Нарзулла. Пять моих коллег срочно по тревоге выехали на место диверсии — взрыва двух бензозолонок на окраине города. Не успели мы побратски обняться с Нарзуллой, как раздался резкий звонок телефона.

— Лейтенант Нарзулла слушает! Да, так точно, рафик полковник. Капитан Абдулла Хабиб выписался из госпиталя и сейчас сидит прямо передо мной. Как он себя чувствует? — Лейтенант помедлил немного с ответом, внимательно осмотрел меня и сказал весело: — Здоров, как бык после доброго откорма. Что-то?.. Извините, исправлюсь...

Окончив разговор с полковником, лейтенант Нарзулла почему-то тяжело вздохнул, отпил из пиалы глоток давно остывшего чая.

— Что, какая-нибудь неприятность? — участливо спросил я лейтенанта.

— Да нет, ничего особенного. Просто сделал замечание, что нельзя о своих товарищах говорить в грубой форме. А какая она грубая, сказал чистую правду. Вон какую шею ты себе в госпитале наел, в плечищах раздался и действительно стал похож на натурального быка. А полковник меня отчитывает...

— Да не расстраивайся ты по пустякам, — успокаиваю я своего товарища. — Если нравится тебе сравнивать меня с быком, медведем, бараном, барсом — валяй, обижаться не буду. Действительно, меня здорово отремонтировали в госпитале, после операции я много занимался лечебной физкультурой, потом разрешили вернуться постепенно к тренировкам по боксу и самбо... Так что я снова в спортивной форме, дружище. Ну, я пошел, мама дома заждалась.

Только было я поднялся со стула, снова зазвенел телефон на столе у лейтенанта.

— Нет, нет, рафик полковник. Он еще здесь. Понимаю вас, понимаю. Хорошо, немедленно передам!

— Что же ты должен мне передать, Нарзулла? —

с интересом спросил я лейтенанта, когда он положил телефонную трубку.

— Рафик полковник срочно ждет в своем кабинете капитана Абдуллу Хабиба.

Глава II

К моему удивлению, полковник Джафар — наш начальник оперативной группы — был сегодня весьма невежлив. Мой рапорт по всей уставной форме о прибытии из госпиталя на службу слушать не пожелал, присесть, как бывало раньше, в мягкое кресло у его письменного стола не пригласил и, что самое обидное, даже для приличия не спросил о моем здоровье. Видя недоумение на моем лице по поводу такого холодного приема, пояснил кратко:

— Дорога каждая минута. Наши ребята напали на след банды Мамата. Сейчас будем ее ликвидировать...

— Готов к операции, рафик полковник, благодарю за доверие! — воскликнул я.

— Не торопись благодарить, Абдулла. Бандой займусь лично я сам с отрядом Народной армии, а тебе, капитан, поручаю особое задание. Наши товарищи час назад задержали две подозрительные личности... Все, что было при них, я поручил дежурному отправить на экспертизу... А ты займись немедленно допросом арестованных. Разберись, что к чему, найди ту самую ниточку, которая приведет, возможно, в берлогу матерого зверя. Задача ясна?

— Так точно, рафик полковник! — ответил я своему начальнику.

Джафар открыл массивный стальной сейф, достал оттуда пистолет с несколькими запасными обоймами патронов и две гранаты со взрывателями.

— Ну, мне пора... Когда вернусь в управление, найдем времечко, Абдулла, потолковать о твоём здоровье и делах житейских, попьем чайку — особенно, из моего неприкосновенного запаса... А сейчас приступай к делу!

...Прежде чем начать допрос, я попросил по телефону дежурного офицера, чтобы принесли ко мне личные дела задержанных.

— А никаких личных дел у этих арестованных еще нет. Привезли их час назад. Допрашивать, сам знаешь, сейчас некому, все на операциях. Сидят они в одной камере, друг с другом не разговаривают, словно немые...

— Ну что ж, давай их ко мне, да не всех сразу, а по одному.

— А с кого начнем? — задает мне вопрос дежурный. — Какого арестованного вести: мужского пола или женского?

Я подумал и сказал:

— Давай женского.

Через несколько минут в специальную комнату для допросов вошел сержант и доложил, что арестованная доставлена.

— Введите ее, пожалуйста! — попросил я его. Он приоткрыл дверь и командует строгим голосом:

— Входи, входи, арестованная!

А она не идет. Сержант вздохнул и уже совсем не по уставу, а так по-простому, словно у себя дома, сказал:

— Да входи ты, милая. Здесь тебя никто не обидит. Рафик капитан — добрый человек. Ну, давай же твою ручонку.

Она, видимо, поверила его словам, и вот сержант

¹ Миравили - поехали.

вводит в комнату арестованную. Глянул я на нее и чуть со стула не упал.

— Ты кого мне привел?!

— Арестованную женского пола, как было приказано!

— Да какую арестованную... Да еще женского пола. Это же ребенок, совсем ребенок. Ну что она могла совершить такого преступного, что ее упрятали за решетку?

— Не могу знать! — отвечал, пожимая плечами, сержант.

И, видимо, боясь дальнейшего моего гнева, поспешил:

— Разрешите идти?

— Одну минуту. Арестованный, как изволит выражаться дежурный офицер, «мужского пола» таких же лет, как эта девочка?

— Малость побольше, этак лет двенадцать будет...

Рывком, со злостью снимаю трубку телефона и связываюсь снова с дежурным офицером:

— Слушай, лейтенант, ты там ничего не перепутал? Полковник говорил о диверсантах, а это же малые дети.

— Не торопись с выводами, капитан, — услышал я в ответ. — Когда кончишь допрос, я зайду к тебе с кое-какими бумагами. Их должны доставить к нам буквально через несколько минут. Желаю удачи!

Разговор был окончен, от дежурного я ничего толком не узнал, вздохнул тяжело и решил допрашивать обоих арестованных в компании, чтобы время сэкономить и дать возможность ребятам не чувствовать себя одинокими перед грозным следователем с капитанскими погонами на плечах. И говорю сержанту:

— Веди уж заодно и мальчугана, нечего ему там томиться в ожидании допроса.

— Будет исполнено, рафик капитан!

Дверь за сержантом закрылась, и я внимательно стал рассматривать стоящую передо мной девочку, одетую в жалкие лохмотья. Босые, грязные ноги в цыпках, длинные, по пояс, черные волосы давно не знали, что такое мыло и гребешок. В глаза мне не смотрит, уставилась в пол, тоненькие, как спички, ручонки с грязными ногтями прижимает к худенькой груди.

— Как тебя зовут, девочка?

Жду ответа, но она молчит.

— Ты что, глухая? Не слышишь моего вопроса? — Повторяю снова, теперь уже по слогам: — Как те-бя зо-вут? Поняла? Ну, отвечай!

Никакой реакции. Стоит передо мной, как мумия, головы не поднимает. И тогда я пошел на хитрость. Ударяю себя рукой по лбу, словно что-то вспомнил, встаю со своего места, открываю сейф и беру первую попавшуюся мне под руку книгу. Это был справочник внутренних телефонов сотрудников управления Царандоя...

— Ай, ай, и как же можно было забыть про эту волшебную книгу. Старый безмозглый осел, — обзываю себя весьма неслестными словами. — Она сейчас мне точно скажет, как зовут эту глухую девочку. Итак, приготовились, закрыли глаза... Помолчим и скажем волшебное слово... Буры тукуй кадыр!.. Теперь откроем глаза... Читаем первое слово вверх. Ага, вот и ответ: девочку, стоящую перед мной, зовут Кобра.

— Вот и неправда! Врет ваша волшебная книга! — неожиданно возмущилась девочка. — Меня зовут Фатима, и вовсе я не глухая. А Кобра — это кукла моя любимая.

— Значит, малость ошиблась моя волшебная книга? Ну, ничего, в следующий раз ошибки не будет, — заверяю я девочку. — Подходи смелее к сто-

лу, Фатима, садись на стул поудобнее, сейчас мы с тобой побеседуем.

— Спасибо. Я сяду, не беспокойтесь. Спрашивайте, что вы желаете, господин офицер. Я отвечу на все ваши вопросы.

— Ну ладно, вопрос первый: за что тебя арестовали?

— Да из-за моей Кобры. Понимаете, мы долго с братом Хакимом добивались до Кабула, и кукла моя стала настоящей замухрышкой.

— А откуда вы родом с твоим братом?

— Из кишлака Черек. Да вы, наверно, знаете, у нас там еще бешеная шумная река Арс течет и горы высокие крышу неба подпирают... Ну так вот, совсем стала грязная моя кукла в долгой дороге. Шли мы с братом мимо большого озера, так я и решила искупать мою Кобру... Она воды не боится. Только я ключиком завела ее железное сердце, чтобы она поплавать могла, как меня солдат за руку схватил. Оказывается, на этом озере куклам, как он сказал, категорически купаться запрещается...

Раздался осторожный стук в дверь. Это сержант привел брата Фатимы.

— А, Хаким, входи, входи, гостем моим будешь, — говорю ему, как старому знакомому.

Тот удивленно посмотрел на меня, а потом на сестру. Она ободряюще кивнула ему головой и подняла кверху указательный палец правой руки. Я не знаю, что это был за знак, только Хаким сразу осмелел: не дожидаясь моего приглашения, сел рядом с Фатимой за стол, приложил в знак приветствия руку к сердцу, низко склонил голову в мою сторону.

— А ты за что сидишь у нас в камере, Хаким?

— За кораблики, высокочтимый господин офицер.

— Какие такие кораблики?

— Обыкновенные, бумажные, — отвечает Хаким. — Оказывается, их на этом озере запрещено пускать... Да и вообще там вода, видно, священная, даже руки намочить нельзя.

Зазвонил телефон.

— Алло, капитан, — услышал я знакомый голос дежурного. — Прерви допрос твоих арестованных и срочно иди ко мне в дежурную комнату. Пришли важные документы, с которыми необходимо ознакомиться.

— Вот что, ребята, — сказал я своим арестованным, когда окончил разговор по телефону. — Вы наверняка проголодались. Сейчас вас здесь накормят, чаем напоят, а я на время отлучусь по делу. Когда вернусь, продолжим нашу беседу.

В дежурной комнате лейтенант вручил мне красную папку.

— Здесь те самые документы, о которых я говорил. Приказано ознакомить под расписку только тебя одного. Из моей комнаты выносить нельзя. Ничего не переписывать. Одним словом, вся надежда на твою память, — заключил лейтенант.

Я открыл папку и начал читать эти таинственные бумаги.

Первая из них начиналась так: «Химико-биологический анализ «белых шариков», проведенный в специальной лаборатории Академии наук Демократической Республики Афганистан...» Дальше перечислялись фамилии ученых, которые участвовали в проводимом исследовании, приводились какие-то химические формулы и схемы, в которых я, как говорится, ни бум-бум.

— Слушай, лейтенант, здесь сложная химия, а я, признаться, не в ладах с нею еще со школьной скамьи. Нет, документ этот не по адресу.

— Да ты читай, читай дальше. Потом с тобой вместе разберемся, по адресу он или нет.

«Заключение экспертной комиссии,— прочитал я на последней странице этого документа.— «Белые шарики» — одна из новых разновидностей химического оружия, применяемого противником на территории Афганистана.

В своей основе «белые шарики» не отличаются от известных уже нам отравляющих веществ «Б-8» и «Е-12», применяемых противником в различных провинциях нашей родины. «Белые шарики» имеют только значительно большую концентрацию яда, одна капля которого, разведенная даже в 20 литрах воды, ведет к немедленной смерти живого организма.

Как и «Б-8» и «Е-12», «белые шарики» изготавливаются в штате Калифорния Соединенных Штатов Америки, в закрытой военной лаборатории профессора Моррисона.

— Ну, что скажешь, дружище, по поводу такой информации? — спрашивает меня лейтенант. — Ведь любой враг может воспользоваться этими «белыми шариками» и нанести более существенный удар республике, чем с помощью обычного армейского вооружения. Не надо тащить с собой автомат, гранатомет, противопехотную или противотанковую мину. Сыпани в колодец или в другой какой водоем горстку «шариков» — и сразу уничтожишь не одного и не десятка, а тысячи людей.

— Неужели были уже такие случаи на нашей территории?

— Была попытка совершить подобную химическую диверсию... Но преступников вовремя арестовали.

— И кто же они оказались?

— Твои подследственные — Хаким и Фатима!

— Да не может быть! — воскликнул я, пораженный такой страшной новостью. — Ведь они совсем еще неразумные дети. Нет, нет, не может быть!

— К сожалению, капитан, эти ребята пойманы с поличным на месте преступления, — продолжал дежурный офицер. — Хаким не просто пускал бумажные кораблики по воде, а загружал их легкими «белыми шариками». Водохранилище, как тебе известно, обеспечивает водой все население столицы. Мощные насосы втягивают в себя, а затем распределяют по коллекторам сотни кубов воды. Насосы, как магниты, должны были притянуть к себе и бумажные кораблики со смертоносным грузом... Представь, какая величайшая трагедия могла произойти в нашем городе, сколько людей лишили бы жизни эти проклятые «белые шарики»!

Несколько минут мы сидели молча. Лейтенант подвинул ко мне пачку сигарет, но я, признаться, ее даже не заметил.

В голове возникла тысяча вопросов, на которые вряд ли кто мог сейчас ответить.

— Да, в красной папке есть еще один важный для тебя документ.

И снова я читаю заключение экспертной комиссии, на сей раз она состоит не из ученых-химиков, а из военных специалистов по минному делу: гуттаперчевая кукла, отобранная у девочки на водохранилище, является не игрушкой, а самой настоящей миной с сюрпризом.

С ее помощью собирались взорвать разделительный автоматический забор Кабульского водохранилища.

— Вот тебе и несмышленные дети! — сам себя пердразнил я. — Дело не такое уж простое, каким показалось мне час назад. Верно я говорю, лейтенант?

— Что верно, то верно, капитан. Придется тебе попотеть над ним.

Полковник Джафар вернулся в управление Царандоя уже под вечер, когда на смену изнуряющей жаре пришла благодатная прохлада. Он был возбужден. Чувствовалось, что мыслями и душой он еще там, на боевой операции. Ни одному душману так и не удалось вырваться из железного кольца наших солдат. Те, кто остался в живых, в конце концов сложили оружие и сдались в плен. В наручниках был отправлен в тюрьму и главарь банды Мамат.

— Ну, а что у тебя новенького, Абдулла? — спросил полковник, когда мы вновь встретились в его кабинете.

Я подробно стал рассказывать о заключении двух авторитетных экспертных комиссий, о допросе ребят, которые явно не желали говорить правду. Куклу Фатиме подарил добрый дядя, «белые шарики» Хаким нашел на дороге, в Кабул приехали погостить у богатой тетки Шефи-ханум, да вот адрес ее позабыли.

— В общем, хитрят брат и сестра, не говорят о главном — кто из взрослых стоит у них за спиной, кто прислал этих ребятишек из далекого, высокогорного кишлака Черек в Кабул, чтобы выполнить работу самого дьявола.

— Вот эту сложную задачу тебе и предстоит решить, Абдулла. В помощь дать, к сожалению, никого из сотрудников не могу. У всех свои задания, работы по самое горло. Попробуй, если будет нужно, привлечь к делу толковых ребят из рабочего батальона. К утру проект плана операции чтоб был у меня на столе. Тебе понятно, капитан? Подумай о том, как назовем предстоящую боевую операцию. Есть у тебя на этот счет какие-нибудь идеи? — интересуется Джафар.

— Есть, рафик полковник! Предлагаю дать кодовое название предстоящей операции «Снежный барс» или «Рысь».

— Что-то тебя, рафик капитан, на хищников потянуло, — смеется Джафар.

— Так наши враги сродни только кровожадным хищникам, — отвечаю полковнику.

— Хорошо, обсудим название операции тоже завтра утром. Ну, а что думаешь дальше делать с ребятами? — спрашивает меня Джафар.

— Для начала хочу пригласить их сегодня в гости к себе домой... Но, разумеется, если вы разрешите...

— В гости к тебе домой арестованных?

На лице полковника я вижу крайнее удивление. И тут же объясняю ему, с какой целью собираюсь привезти детей в свой дом.

— Хочу отмыть ребятишек в ванной, ведь они коростой поросли. Мама заменит их лохмотья на чистую одежду и, конечно, хорошо накормит, ведь она сегодня в честь моего возвращения из госпиталя грозилась плов сделать. Может, и вы с нами отужинаете?

— За приглашение спасибо, но, к сожалению, меня еще ждет работа. А вот насчет твоего предложения пригласить ребят в гости дай подумать...

Полковник встал из-за стола и заходил от стены к стене своего просторного кабинета. Ему еще и сорока не было, но голова вся седая. На лбу большой шрам от ожога. Это со времен кровавого режима Амина, который благодаря своему коварству сумел шесть лет назад захватить власть в государстве и в Народно-Демократической партии Афганистана. Амин подверг мучительным пыткам и уничтожил тысячи ни в чем не повинных людей. Вся их

Вина состояла в том, что они искренне любили свою родину, радовались новым социальным преобразованиям, которые принесла афганскому народу революция, свершившаяся 27 апреля 1978 года.

Джафара пытали током высокого напряжения и раскаленным железом. В ночь на 28 декабря 1979 года его должны были расстрелять на плацу страшной тюрьмы Пули-Чархи. А утром 27 декабря патристические силы афганского народа во главе с товарищем Бабраком Кармалем выбросили на свалку истории самого предателя Амина и его сподвижников. Наступил новый, второй этап апрельской революции, которую продолжают мужественно защищать полковник Царандоя Джафар и его боевые товарищи.

— А ты знаешь, Абдулла, мне твое предложение по душе, — сказал полковник, не переставая мерить шагами свой кабинет. — Может, домашняя обстановка и особенно доброе сердце твоей мамы, почтенной Лейлы-ханум, заставит их быть более открытыми, и они скажут, как они попали в сети контрреволюционеров, кто тот мерзавец, что детскими руками пытается погубить сотни людей. Нет, предложение дельное... Давай действуй, Абдулла.

— Есть действовать, рафик полковник!

Уже был на пороге его кабинета, когда услышал голос Джафара:

— Да не забудь маме передать мой привет. Вот чуть полегчает с работой — обязательно приду в гости на ее чудесный плов.

Я вызвал дежурную машину, усадил на заднее сиденье Фатиму и Хакима, сел рядом с шофером и сказал кратко:

— В пятый микрорайон!

Ребята плотно прижались друг к другу, сидят испуганные и молчаливые.

— Вы чего там приуныли, брат с сестричкой? — повернувшись вполоборота к ним, спрашиваю я своих арестантов.

Первым осмелился подать голос Хаким.

— А... этот самый, как вы называли... микрорайон... Это что, тюрьма такая большая, куда вы нас везете?

Водитель машины, услышав вопрос мальчика, громко рассмеялся. Я легонько подтолкнул его локтем, и он сразу утих.

— Спрашиваешь, что такое микрорайон? Нет, Хаким, это не тюрьма, а прекрасные дома для людей, — объясняю я мальчику. — В одном из них живу и я со своей мамой. Впрочем, лучше увидеть все своими глазами, чем чужими... Сейчас вы будете у меня в доме, и вам станет ясно, что значит микрорайон.

— Мы — в вашем доме? — переспрашивает удивленная Фатима.

— Да, сегодня вы гости моего дома.

...Наша квартира была предметом особой гордости моей мамы. Ей как лучшему бригадиру женщин-маларов по решению общего собрания рабочих домкомбината была предоставлена двухкомнатная квартира вне очереди. Помню, переступила мама порог своего нового дома, и подкосились у нее ноги. Усадил я маму на паркетный пол, спрашиваю: не позвать ли врача?

— Не надо, сынок, мне никакого врача. Не бойся, от радости люди не умирают. Жаль, что не дождал до этого ясного дня твой отец. Позвал его раньше времени аллах к себе на небо, перетрудился, бедняга, на земле грешной, всю жизнь тяжелые мешки с господским добром на своем горбу таскал. А как мы жили, сынок, вспомни только...

И она горько разрыдалась, припав к моему плечу. Признаться откровенно, вспоминать о прошлой нашей жизни мне страшно. Правда, и по сей день не все люди имеют такие благоустроенные квартиры, как мы с мамой, хотя идет грандиозное строительство. Но много еще трудового народа проживает высоко в горах над Кабулом, где нет ни канализации, ни водопровода. Глинобитные ветхие домишки, что ласточкины гнезда, прилепились к холодным камням. А наша семья до апрельской революции не имела и такого жилья. Вырубил отец в скале пещеру, мать повесила при входе в нее кусок старого брезента — вот дом и готов. По ночам не давали покоя змеи и скорпионы. Зимой в нашей пещере было холоднее, чем в могиле. Надо бы костер разводить, да денег на топливо не было. Один килограмм дров стоил сорок афгани. А отец едва зарабатывал двадцать афгани в месяц... На весь день еды — тутовая лепешка и кусочек брынзы... Вот какая была жизнь у бедняков до революции.

...Мы живем на самом последнем, четвертом этаже. Поднимаемся по лестнице: я впереди, ребята за мной гуськом. Нажимаю кнопку электрического звонка, и тут же открывается дверь.

— Ну, наконец-то, сыночек мой родной, — целует меня мама. — Я с работы сегодня пораньше отпросилась, чтобы приготовить все, как положено, к встрече своего капитана после госпиталя, а его нет и нет... Так входи же в дом, нечего в дверях стоять.

— Мама, я не один, а с гостями.

— Всегда рады добрым гостям. Пусть и они заходят в дом.

И вот гости в комнате. Выстроилась перед моей матерью босоногая оборванная команда, смотрит с подозрением и, мне показалось, даже с некоторым страхом. У Фатимы от волнения губы дрожат, гляди, вот-вот расплывется. Мама молчит, и ребята ни слова. Чтобы разрядить затянувшуюся паузу, обращаюсь к маме:

— Ну как, хороши мои приятели?

— Очень даже, — с улыбкой отвечает она. — Особенно эта красивая девочка. Скажи мне, доченька, как тебя зовут?

— Фатима, — неожиданно осипшим голосом отвечает она.

— А это Хаким, ее брат, — представляю я паренька.

— Ну, а меня, дети, зовут Лейла-ханум. Вот и познакомились. Пора ужинать. Но прежде чем мы сядем за стол, примите ванну.

— Что-о? — ужасается Фатима. — Нет, нет, не обижайтесь, Лейла-ханум, я не пойду в ванную, я боюсь, что там злые духи сидят!

Мама хорошо понимает чувства девочки, впервые попавшей в городскую квартиру. Вот от большой кровати, застеленной шелковым покрывалом, Фатима пришла в восторг. А в ванную идти купаться не хочет, боится злых духов. Мягко кладет мама свою руку на плечо дочки, говорит тихо и доверительно:

— А я буду рядом с тобой, злые духи меня здорово боятся, я знаю против них волшебное заклинание.

— Ну, тогда другое дело, — говорит, успокоившись, Фатима.

— Мальчики! — обращается к нам мама. — Мы идем в ванную комнату первыми. Просим без нас не скучать. Абдулла, развлекай Хакима, включи телевизор, там идет какой-то смешной фильм.

...Не узнать было моих арестантов после купания. В восторг детей привел душ, или, как они его окрестили, железный дождик. Чистые, отмытые, как



говорится, добела, они оказались необыкновенно симпатичными ребятами. А Фатима, я бы сказал, — настоящей юной красавицей. Мама хорошо промыла ей голову, старательно расчесала длинные волосы, которые стали мягкими, как черный индийский бархат; слегка подвела сурьмой густые брови девочки, помазала за ушами какими-то ароматными благовониями. Сидит она за столом в длинной ночной рубашке моей мамы, перехваченной в поясе голубой узорчатой лентой. От удовольствия горят глаза, как самые яркие звезды на небе. Хакиму досталась одежда, сохранившаяся еще со времен моего детства. Выгоревшая на солнце куртка и штаны с двумя заплатками на коленях, но ходить в них вполне возможно. Хаким рад подарку. За столом никак оторваться не может от блюда с пловом, ест руками жадно и торопливо. После сытного ужина начали готовиться ко сну. Мы с Хакимом разместились

на полу в моей комнате. Но прежде чем погасить свет, я пошел проверить, закрыта ли на замок дверь, вставлена ли в гнездо сторожевая цепочка. Укладываясь спать, достаю из-за ремня свой пистолет, проверяю, сколько пуль в обойме, ставлю боевое оружие на предохранитель.

— Модель 75, — неожиданно услышал я голос Хакима.

Приподнялся на своей постели паренек и с интересом смотрит на мой пистолет. Думал я, что он уже спит, ошибся.

— Здесь самовзводный ударно-спусковой механизм, магазин с двухрядным расположением пятнадцати патронов, — как опытный специалист, описывает он мое личное оружие.

Я от удивления рот раскрыл. А Хаким продолжает: — Я многие виды пистолетов знаю.

— Ты? Да не может быть! А что про другие пистолеты знаешь?

— Оружие какой страны вас больше интересует, господин капитан? — отвечает на вопрос вопросом Хаким.

Это уже похоже на игру. Ну что ж, играть так играть.

— Ну, скажем, для примера, пистолеты Федеративной Республики Германии.

Я знал, что Хаким в школе никогда не учился, географии не изучал и вряд ли даже представляет себе, где находится эта страна, а тем более какие виды стрелкового оружия она производит. Но то, что я услышал от мальчика, меня просто лишило на время дара речи.

— В ФРГ производят различные виды пистолетов. Но лично я отдаю предпочтение «парабеллуму», сконструированному еще в 1900 году Георгом Люгером. В свое время этот вид пистолета был на вооружении офицерского состава королевской армии Афганистана. Да, кстати, вы знаете, что означает слово «парабеллум»?

Я отрицательно качаю головой.

— «Пар беллум» значит дословно: «готовиться к войне». Это часть одной латинской пословицы, которая гласит: «Хочешь мира — готовься к войне». Видно, у того, кто придумал эти слова, башка здорово варила. Ну вот, а «парабеллум» выпуска последних лет на заводах в Оберндорфе в ФРГ...

И он начал сыпать на мою бедную голову цифры: калибры всех многочисленных моделей, старых и новых образцов «парабеллума», длины стволов, дальность полета пуль и их убойная сила.

— И еще мне нравится другой вид немецкого пистолета — «вальтер», — продолжал свою лекцию Хаким. — При Гитлере в Германии были разработаны новые модели «вальтера», среди которых наиболее удачными, как мне кажется, можно считать модели «милитерпистолета», а сокращенно просто МП и «армес». В настоящее время довоенный «вальтер» модели так называемой «полицейской пистолет криминал», помимо старого калибра 7,65 миллиметра, имеет еще и 9 миллиметров. Вы еще не спите? — спохватился Хаким.

Я был в таком состоянии, когда говорят, что человек проглотил собственный язык.

— Тогда я расскажу вам о пистолетах Англии, потом Америки, Бельгии и Испании, — продолжает мальчишка.

И тут у меня наконец прорезался голос.

— Довольно о пистолетах на сегодняшний вечер. Гашу свет.

— Давай спать. И чтобы ни слова больше. Договорились?

— Договорились, — отвечает уже из темноты Хаким.

Закрыв глаза, лежу на спине, пытаюсь поскорее уснуть. Завтра у меня напряженный день. А сна нет и нет. Видимо, потому, что меня поразил Хаким. Интересно, откуда у него такие познания в оружии, кто его обучил? С этого вопроса надо завтра начать беседу с пареньком. Полежал еще немного, не спится, и первым нарушаю наш договор с Хакимом.

— Ты еще не спишь? — спрашиваю я его.

— Пока нет.

— Тогда ответь мне на один вопрос. Где же ты все это узнал про оружие? Кто тебя этому научил?

— Мой дед Шамоодин был мастером оружейных дел. К нему со всех провинций шли люди, чтобы он починил поломанное оружие. Дедушка любил повторять, что афганцу лучше ходить без халата, чем дома винтовку не иметь... К делу дедушка приступал не спеша, — рассказывал дальше

Хаким. — Поначалу нос оседлает большими очками, достанет из сундучка толстую книгу, послунонит палец и осторожно начнет листать страницы. Найдет нужную и долго читает.

— А как эта книга называлась, ты не помнишь?

— Почему же не помню. Она называется «Краткие характеристики стрелкового оружия армий всего мира». Дедушка на базаре в Пешаваре купил, когда с отарами овец кочевал по Пакистану. Тогда ноги у него еще не болели, мог легко ходить с севера на юг и обратно. Книга на арабском языке, но издана в Америке. Дедушка все свои накопленные годы в афгани отдал за нее. Был он грамотным, когда-то в молодости на оружейном заводе в Кабуле работал. Взялся и меня учить читать. Других книг в доме не было, так он меня учил по этой. Дедушка сказал, что я толковый парень, за один месяц научился читать по слогам, а через год я знал эту книгу почти всю наизусть. Сейчас дедушки уже нет в живых.

— И давно он умер?

— Его убили, — услышал я в ответ.

— Кто?

— Очень плохие люди! — ответил он и больше не сказал ни слова.

Вскоре я услышал его ровное дыхание, и у меня самого стали слипаться глаза. А на женской половине все еще горел свет, слышались приглушенные голоса.

Сбылась заветная мечта девочки. Она легла впервые в жизни на мягкую кровать. Прижалась к моей матери, как к родной, и шепчет:

— Расскажи мне, высокочтимая Лейла-ханум, какую-нибудь сказку. Только не очень страшную и с хорошим концом, чтобы злого побеждал добрый человек.

— Ну что ж, — говорит моя мама. — Знаю я такую сказку. Слушай...

Глава IV

— Ну что, понравилась тебе моя сказка, доченька? — спрашивает моя мама.

— Очень...

Мама погасила настольную лампу, что стояла у ее кровати, и сказала:

— А ну, хлопнем дружно три раза в ладоши, и глазки сами закроются.

Сказано — сделано. Маму действительно сразу потянуло ко сну. А вот на Фатиму это волшебство не действует.

— А платье у принцессы было очень красивое?

— Очень, все золотом расшитое, — зевая, отвечает ей мама.

— А мне с золотом не нужно. Видала я тут у вас в городе одну девочку, у нее платье с кружевным воротничком. Вот бы мне такое! — мечтает Фатима.

— Будет и тебе такое, — говорит мама. — Я знаю, где такого фасона детские платья продают. Государственный универсам на площади Спинзара знаешь? Дом такой высокий с большими стеклянными окнами?

— Это тот дом, что рядом с черным рынком?

— Да, рядом.

— Тогда знаю.

— Вот мы туда и пойдем вместе с тобой.

— А когда?

— Завтра у нас понедельник. Потерпи уж до джумы, до нашего выходного дня. Купим там тебе платье, которое ты хочешь. А заодно и туфельки с носочками.

— Ой, неужели это все будет?! — радуется Фатима.

— Будет, обязательно будет, раз сказала Лейлаханум. Слово мое твердое, рабочее. А сейчас спать, и без всяких разговоров. Спокойной ночи, доченька моя.

Чтобы не опоздать на работу, завел я с вечера звонкий свой будильник на семь часов утра. А пришлось вставать в четыре. Это мама меня на ноги подняла.

— Вставай, вставай скорее, сыночек, беда приключилась.

— Какая там еще беда? — никак не пойму я со сна.

— Вставай же, тебе говорят. Ребята наши из дома исчезли!

— Как исчезли? Почему? — Сон точно рукой сняло. — Да быть такого не может, мама! Ведь ключ от двери я на всякий случай себе под подушку положил... Да вот же он, смотри, лежит на месте.

— Да дверь я уже проверила. Она действительно закрыта на ключ, и цепочку никто не трогал.

— А может, они, шалуны, решили с нами в прятки поиграть? Прячутся где-нибудь в доме?

— Да нет же, сыночек, — говорит встревоженная мама. — Я и под кроватью смотрела, и в платяном шкафу, и в ванной комнате, и на балконе. Нигде никого нет.

— Странное дело. Не улетели же они с четвертого этажа?

— Ты шутишь, а у меня сердце зашлось, не случилась ли с детьми беда какая... Что делать-то будем, сыночек? — спрашивает мама.

— Будем искать! Я сейчас же еду в управление Царандоя.

...Выслушав мой доклад о случившемся, полковник Джафар щелкнул зажигалкой и задымил сигаретой. Я стоял перед ним по команде «мирно» и с волнением ожидал поток гнева начальника, который должен был обрушиться на мою бедную голову. Но Джафар пока и словом не обмолвился, все молчит и молчит. Ох, уж лучше бы сразу начал разнос, а то устроил психологическую казнь. Не словами гневными, а гробовым молчанием убивает человека наповал. Не знаю, сколько бы длилась эта молчанка, но в кабинет вошел майор Какар.

— Разрешите доложить, рафик полковник! — обращается он к начальству.

— Да, докладывайте!

Майор открыл свою папку с донесениями и начал читать очередные сообщения о происшествиях минувшего дня и ночи. Здесь перечислялось, какие были в городе кражи и убийства, ограбления лавок и квартир, спекуляция наркотиками, угон автомашин. И в заключение самое страшное для меня сообщение:

— Вчера при снятии пробы первого блюда санитарным врачом в столовой ткацкой фабрики за двадцать минут до начала обеда был обнаружен горьковатый привкус. Спасти врача не успели. Вызванная в эту столовую бригада экспертов обнаружила, что суп отравлен тем же смертоносным составом, которым обладают известные так называемые «белые шарики».

Какар захлопнул свою папку.

— У меня все, рафик полковник! Разрешите идти?

— Идите!

И снова рука Джафара тянется к пачке сигарет. Все мы знаем, что если полковник курит одну сигарету за другой, значит, обдумывает какую-то сложную боевую операцию. Смотрю я на него и думаю: отругает он меня сейчас самыми крепкими словами,

а потом свой хитроумный план действия предложит. Но ругать меня он не стал, а сказал спокойно, не повышая голоса:

— О ребятах, Абдулла, не печалься. Найдем их, хоть из-под земли, но обязательно найдем. А тебе придется сегодня же отправляться на их родину, в кишлак Черек. По нашим сведениям, там недавно побывала незнакомая нам новая банда душманов под предводительством некоего Пир Бабы-хана. Тебе необходимо уточнить, кто остался в живых из жителей кишлака... Возможно, мать или отец наших ребятишек. Постарайся узнать, кто в Кабул послал детей. Подробнее разузнай все о банде Пир Бабы-хана и о нем самом. Задача ясна, рафик капитан?

— Так точно, рафик полковник!

— Тогда действуй. Желаю удачи! — протянул мне на прощание свою сильную руку полковник.

...От Кабула до райцентра одной из самых дальних провинций нашей страны, что граничит с Пакистаном, я летел на самолете два часа. А вот от райцентра до кишлака Черек добирался целых трое суток. Вела к нему узкая петляющая тропа, и все вверх и вверх — кажется, к самому небу поднимается наш небольшой караван... Со мной вместе качаются в седлах начальник районного отделения Царандоя старший лейтенант Саид Маджрух и два его сотрудника Мухаммед и Касем.

— Места здесь глухие и дикие, далеко в стороне от караванных дорог. Я здесь один раз бывал, и то давно, кажется, год тому назад. Связи с кишлаком никакой практически нет. Добираться сюда небезопасно, в горах всякие хищные звери водятся: леопарды, гиены, волки... — рассказывает Саид.

— Но самые страшные хищники — это душманы, — добавляет Мухаммед.

— Что верно, то верно, — подтверждает Саид. — Недавно в нашем районе были жаркие бои... Народная Армия наголову разгромила крупную банду душманов. Одних пленных мы насчитали свыше тысячи человек, захватили большое количество боеприпасов и оружия...

— И все с клеймом нескольких стран мира, — подает свой голос Касем, что замыкает нашу кавалькаду. — Стал для них наш родной Афганистан испытательным полигоном нового оружия. Стреляют не по учебным мишеням, а по живым людям.

— Жестокое время переживает наш народ. Сколько жизней уносит каждый день и каждая ночь! У меня душманы убили отца и двух братьев, — печально говорит Саид Маджрух. Помолчал немного и добавил уже твердо, уверенно: — Но все равно мы победим! Нет уже крупных банд, разбили их вдребезги... Остались мелкие группы. Доберемся и до них, будьте уверены, не уйти душманам от кары народной.

— Да, кстати, о бандах. Что собой представляет та из них, что действует в вашем районе под руководством Пир Бабы-хана? — спрашиваю у начальника райотдела.

— Меня уже запрашивал по этому поводу Кабул. Но, признаться, нам пока ничего неизвестно про эту банду.

— А надо бы знать, рафик старший лейтенант. Эти сведения нужны Кабулу, что называется, позарез...

— Будем знать, — заверил меня Саид. — Дано срочное задание всей агентурной сети, найдем этого негодяя и его банду.

...В Черек мы добрались к утру четвертого дня. Никто не встретил нас здесь, не услышали мы ни лая собак, ни человеческого голоса. Да и самого

кишлака, к нашему ужасу, не было. Кто-то взорвал все дувалы и дома, да такими сильными зарядом, что от них только глиняная пыль осталась. Пробовали громко кричать, чтобы услышали нас люди, давали очереди из автоматов, стреляли из ракетницы. Разрисовали небо разноцветными огоньками, но никто не откликнулся на наш призыв. Не было больше кишлака Черек, не было ни живых, ни мертвых его жителей.

Но Мухаммед и Касем еще не верят, что могла случиться такая беда. Решили продолжить поиск ближе к ущелью, а мы с Саидом отправились к бурному горному потоку. Стоим на берегу и молчим, каждый со своими печальными и тревожными мыслями.

— Эх, если бы реки могли говорить,— первым прервал молчание Саид,— поведаль бы нам тогда беспокойный Арс, кто совершил такое злодеяние в бышем кишлаке Черек.

— На этот вопрос нужно не Арсу, а нам с тобой ответить, рафик старший лейтенант. Тебе не кажется странным, Саид, что мы нигде не обнаружили трупы убитых?

— Странного здесь ничего нет. Рядом Пакистан, до границы рукой подать. Вот через это ущелье...

— Так ты думаешь, всех убитых жителей Черка душманы за кордон с собою унесли?

— Бывали и такие случаи, враги научились, как надо замечать свои кровавые следы. Не забывай, капитан, у них опытные учителя — американские и китайские инструкторы.

— И все же я верю: если банда уходила за рубеж через ущелье, то там могут остаться какие-нибудь следы. Придется нашей группе обследовать это мрачное ущелье вплоть до самой границы.

Между тем появились Мухаммед и Касем.

— Вот, смотрите, что мы нашли,— говорит еще не успевший отдышаться Мухаммед.— А ну, Касем, разверни этот плакат. Он на скалу был наклеен, что у входа в ущелье.

И вот я читаю вслух, что было написано большими буквами арабской вязью: «Правоверные мусульмане! В этом кишлаке жили мирные, трудолюбивые и благочестивые люди. К ним приехали из города наши вероотступники вместе с русскими кафирами¹. Они хотели, чтобы все правоверные отреклись от нашей святой веры в аллаха. Вместо того чтобы пять раз в день совершать намаз², как учит нас святая книга коран, приказали всем от малого до старого учиться читать книги, написанные самим дьяволом. А когда честные мусульмане отказались выполнять их приказ, пришельцы из города расстреляли всех жителей кишлака Черек, не пощадив даже детей и почтенных старцев. К оружию, братья мусульмане! Кровь за кровь, отомстим неверным за гибель людей, чья вина состояла только в том, что они верили в нашего владыку — аллаха. Народный мститель Пир Баба-хан».

— Подумать только, какой мерзавец этот Пир Баба-хан! Свою персону за народного мстителя выдает! — искренне возмущился Саид.— Ну, попадись ты только мне в руки, я тебе покажу!

— Так он к тебе добровольно и пожалует,— говорю Саиду.— Не такой уж дурак этот «мститель», чтобы себя отдавать в руки народной власти... Он еще погуляет, справит не один кровавый пир, прежде чем мы его схватим. Расстреляет сотни людей, а вину на Народную Армию и русских братьев свалит.

¹ Кафиры — неверные, так мусульмане называют иноверцев.

² Намаз — молитвенный обряд верующих мусульман.

— Да клевета все это, самая что ни на есть страшная клевета! — снова возмущается Саид.

— Мы это с тобой хорошо понимаем, но ведь могут найтись наивные, доверчивые люди, которые поверят в то, что написано на этом плакате. Помимо нашего возмущения, нужны факты, живые свидетели преступления Пир Бабы-хана и его шайки.

Я взглянул на свои часы, было уже семь часов утра.

— Ну что ж, пора и в путь, друзья,— сказал я.— Надо засветло обследовать ущелье, дойти до самой границы с Пакистаном, посмотреть, нет ли каких следов душманов. Одним словом, по коням!

— А что сделать с этим плакатом? — спрашивает Касем.

— Порвать эту пакость и в речку выбросить! — приказывает Саид.

— Отставить! — отменяю команду Саида.— Сверни, Касем, аккуратно да спрячь понадежнее. Это будет один из важных документов в судебном деле душмана Пир Бабы-хана.

Поначалу ущелье показалось мне довольно широким. Сюда заглядывало жаркое солнце, весело вдоль дороги шумел неугомонный Арс, под копытами коней приятно шуршала мелкая галька. Едем цепочкой. Я впереди, за мной Саид, потом Мухаммед, а замыкает Касем. Оглянулся через плечо, смотрю: лицо у Саида злое какое-то стало, брови сурово наслуплены, желваки на лице заиграли.

— Что с тобой, Саид, ты чем-то расстроен, как я посмотрю? — спрашиваю старшего лейтенанта.

— Да думаю все об этом гнусном плакате. Ну уж ладно, пусть нашу народную власть грязью поливают. Она явно не по вкусу контрреволюционерам и их заокеанским хозяевам. Ну, а советские здесь при чем? Ведь мы же их сами просили прийти на защиту республики. Русские парни за нас жизни своей не жалеют, выполняя интернациональный долг, а душманы против них людей пытаются настраивать.

— Пытаются, только у них ничего не получается. Дружба афганцев с шорави¹ крепнет день ото дня.

— Это точно,— подтверждает Саид.— Я вот тебе один случай расскажу.

Он слегка прищиприл коня, поравнялся со мной, благо ущелье еще позволяло двум всадникам ехать рядом, и неторопливо начал свой рассказ.

Глава V

Долго терроризировали население нашего района несколько крупных банд. Их тактика заключалась во внезапности нападения и быстрого отхода через границу в Пакистан. Нашими местными силами — сотрудниками Царандоя, отрядами самообороны — ликвидировать банды не удалось. Тогда губернатор провинции попросил советское командование из ограниченного контингента войск в Афганистане прислать воинское подразделение для защиты мирного населения. Через день оно прибыло. Недалеко от райцентра быстро вырос палаточный городок с дорожками, посыпанными желтым песочком, под навесом скотили столы для столовой, оборудовали походный кинотеатр, веселая музыка из репродуктора играет целый день. На эту самую музыку и повалил народ — своими глазами посмотреть, какие они из себя, русские солдаты. А вечером, кто по-

¹ Шорави — советские.

смелее, стали мои земляки ходить на советские фильмы, что показывали в подразделении. Переводчиком, если только не был занят по службе, был я. С появлением советских солдат прекратились наглые набеги банд из Пакистана. Все трудовое население облегченно вздохнуло, по вечерам оживились улицы, не торопились с заходом солнца закрывать свои торговые лавочки хозяева.

Я очень подружился с командиром Орловым Михаилом Ивановичем. Были мы с ним одноклассники, почти совсем «старики»: нам исполнилось по 27 лет. Пригласил я однажды его посмотреть, как живут наши люди на селе. Он охотно согласился.

— Я сам, — говорит, — из семьи потомственных хлеборобов. Из станции Котовской, что на Кубани. Поехали. Километра за три до кишлака, куда лежал наш путь, Орлов вдруг дает команду своему шоферу:

— А ну тормозни, Петя!

И тут же из машины на пыльную дорогу прыгает. Я за ним, стали мы рядом и смотрим на поле...

— Может, дальше поедет? Нас там ждут... Митинг будет, — говорю я Орлову через несколько минут.

— Не торопи меня, друг Саид, — отвечает капитан. — Дай я на твои поля посмотрю, чтобы запомнить на всю жизнь, детям и внукам рассказать, до чего довели афганский народ вчерашние короли, помещики и баи... Такого, пожалуй, теперь у нас и в кино не увидишь.

На одной из узких полосок земли, зажатой с двух сторон скалистыми горами, вслед за худым, дряхлым волком, у которого можно было пересчитать все его ребра, босиком шел старый дехканин. Он изо всех сил, подавшись вперед, налегая на ручки деревянной сохи, или, как у нас ее называют, омуца, время от времени незлобно покрикивая на свою тягловую силу. На его лице в складках крупных морщин осели капельки пота. За спиной у старика боевой автомат. Мы подошли к пахарю, приветливо с ним поздоровались. Капитан взял в руки серый сухой комок земли, размял в пальцах.

— Да, такой серозем все жилы у человека вытянет, прежде чем даст всходы. Верно я говорю, отец?

— Что верно, то верно, сардар шорави¹.

— А пахать, да еще в твои преклонные годы, сохой на воле не тяжело, почтенный баба²?

— Оно, конечно, нелегко, но радостно. Ведь не на помещичьей земле горб гну, а на своей собственной, новая власть мне ее бесплатно дала. Да продлит аллах жизнь тем людям, которые сотворили наконец чудо на афганской земле.

— А что это за укрепления у вас по всем полям сооружены? — интересуется у старика Орлов. — Где высокие глиняные заборы, где заслон из колючей проволоки, а ваш участок весь тяжелыми валунами огорожен.

Я перевел слова капитана, и старик весело рассмеялся, показывая свои здоровые — на удивление для его лет — зубы.

— Это так, по привычке, чтоб дьявол кого не попутал, не забрел кто на чужую землю.

— А автомат еще надо с собой в поле брать? — опять задает вопрос советский капитан.

— Без оружия нам работать нельзя. Стреляют из-за каждой канавы, из-за каждого куста. Да мы не из трусливых... За свою родную землю постоять можем.

— Ну, будь здоров, отец! — говорит ему на прощание Орлов.

— Да хранит тебя аллах, храбрый воин! — отвечает ему старик.

...Пришла пора сенокоса. Травы нынче на склонах гор вымахали выше пояса, а косить некому. Всех здоровых молодых ребят призвали в армию, старикам не под силу по горам с косой лазить. Позвонил наш первый секретарь райкома НДПА капитану Орлову, попросил помощи.

— Поможем, обязательно поможем, давайте вместе с вашими районными активистами проведем субботник афгано-советской дружбы.

И вот в один из дней рано поутру в горах полный переполох. Вспорхнули враз к облакам со своими насиженных в скалах мест грифы и беркуты; поджав хвосты, помчались неизвестно куда лисицы и волки; даже совы с испуга нарушили свой режим: им еще спать до ночи, а они уже выпучили огромные глаза-фонари, но ничего не видят, понять не могут, что вокруг происходит. А напугали птиц и зверей звуки фанфар советских солдат, что разместились на самой вершине одной из высоких гор, от подножия которой поднимался пахучий травостой. Тогда смотрел я на горы, и душа радовалась. Зеленый покров украшал хребты и вершины. А пройдет всего несколько дней, и ни травинки не останется в наших горах, солнце сожжет, приберет все к рукам своим огненным. Поэтому надо спешить с покосом, дорог каждый час. Вот и зовет походная труба людей на субботник, боевые марши с утра бодрят старого и молодого.

Перед началом субботника состоялся митинг, в заключение которого первый секретарь райкома НДПА сделал приятное сообщение: кто быстрее всех закончит косить на своем участке и доберется первым до вершины, тому подарок — праздничный халат и, конечно, приветственный марш музыкантов в его честь.

И вот закипела работа. В одном ряду, чуть поодаль друг от друга, советские солдаты и афганцы. Вместе со своими косил траву и капитан Орлов. Легко, ловко. Хорошо отбитая коса прямо-таки пела в руках у командира.

В тот день заготовили сена столько, что им можно было прокормить весь районный скот целых два зимних месяца.

Вечером капитан Орлов пригласил меня на пиалущу чая.

— А здорово вы косой работать умеете, — говорю я капитану. — Смотрел сегодня на вас и любовался крестьянскому мастерству. Можно смело сказать, что на субботнике вы оказались у нас передовиком.

— Нет, как ни старался, а в передовики не вышел. Не достался мне нарядный халат. Обошел капитана Орлова самый что ни на есть рядовой солдат, — смеется Михаил Иванович. — Вот и думаю не посадить ли его суток на десять на гауптвахту за непочтительное отношение к начальству? Чтобы знал впредь, как говорят на Украине: поперёд батьки нос не высовывай, сынку!

Глава VI

Все труднее и труднее становилось преодолевать каменные преграды, что вставали на пути по ущелью.

— Дальше ходу нет нашим коням, — объясняет Саид. — Придется спешиться и топтать ножками.

¹ Сардар шорави — советский военачальник.

² Баба — отец.

А точнее говоря, прыгать, как кенгуру, до самой государственной границы.

— А далеко ли до нее? — спрашиваю у старшего лейтенанта.

— Да не очень, километра три, не более. Так как порежим, капитан?

— Что ж, лошадей придется оставить здесь, а самим добираться пешком. Попрыгаем немного, в качестве спортивной разминки. И, как говорили мои табигы¹ в госпитале, это весьма полезная процедура для укрепления здоровья. С лошадьми остается Мухаммед, а мы втроем пробуемся дальше по ущелью.

Тяжело дались нам эти злополучные три километра. По карте расстояние вроде совсем крохотное, но потребовались все наши физические силы, чтобы мы его преодолели. Приходилось не идти, а ползти по бесконечным глыбам камней. Потные, в синяках и шишках, добрались мы до цели.

— Вот она, граница! — тяжело опускаясь на серый валун, говорит нам с Касемом старший лейтенант.

Просто не верится, что именно здесь, у наших ног, проходит пограничная черта, отделяющая Афганистан от Пакистана. Она никем не охраняется, не имеет соответствующих знаков контрольно-пропускного пункта. Это всего лишь крохотный отрезок государственной границы Народно-Демократической Республики Афганистан с соседними государствами, которая растянулась на несколько тысяч километров по труднодоступным высокогорным районам, рекам и ущельям. Ее пересекают известные маршруты кочевков и караванных путей. У большой горной страны были и большие пограничные рубежи: так, на севере республики афгано-советская граница составляет 2346 километров, на западе с Ираном она протянулась на 850 километров. На юге и востоке граница с Пакистаном измеряется 2080 километрами. Совсем невелика граница с Индией — 100 километров и с Китаем — 70. Для кочевников, с многочисленными отарами находящимися в пути с севера на юг, а потом в жаркую пору с юга на север, понятия границы не существует. Они идут вслед за зеленым покровом, который еще не успело спалить солнце, по пыльным проселочным дорогам, многочисленным горным тропам. В нашей стране никогда не проводилась перепись населения. У взрослого населения Афганистана нет гражданских паспортов или заменяющих их удостоверений. В таких условиях очень трудно сохранить государственную границу. Это в значительной степени затрудняет работу пограничников, которым трудно распознать, кто идет через границу: труженник-кочевник или заклятый враг революционной республики.

— Вот через эту узкую горловину, наверное, и нагрянула банда на кишлак Черек, а потом быстро ушла за кордон, — высказывает свои предположения старший лейтенант.

— Возможно, так, а может, и нет, — сомневаюсь я.

Мы дошли до самой черты границы, вроде внимательно осмотрели все ущелье. Но нигде не обнаружили ни малейших следов пребывания здесь человека или животного. Нет ни пепелищ от костров, ни пустых банок от консервов или битого стекла от бутылок. Нет конского навоза или стреляных гильз от патронов, тряпок или окровавленных бинтов.

— Ну, это еще не аргумент, — возражает мне старший лейтенант. — Просто банда Пир Бабы-хана хорошо подготовлена, с определенным опытом, умеет, уходя за кордон, чисто замывать свои следы.

— А может, они все же и не проходили здесь после нападения на кишлак? — подает свой голос Касем. — Сидят сейчас тихонько в укромном местечке в горах, о котором никто и не знает.

— Это, пожалуй, ближе к истине, — соглашаюсь я.

— А я уверен, что он со своей бандой ушел в Пакистан на отдых после кровавых дел, — настаивает на своем Саид.

— Не будем гадать на кофейной гуще, — говорю я старшему лейтенанту. — Наша задача состоит в том, чтобы добыть точные сведения, где сейчас находится Пир Баба-хан со своими головорезами, что он представляет собой как личность, обнаружить и навсегда уничтожить его осиное гнездо. Но для этого нам всем вместе придется много поработать.

— Будьте уверены, рафик капитан, сделаем все возможное, что только от нас зависит.

— И даже невозможное, старший лейтенант, — говорю Саиду. — Со временем узнаете, за каким матерым волком мы начинаем охоту. Ну, а сейчас пора возвращаться. Скоро мне выходить на связь с Кабулом.

...Мухаммед не терял времени даром, оставшихся один с лошадьми. Он расседлал их, сводил на водопой к реке, дал овса и сена.

Не забыл проявить заботу и о своих товарищах, которые должны были изрядно проголодаться в нелегком походе. К нашему возвращению сварил на костре в прокопченном небольшом казане аппетитную шурпу, на листе газеты разложил лепешки и несколько кистей винограда. В солдатском котелке заварил чай. Завидя нас, сделал всем легкий поклон, рука легла на сердце.

— Прошу к столу, все готово!

Мы не заставили просить себя дважды. Устроились поудобнее у снятого только что с огня казана и стали черпать алюминиевыми ложками жирную, наваристую, заправленную обжигавшим красным перцем шурпу с кусками вареной мягкой баранины. Когда выпили по первой пиалушке чая, ко мне обратился Мухаммед.

— Рафик капитан, я вспомнил того старика. Это точно был он, да и рафик старший лейтенант его знает.

— Постой, постой, что-то я не пойму, о каком старике ты, Мухаммед, вспомнил? Объясни все по порядку, да поподробнее.

— Объяснять здесь особенно нечего, — говорит Мухаммед. — Заступил я, значит, в тот день с восходом солнца на дежурство по охране висячего моста, что соединяет два берега недалеко от райцентра. Вы в этот день, рафик старший лейтенант, проводили операцию в горах, брали одну из банд душманов. А у меня на охраняемом объекте все тихо, спокойно. Только Арс под мостом бушует. С характером наша река, — рассказывает Мухаммед, одновременно успевая подливать чай в наши пиалушки. — Значит, стою я на мосту, курю сигарету и гляжу на беспокойный Арс. И вдруг прямо по течению плывет неизвестный предмет, какой — никак не пойму. При мне бинокль, глянул я в него и вижу: плотик несется по реке, вертит и бьет его о камни бешеный поток. А на плоту человек с закрытыми глазами, руки вразмет полощутся в ледяной воде. Бросился я тут же по мосту на берег. Успел только снять с шеи бинокль и автомат, как плот вот уже рядом. Пришлось во всем обмундировании и тяжелых ботинках прыгать в воду. Плаваю я с детства неплохо. Есть силенка, чтобы потягаться с грозным Арсом. А вот спасти человека на воде мне еще не приходилось. Прямо выбился из сил, пока вытаскивал

¹ Табиг — врач.

его на берег. Оказалось, это старый человек с бритой головой, острым клином торчит седая борода, на виске запеклась кровь. Лицо мне показалось знакомым, где-то я видел этого человека. Нос с горбинкой, на левой щеке родимое пятно розового цвета. Вот по этому пятну и узнал я его,— продолжал рассказывать царандоевец.— Передо мной лежал раненый, в беспамятстве оружейный мастер Шамоодин, который славился своей искусной работой не только на всю провинцию, но и далеко за ее пределами.

— А что дальше было со стариком? — нетерпеливо спрашиваю Мухаммеда.

— Дальше я нагнулся к нему, ухо к сердцу приложил и слышу, что вроде оно бьется. «Можно еще спасти!» — подумал я. И стал давать вверх короткие очереди из автомата, поднимать тревогу в райцентре. На выстрелы прибежали люди, а потом подъехала санитарная машина. Через полчаса прилетел вертолет и забрал так и не пришедшего в сознание Шамоодина в Кабул.

— Неужели это тот самый Шамоодин, у которого мы с тобой, Мухаммед, год назад пили чай в его доме в кишлаке Черек? — спрашивает старший лейтенант.

— Он самый, — подтверждает царандоевец.

— У него еще внук вроде был необыкновенных способностей. Не давал старику покоя: учи читать, хочу быть грамотным. В доме по бедности была всего одна книга. Какой-то учебник по оружейному делу. Так вот с помощью этой книжки и научился его внук хорошо читать. Прощаясь со стариком, я пообещал прислать для внука букварь и учебник по арифметике. Ты не помнишь, Мухаммед, как звали этого паренька?

— Кажется, Хаким.

— Да, да, именно Хаким! — вспоминает и Саид. Я не поверил своим ушам.

— А ты, старший лейтенант, не запямятовал? Действительно ли внука оружейного мастера Шамоодина из кишлака Черек зовут Хакимом?

— Да, имя его Хаким, — отвечает Саид.

...К вечеру на столе у полковника Джафара уже лежал текст сообщения, переданного мною из райцентра, с просьбой — поручить розыск в госпиталях или больницах возможно еще живого мастера оружейных дел из кишлака Черек Шамоодина. Отправлен в Кабул из райцентра с тяжелым ранением в бессознательном состоянии 20 августа сего года, вертолетом, бортовой номер АС 5213, время вылета из райцентра 13.50.

Утром я получил ответ, что Шамоодин жив, находится в госпитале, состояние здоровья удовлетворительное. Детей еще не нашли. В джуму к вечеру быть в Кабуле.

Глава VII

Прошло уже два дня, а моих беглецов обнаружить в Кабуле так и не удалось. Оперативная группа поиска Царандоя осмотрела южную часть старого города, где по склону горы Шер-Дарваз лепятся друг к другу глиняные домишки, побывала на восточной окраине Дарваз-и-Лахури, на главном перекрестке старого города с его торговыми центрами. Искали ребят по всем базарам, во всех торговых рядах, на главной столичной магистрали Майван, в новых жилых мас-

сивах, в шатрах и палатках кочевников, которые разбили свой временный походный лагерь в окрестностях Кабула.

Из городского morga сообщили, что за последние три недели к ним не поступали трупы детей. Не значились брат с сестрой и в списках больных и раненых в медицинских учреждениях столицы. Полковник Джафар хмурил брови, говорил сдержанно, но сурово:

— Какие же мы оперативные работники, если малых детей найти не можем? Ясно одно, что они живы. Но где скрываются, кто их кормит и поит, дает ночлег — неизвестно. Надо удвоить темп поиска, опросить сотни людей, которые по нашему словесному портрету могли бы что-нибудь рассказать о Хакиме и Фатиме. Дети же не иголки в стогу сена. Искать, искать и еще раз искать! — требует от своих сотрудников Джафар.

Но как ни старались царандоевцы, а напасть на след пропавших ребят им не удавалось. Опытные работники Царандоя не справлялись с поставленной перед ними задачей.

А вот моя мама, Лейла-ханум, утерла, как говорится, всем нам нос.

В джуму с утра по-прежнему поехала мама по своим хозяйственным делам на автобусе в центр города. Загорпиться в выходной день ей было некуда, и она заглядывала то в одну, то в другую лавчонку. Подолгу выбирала себе ткань на платье, примеряла обувь. Но ничего не пришлось ей по душе. Решила заглянуть в государственный универмаг, что стоит за центральным почтамтом. Высокое здание в несколько этажей, где есть все, что надо и детям, и молодым, и людям среднего и старшего возраста. Неожиданно она увидела то самое платье, о котором мечтала Фатима.

«Вот бы девочка обрадовалась, получив от меня такой подарок, — подумала мама и тяжело вздохнула. — Исчезла вместе с Хакимом, а куда и почему, никому не известно. Может, я чем-нибудь ребят невзначай обидела, сказала что-нибудь не так?» — размышляет мама, а сама уже держит в руках вешалку с желанным для Фатимы платьем. Осмотрела его со всех сторон — платье нарядное и как раз по размеру Фатиме. Подошла к молодому человеку, на белой рубашке которого был фирменный значок универмага.

— Рад исполнить ваше желание, уважаемая ханум, — вежливо говорит ей продавец. — Вот вам чек, касса на первом этаже, там же и получите свою покупку. Спасибо, что посетили универмаг, милости просим почаще переступать порог нашего дома. Всегда к вашим услугам.

«Молодец, правильно сделала, Лейла-ханум, — хвалит себя в душе моя мама. — Вот найдется Фатима, придет ко мне в гости, а я ей сюрприз преподнесу: держи, доченька, подарок, о котором мечтала». В универмаге мама сделала для себя кое-какие покупки и довольная направилась к выходу. И вдруг слышит, что за спиной кто-то зовет ее тихим голосом:

— Лейла-ханум! Лейла-ханум!

Повернулась мама и радостно вскрикнула:

— Фатимушка, доченька моя! Нашлась, жива, ну дай мне тебя обнять!

А она палец к губам прикладывает, показывает, что надо говорить тише, озирается пугливо по сторонам.

— Да не бойся ты ничего! Не дам я тебя никому в обиду. Давай лучше поднимаемся на четвертый этаж, там есть буфет, мороженого отведаем. Ты,

наверное, никогда в жизни его не ела, а оно вкусное-превкусное — сладкий лед с вареньем. Ну, пойдем, пойдем!

Но Фатима не двигается с места. Босиком, все в тех же своих лохмотьях, лицо бледное и печальное.

— Раз в буфет не хочешь, давай отойдем в сторону, чтоб на проходе не стоять, туда, к большому окну.

Фатима послушалась маму, отошла с ней в сторону.

— Извините меня, Лейла-ханум. Но я не могу с вами встречаться. Нельзя. Строго-настрога запрещено. Это приказ, — шепотом говорит девочка.

— Какой приказ? Кто имеет право запретить нам встречаться? Да не темни, расскажи толком...

— Сейчас нельзя... Надо спешить. Удрала без спросу. Ох, и достанется мне от них!

— От кого, что за люди такие недобрые?

— Потом, потом расскажу, — торопливо говорит Фатима. — А я вас здесь давно поджидаю. Подумала уже, что обманете, не сдержите свое рабочее слово. А вы пришли. Я видела, как платье для меня покупали.

И неожиданно зашмыгала носом, слезы на глазах появились, вот-вот разрыдается на весь магазин.

— Ты что, доченька? Не надо плакать, моя хорошая, — успокаивает Фатиму мама. — Давай лучше платье нарядное наденем, посмотрим, как оно сидит на тебе... Ты здесь минуточку постой, а я пойду узнаю, где находится кабинка для примерки.

Вскоре мама вернулась, но Фатимы у окна уже не было. Бросилась искать ее по всем этажам магазина, заглянула в буфет, расспрашивала продавцов: может, они видели, куда пошла босоногая девочка в лохмотьях. Но все напрасно. Выбежала мама из магазина, надеясь найти ее где-нибудь за углом, на улице.

Но и здесь Фатимы не было.

— Кого ищет высокочтимая Лейла-ханум?

Она и не заметила, что рядом с ней остановилась такси и из кабины приветливо ей улыбается старый знакомый сына Рафат.

— Да вот, Рафат, беда у меня...

— Какая беда, почему беда? Неужели что дурное опять приключилось с Абдуллой? — забеспокоился таксист.

— С сыном, слава аллаху, все в порядке, жив-здоров. Находится в командировке в одной из провинций. Вот девочка пропала! Ты, часом, не видел такую маленькую, в лохмотьях, черноглазую?

— Сейчас такую видел. Действительно, черноглазая, рясочком небольшая, одета в лохмотья.

— Где она теперь? Куда пошла? По какой улице? — нетерпеливо спрашивает мама.

А Рафат не торопится с ответом, решил сначала сигарету прикурить и щелкает зажигалкой.

Маме это очень не понравилось. Разозлилась она на Рафата, с силой дернула на себя дверцу такси и скомандовала, как злой сержант:

— А ну, выходи из своей развалюхи на колесах, бросай сигарету, успеешь, еще этой гадостью отравиться. Рассказывай все, что видел!

Рафат, хотя и удивился столь непочтительному тону, но тут же поспешил выполнить приказ мамы.

— Так вот, значит, я и рассказываю, — начал он. — Выскочила та девочка из магазина, как сумасшедшая, чуть с ног не сбила женщину в чадре и бегом по улице к базару. Только голые пятки сверкают. А за ней двое мальчишек. Да я всю эту компанию хорошо знаю. Познакомился на автомобильной свалке. Я туда частенько заглядываю, чтобы свою «старушку» немного подлечить, подобрать для нее какие-нибудь уцелевшие детали. Живут ребята

в прогнившем салоне разбитого автобуса. Я еще вчера угощал их лепешкой и грушами. Рассказывали, что отец умер, а мать недавно убили злые люди. Сиротами остались. Таких ребят теперь много по базарам в Кабуле бродит. Будь она трижды проклята, эта необъявленная война! Да пусть обрушит небо свой страшный гнев на головы тех, кто ее начал!

— Ладно, ладно, проклятиями займемся с тобой чуть позже, а сейчас поехали, Рафат.

— Куда прикажете, Лейла-ханум?

— В управление Царандоя, к полковнику Джафару. Да поскорее, пожалуйста, дорогой рафик Рафат.

— Биссер хуп! — сказал он моей маме.

Глава VIII

В джуму к вечеру я прилетел в Кабул. На площади у аэропорта меня ждала дежурная машина управления Царандоя. Поздоровавшись со мной, водитель сообщил неожиданную новость:

— Вам приказано, рафик капитан, немедленно быть в госпитале номер пять для встречи с каким-то Шамоодином. Как сказал полковник Джафар, врачи только сегодня разрешили навещать больного. И еще велено передать, что дети нашлись. Но больной не должен знать о них. Так что о детях при встрече с Шамоодином ни единого слова.

— Так именно и сказал полковник?

— Именно так, — подтвердил водитель. — Заставил даже несколько раз повторить эти слова, пока я не выучил их наизусть. А вот это приказано передать вам в собственные руки. — И вручает мне хозяйственную сумку, с какой моя мама обычно ходит на базар. — Фрукты, немного сладостей, банка хорошего чая для больного.

Шамоодин не удивился моему приходу. Его заранее предупредил лечащий врач о предстоящей встрече. Лежал он в отдельной послеоперационной палате. Бритая голова забинтована, борода клином, нос с горбинкой, на левой щеке большое родимое пятно розового цвета. Точь-в-точь, как описал мне внешность старика царандоевец Мухаммед.

— Как вы себя чувствуете, уважаемый Шамоодин?

— Слава аллаху, полегче стало. Врачи говорят, что жить еще буду. Только зачем, не знаю.

— А что сейчас вас беспокоит? Где болит?

Он внимательно посмотрел на меня пытливыми глазами и, слегка усмехнувшись, сказал:

— Не трать даром времени, сынок. Ты не врач, и у тебя ко мне другие вопросы. Задавай побыстрее, на все ответчу, пока силы не покинут, язык не присохнет к нёбу.

— Вы правы, бабá, приступим прямо к делу. У меня один вопрос: что случилось в тот черный день первого июля в кишлаке Черек?

Не сразу я услышал ответ старого оружейного мастера Шамоодина. Он закрыл глаза, его худое тело вытянулось, борода задралась кверху, лицо окаменело, застыли глубокие морщины под глазами, плотно сжались посиневшие губы. Молчал долго, мучая свое старческое сердце страшными воспоминаниями. Потом тяжело вздохнул, открыл глаза и начал не спеша, глуховатым голосом рассказывать о трагедии на берегу шумной реки Арс.

¹ Биссер хуп — хорошо.

«Кишлак был небольшой, всего несколько домов, обнесенных высокими дувалами. Стоял он у самого берега бурной реки Арс. Она-то и поила наши клочки земли, что поднимались террасами по склону горы. А землю эту мы покупали в долине, везли на ослах, потом в плетеных корзинах на своем горбу тащили высоко в гору, каждый комочек через наши пальцы пропущен был. Выращивали пшеницу и кукурузу, овес и картофель. Только, бывало, начнется уборка урожая, появляются сборщики от помещика, люди злые, что чабанские собаки-волкодавы. От них ничего не утаишь, больше половины нашего урожая забирали с собой. Вздохнули мы, когда новая власть пришла, наделила она каждого دهканина землей.

Жили в кишлаке люди бедно, но не голодно, старались, чем могли, помогать друг другу... И вот пришел тот черный день. В полдень, когда подходило время совершать нам, правоверным, дневной намаз¹, на кишлак, что стоял саранчи, налетела банда душманов. Было их более сотни молодых парней, среди которых я сразу признал Рахмана-Гамида, младшего сына помещика, не раз он останавливался со своими слугами на ночлег у нас в кишлаке, когда затевал охоту на зверя в окрестных горах.

Давненько не появлялся Рахман-Гамид в наших краях. Рассказывали люди, что сразу после Апрельской революции он ушел с отцом и братьями в Пакистан. А вернулся вот не один, с отрядом вооруженных конников. Был он молод, лет двадцати пяти, широк в плечах, на лице следы от оспы, глаза с прищуром, взгляд тяжелый, недобрый.

Подав властным голосом команду Рахман-Гамид, спешили его люди и бросились в наши дома.

— А ну, молодцы, тащите к реке всех мужчин, женщин и детей,—командует он.—А кто добровольно идти не желает или по старости не может, расстреливать на месте! И живо, живо! Покажем раскочичному Пир Бабе-хану, как мы работать умеем.

Быстро спешили его люди и бросились, точно голодные волки, в наши дома. Поднялась стрельба, крики, плач детей, лай собак. Нас, будто стадо баранов, подгоняя прикладами автоматов, погнали к реке. В эти минуты я не думал о себе. Пожил уже немало годков на свете, повидал многое, и умирать уже не страшно. А жалел я вдову-сноху, добрую Дурханый и ее детей. Слава аллаху, их сейчас нет дома. Послала мать пять дней назад ребятишек в долину своих овец пасти. Может, они останутся живыми. Хотя бедными сиротами будут, но мир не без добрых людей, кто-нибудь накормит, кто-нибудь у костра обогреет.

На берегу реки душманы разделили моих земляков на две группы. Мужчины — в одну, а женщины с детьми — в другую.

— Как видите, уважаемый Пир Баба-хан, мои ребята сработали четко. За пятнадцать минут всех голдранцев вытащили из их вонючих нор. Ну, разумеется, кое-кого пришлось и пристрелить,—сказал Рахман-Гамид, обращаясь к человеку, что сидел на складном походном стульчике с сигарой в зубах в тени под развесистой чинарой.

Я стоял недалеко от этого господина, сумел разглядеть и запомнить, какой он из себя. Роста он, пожалуй, невысокого, худощав, лоб морщинистый, впалые, гладко выбритые щеки, глаза спрятались под синие стекла больших роговых очков. На голове серая каракулевая шапка, слегка сдвинутая на-

бскрень, новый шелковый халат с желтыми и синими полосами опоясан широким офицерским ремнем, на котором висит кобура пистолета.

— Ну что, начнем? — снова обращается к нему Рахман-Гамид.

Тот не вымолвил ни слова, только одобрительно кивнул головой.

— С кого прикажете начать, Пир Баба-хан, с мужчин или женщин с детьми?

— Расстрелы — это ваша профессия, уважаемый Рахман-Гамид,— отвечает мягким голосом Пир Баба-хан.— Я, как вам известно, специалист другого профиля. Советы давать вам не могу. Только, признаться, не терплю детского плача и воплей женщин. Они раздражают меня, действуют на нервы.

— Все ясно, я вас понял! Начнем с женщин и детей!

— Как вам угодно, мой друг Рахман-Гамид, да не забудьте, пожалуйста, что нам надо поторапливаться.

— Дело привычное, управимся в один миг,— заверяет его Рахман-Гамид. И тут же дает команду своим душманам: — А ну, приготовились, мои молодцы! Поверните всех женщин и детей лицом к реке! Стрелять по моей команде.

И тут вышел смело из толпы мужчина, малик¹ нашего кишлака, всеми уважаемый Хухналь-баба:

— Остановись, Рахман-Гамид. Побойся аллаха, не проливай кровь невинных. За что ты собираешься нас убивать?

— За то, что продали вы свои души красным дьяволам из Кабула, заняли самовольно земли моего отца, отступились от нашей святой мусульманской веры, мечети променяли на библиотеки и школы.

— Это неправда, Рахман-Гамид,— с достоинством отвечает наш малик.— Не самовольно, а по декрету народной власти земли были поровну разделены среди бедняков. Верующие не забыли сегодня своих молитвенных ковриков и дорогу в мечеть. Мы как были правоверными, так ими и остались. А библиотеки и школы — святое дело, они свет и знания дают нашим детям. Так что лжив твой язык, сын помещика.

— Лжив или не лжив, аллах рассудит,— зло усмехается Рахман-Гамид.— Вот сейчас вместе со всем этим стадом отправлю тебя на небеса, там и узнаешь из уст аллаха, кто из нас лжет, а кто говорит правду.

— Пощади хотя бы детей и женщин, их смерть не принесет тебе славы, душман.

— Ты очень говорлив, малик. Получай за это мою первую пулю! — И тут же, выхватив пистолет из кобуры, в упор выстрелил старику прямо в лоб.— Огонь! — закричал Рахман-Гамид диким голосом.— Огонь! Стрелять всех до одного! Трупы в реку! Огонь! Огонь!

Я не помню, как падал в воду. До сих пор не могу понять, как не утонул, как сумел доплыть до зарослей тугая и вылезти на берег, прямо у большого валуна, за которым был припрятан мой плот. Я часто использовал его для переправы на тот берег. Волоком, из последних сил, дотащил его до воды и вместе с ним понесся вниз по течению. Что-то липкое и горячее начало заливать мне глаза. Хотел утереться краем чалмы, но ее не оказалось на моей голове. Остались только боль и кровь. Помню, сумел еще оттолкнуться руками от какого-то камня на пути плота и словно провалился в пропасть.

А все остальное тебе известно, сынок».

¹ Намаз — молитва, которую совершают мусульмане пять раз в день.

¹ Малик — староста.

Глава IX

Полковник Джафар внимательно слушал мой доклад о поездке в дальний район республики и о беседе со старым мастером оружейных дел Шамоодином. Когда я кончил говорить, он выбрался из-за массивного рабочего стола и подошел к большой карте республики, что висела на одной из стен кабинета. Долго и молча рассматривал ее полковник. Потом достал из бокового кармана форменной куртки фломастер, рука потянулась вперед, и я увидел на плотной топографической бумаге две черные густые линии. Они скрестились на том месте, где значился на карте кишлак Черек... Потом вернулся к своему столу.

— Так ты говоришь, от кишлака одна пыль осталась...

— Так точно, рафик полковник. Взрыв был большой силы.

— А старик Шамоодин, значит, сразу признал сына помещика Рахмана-Гамида? Сколько времени он не давал о себе знать?

— Более года, — отвечаю полковнику. — Наверняка отсиживался где-нибудь в Пакистане. Пришел на нашу территорию главарем новой банды.

— Ну, если он главарь, то кто же тогда Пир Баба-хан? Гладко выбритый, небольшого роста человек с сигарой в зубах, о котором рассказывал Шамоодин? Да вспомни, что говорил старик, — с каким почтением относился к Пир Баба-хану сам Рахман-Гамид. Опять же подпись под гнусным плакатом не сына помещика, а этого худого незнакомца: «Народный мститель Пир Баба-хан»! Что же это за загадочная личность, какова его роль в банде, что он делает на нашей земле?

— Пока у меня нет ответов на ваши вопросы, рафик полковник, — говорю я своему начальнику.

— Ну, а о ребятах вспоминал старик?

— Вспоминал. Говорил, что когда его толкали прикладом автомата и гнали на расстрел к реке, его губы шептали хвалу аллаху за то, что детей не было в тот день дома. Послала их мать в долину пасти овец.

— Надеюсь, о ребятах ты не сказал Шамоодину?

— Ни слова, как было приказано. Значит, нашлись мои беглецы? Интересно, что их обнаружил?

— Твоя мама, почтенная Лейла-ханум, — отвечает полковник.

— Моя мама? — искренне удивляюсь я. — Вот это сюрприз!

— Действительно, сюрприз, но для тебя еще не последний, — говорит Джафар. — Пока ты дышал там чистым горным воздухом и гарцевал на добром коне, компания твоих подопечных выросла на одного человека. Это здоровый паренек лет шестнадцати от роду, мускулистый и колючий, как еж. Когда его брали, оказал отчаянное сопротивление. Отбивался от царандоевцев руками и ногами, кусался и царапался, выхватил из-за пазухи что-то вроде портсигара и кричит не своим голосом: «Отойдите от меня! Это мина! Сейчас нажму кнопку — и все взлетит в воздух, дьяволы! Отойдите, дайте дорогу, чтоб я ушел!»

Хорошо сработали наши ребята из группы захвата. Кинулся один из них под ноги паренюку и в одну секунду уложил его лицом вниз. А другой уже рассматривал трофей, похожий на портсигар. Только, как выяснилось, в портсигаре этом были не сигареты, а заряды взрывчатки. Обыскав арестованного, нашли у него в карманах десятка четыре «белых шариков» и три тяжелые по весу авторучки. Это из той же серии мин с «сюрпризом».

— Кем же оказался этот парень? — спрашиваю я Джафара.

— А все из одной семейки, — отвечает он. — Старший брат Хакима и Фатимы. Его имя Файзулла.

— Уже допрашивали? Интересно, что рассказывает.

— До твоего приезда я допрашивать запретил, — говорит полковник. — Посадил в камеру-одиночку, пусть остынет немного, придет в себя.

— Тогда разрешите мне сейчас приступить к его допросу.

— Не разрешаю.

— Почему же? Я вытряхну из него душу, но узнаю имена тех, кто снабдил ребят ядом и минами.

— Запугивать, да еще подростка, не метод революционного правосудия. Душа Файзуллы должна оставаться на месте. Мы должны очистить ее от грязи и жестокости, сделать чистой и доброй. Понятно, рафик капитан? — И, взглянув на свои часы, осуждающе покачал головой: — О, аллах, уже три часа ночи. Больше никаких разговоров, поехали спать по домам. Я тебя, полуночника, сейчас к Лейла-ханум, как арестованного, доставлю! — улыбается Джафар.

И, уже когда машина тормозила у моего дома, сказал:

— Подумай о таких действиях, которые бы заставили Файзуллу без всякого нашего нажима не только рассказать правду, но и привести к противнику. Ты, конечно, сначала немного поспи, а потом подумай. Будь здоров. Кланяйся твоей доброй маме, скажи, что из нее хороший оперативный работник может выйти. Пусть бросает свои краски и кисти — и к нам в Царандой!

...Утром привели ко мне в кабинет арестованного Файзуллу. Старший брат и сестра были очень похожи друг на друга. Файзулла, как говорится, был писаным красавцем. Точеный нос, мягкие, спадающие на плечи длинные черные волосы, пухлые яркие губы, над которыми уже лег первый пушок будущих мужских усов. Как и у Фатимы, были у него черные, точно смоль, глаза. Только у сестры они были задумчивые и добрые, а у Файзуллы наглые и вызывающие.

Отказавшись сесть на табурет возле моего стола, он с высоко поднятой головой заговорил, как настоящий актер, исполняющий трагическую роль:

— Вы, ставшие неверными, расстреляли ни в чем не повинных моих мать и деда, всех жителей кишлака Черек. Я проклинаю вас, красных дьяволов. Жаль, что не сумел отомстить за смерть своих родных. Приступайте, господин капитан: бейте, пытайте огнем и водой, режьте на куски мое тело, но я ничего не выдам. Я все сказал, господин капитан.

Капельки пота появились на его широком лбу, предательски выдавали волнение трясущиеся руки. В глазах уже не наглость, а смятение, пугливое ожидание: что будет дальше? Вдруг сейчас начнется то, что он сам накликал на свою бедную голову, — мучительные пытки, потом расстрел. Вот поднимется капитан из-за стола, зарычит, как зверь...

Я действительно встал из-за стола, но не зарычал, а засмеялся.

— Bravo, bravo, Файзулла! Ты отлично исполнил свой монолог.

— Какой монолог? — растерянно спрашивает он меня. — Я хоть неграмотный, но гордый, насмешек над собой не потерплю. Начинайте пытать, господин офицер. Я готов. Это мое последнее слово.

— Поболтал бы с тобой охотно часок-другой, уж больно ты складно говоришь, как со сцены. Да вот недосуг, дело у меня тут подвернулось срочное.



А ты, чтобы не скучал, поедешь сейчас с Фатимой и Хакимом на встречу с одним человеком.

— С человеком? А кто он такой, звать-то его как? — недоумевает Файзулла.

— Его имя — баба Шамоодин.

— Не может быть! Баба жив! Не может быть! — прошептали его губы.

Лицо у паренька вдруг побелело, он медленно стал опускаться на табуретку, видно, перехватило дыхание, рукой показывает на графин с водой. Я дал ему попить.

...Ночью тревожно зазвонил телефон в нашей квартире. Это был дежурный по управлению.

— Извини, капитан, что разбудил, но, думаю, для пользы дела. Арестованный Файзулла стучит кулаками в дверь камеры, просит срочно вызвать тебя, готов, говорит, рассказать все, что он знает, про какого-то Пир Бабу-хана. Утверждает, что это очень

важно, до утра терпеть нельзя, может случиться какое-то большое несчастье.

— Вызывай машину, я еду в управление!

Глава X

Файзулла был потрясен рассказом деда. Теперь он точно знал, кто тяжело ранил бабу Шамоодина, убил мать, уничтожил всех жителей кишлака. Рядом с Рахманом-Гамидом в этот кровавый день был и Пир Баба-хан. На его глазах расстреливали детей, женщин и мужчин, а трупы сбрасывали в воды Арса. Пир Баба-хан сидел на раскладном походном стульчике под чинарой, дымил сигаретой и спокойно, даже с интере-

сом, как показалось дедушке, наблюдал за происходящей трагедией. У такого человека в груди не сердце, а холодный камень. Как же могло случиться, что Файзулла поверил ему, поклялся служить Пир Бабе-хану верой и правдой! Файзулла взял на себя страшную ответственность, повел тропой смерти сестру и брата. Они верили ему, во всем были послушны старшему брату Хакиму и Фатиме. Девочка больше всех страдала, что нет с ней любимой мамы. Как рыдала сегодня бедная Фатима, узнав подробности ее смерти! Растирал кулаками слезы Хаким. А Файзулла окаменел, ни одной слезинки, ни одного слова, только когда прощался с дедушкой, сказал негромко, но твердо, как клятву:

— Я найду убийцу. Отомщу за маму, за тебя и весь наш кишлак, бабá!

— Да благословит тебя на правое дело аллах, внучек!

Файзулла не мог дожидаться утра. Он должен сейчас же встретиться с капитаном Абдуллой Хабибом или разбить свою повинную голову о крепкие стены одиночной камеры.

Увидев меня, Файзулла громко закричал:

— Скорей, скорей! Еще не поздно, их можно спасти! Пошлите немедленно своих людей!

— Кого спасти? — спрашиваю Файзулла.

— Ребят из школы-интерната. Той самой, что рядом с политехническим музеем. Для сирот войны. Она должна взорваться сегодня с восходом солнца. — Мина?

— Да, с сюрпризом. Футбольный мяч. В третьем шкафу от входа в спортивный зал, на нижней полке, прикрыт красной майкой. Скорее!

— Твоя работа?

— Моя... Положил три дня тому назад.

— Кто тебе приказал это сделать?

— Пир Баба-хан.

Я бросился бегом к дежурному по управлению. Вскоре уже мчалась дежурная машина к школе-интернату. Царандоевцы вместе с минерами Народной Армии торопились предотвратить новое злодеяние врагов моей родины — убийство ни в чем не повинных детей-сирот этой, будь она трижды проклятая, необъявленной войны.

А я снова вернулся в камеру к Файзулле.

— Послали? Успеют? — встретил он меня тревожными вопросами.

— Успеют, если ты сказал правду, что взорваться она должна с восходом солнца. Сейчас только два часа ночи.

— Теперь я буду говорить только правду. Поверьте мне, господин капитан. Расскажу все, как было, с самого начала.

И вот я слушаю нелегкую историю подростка, попавшего в хитросплетенные паучьи сети противника.

«Мы с Хакимом и Фатимой пасли наших овец в долине. Здесь солнце еще не успело спалить житняк и пырей, и травы расстилались зеленым и мягким ковром. Под вечер пятого дня, когда мы развели костер, чтобы вскипятить чай в котелке, к нам неожиданно подъехали двое вооруженных людей. Ни слова не говоря, стали они сгонять плетками отару, а точнее, всего трех овец, что имела наша бедная семья в своем хозяйстве.

— Дяденьки! Зачем вы их бьете плетками? Куда собираетесь гнать? Это же наши овцы. Не трогайте их, пожалуйста, — прошу я незнакомцев.

— Были ваши, а стали наши! — со смехом говорит один из них, огромный детина. Конь под ним ка-

жется игрушечным. — Нам, повстанцам, пойдут на пропитание!

— Не дам! Не имеете права! — кричу я и пытаюсь ухватить за узду коня.

— А ну, Джамиль, покажи этому щенку наши права, — говорит другой, что пониже ростом, с черной густой бородой.

— Будет сделано, сардар! — и тут же со всей силой бьет меня плеткой по спине.

От такого удара я упал на землю. Фатима в слезы. Хаким было уцепился за стремя, но этот детина отшвырнул его ногой, что котенка. Угнали душманы наших овец. Но горюю не горюю, а домой возвращаться надо. На третьи сутки мы пришли в Черек, а его нет. Ни дувалов, ни домов, ни мамы с дедом. Вокруг ни одной живой души. Напал на нас такой страх, что с места сдвинуться не можем. Я трясусь, как в лихорадке, ребята прижались ко мне и плачут навзрыд. Справился кое-как с собой, решил Фатиму и Хакима от развалин подальше увести, успокоить их как-нибудь. Вспомнил про пещеру, что была прямо при входе в ущелье. О ней мало кто знает, кроме нас с братом и сестрой. Играли мы там часто, костер разводили и пекли картошку. Взял я ребят за руки, и пошли мы вдоль берега Арса. Тут Хаким увидел приклеенную к скале какую-то бумагу. Он у нас грамотный, его дедушка научил читать. А в бумаге той были написаны страшные слова. Оказывается, всех жителей кишлака, а вместе с ними наших маму и дедушку расстреляли солдаты из Кабула. Вся вина жителей кишлака состояла в том, что они не отреклись от веры в аллаха. Бумага призывала отомстить неверным за пролитую мусульманскую кровь. И стояла подпись: «Народный мститель Пир Баба-хан».

— Разделяю ваше горе, дети мои! — услышали мы незнакомый голос за своими спинами.

Повернулись — перед нами господин в нарядном халате, синих очках.

— Давайте знакомиться. Я и есть тот самый народный мститель Пир Баба-хан. Спешил на помощь жителям вашего кишлака, да не успел, — говорит он печально. — Да, большое горе гуляет по нашей земле. И куда же вы теперь, бедняги, идете? Что собираетесь делать? Где жить?

— Жить будем в пещере, — отвечаю я. — Она здесь недалеко, в начале ущелья. А вот как с голоду не умереть, ума не приложу. Последнюю лепешку с утра съели, думали, скоро уже дом, а здесь оказалась пустыня.

— Ну, от голода я вам не дам умереть. Сейчас кое-что привезут из съестного. — И кричит в сторону ущелья: — Эй, Джалат, где ты там застрял? Давай сюда, да побыстрее.

— Я здесь, спешу, почтенный господин.

И вот из ущелья выходит человек с длинными и тонкими усами, как у таракана. Ведет под уздцы одну оседланную лошадь, а за ней в связке другая, навьюченная пузатыми мешками.

— А ну, сними один из них, Джалат, это скромный мой подарок ребятам. Здесь есть все, чтобы быть сытыми целую неделю. А потом я еще вам подброшу провианта. До свидания, бедные мои дети. Нам пора в дорогу, до скорой встречи.

Когда мы с братом и сестрой развязали тяжелый мешок, то очень удивились щедрости Пир Бабы-хана. Были здесь и мясо, и банки консервов, с такими красивыми наклейками, которых мы раньше никогда не видели, мука, рис, чай и даже коробка шоколадных конфет.

— Вот это настоящий добрый человек! — сказал Хаким.

— Как волшебник из сказки,— добавила Фатима.
— Да, это такой человек, который достоин всякого уважения,— сказал я свое слово.

Пир Баба-хан свои обещания на ветер не бросал. Ровно через неделю, рано утром в пещере нас отыскал Джалат.

— Эй вы, сони, вставайте, получайте подарки от уважаемого Пир Бабы-хана!

Я открываю глаза и вижу опять большой мешок. Быстро встаю с охапки сена и благодарю Джалата.

— Не меня, не меня, а моего господина благодарю. Собирайся скорее. Он тебя ждет там, на берегу реки. Хочет поговорить один на один без твоей детворы. Пошевеливайся, парень, у господина мало свободного времени.

— А кто он, твой добрый господин? — спрашиваю я у Джалата, когда вышли из пещеры.

— Народный мститель. Борется с неверными, которые сделали вас сиротами... Понятно?

Приветливо встретил меня на берегу реки Пир Баба-хан, обнял троекратно, сказал:

— Я понимаю ваше горе. Потерять родных, остаться круглыми сиротами... — Помолчал немного и продолжил: — Но ты уже настоящий мужчина, Файзулла. Пришла твоя пора исполнить святой мусульманский долг. Совершить кровную месть, отомстить неверным!

Долгим был наш разговор. А кончился он тем, что я дал согласие выполнить задание Пир Бабы-хана в Кабуле. Договорились, что Хаким и Фатима полетят вместе со мной в столицу. Они будут как бы моим прикрытием. Ну, а если обстановка позволит, то и сестру с братом разрешалось приобщить к диверсионным делам.

— Ты грамотный? — спросил меня Пир Баба-хан.

— К сожалению, нет.

— Тогда слушай, что я буду читать, и повторяй за мной слово в слово.

Он достал из-под халата какой-то блокнот, полистал его, нашел, что было нужно, и начал торжественно и громко:

— Я, Файзулла из кишлака Черек, клянусь памятью моих родных и близких, расстрелянных неверными, что буду честно служить нашему святому делу народных мстителей, выполнять все задания, которые мне будут давать мои начальники. Клянусь, что никогда не стану предателем и буду бороться с моими врагами до конца жизни!

Я не успел еще повторить вслед за Пир Бабой-ханом последние слова клятвы, как его острый нож полоснул по моему указательному пальцу на правой руке.

— Скрепи своею кровью клятву народного мстителя,— потребовал он.

Я послушно выполнил приказание Пир Бабы-хана.

...Теперь каждое утро за мной в пещеру приходил Джалат и вводил в глубь ущелья. Там под его руководством овладевал я техникой подрывного дела, работой с минами «сюрпризного» типа, получал инструкции, где лучше использовать «белые шарики», чтобы отравить как можно больше неверных. Когда настал час нашей отправки в Кабул, я снова встретился с Пир Бабой-ханом. Он еще раз повторил задание, которое мне предстояло выполнить в большом городе.

— По возвращении я позабочусь о твоей судьбе. И о брате с сестрой тоже.— Пир Баба-хан крепко, по-мужски пожал мне руку, вручил коробку конфет для Фатимы и Хакима как подарок на дорогу и уже жестко, без всякой улыбки сказал: — Смотри, Файзулла, ты своей кровью скрепил клят-

ву верно служить нашему делу. Не выполнишь задание или вздумаешь предать Пир Бабу-хана — повешу на одном суку вместе с братом и сестрой!»

...Файзулла неожиданно умолк, вдруг напрягся весь, с испугом поднял голову вверх. Там через тюремную решетку в камеру робко пробрался первый луч. Над Кабулом вставало большое яркое солнце. Оно несло в каждый дом радость жизни, а в камеру к Файзулле только тревогу и мучительное ожидание. Долго мы сидели молча, прислушиваясь к каждому шороху за железной решеткой, но взрыва мины большой мощности так и не услышали. В древнем городе в это раннее утро было тихо и спокойно.

Глава XI

Н е один час продолжалась наша беседа с Файзуллой. Он рассказывал, что до райцентра добирались на ослах, в сопровождении Джалата. Здесь их наставник купил билеты на самолет до Кабула. Вручил Файзулле деньги на обратную дорогу и на мелкие карманные расходы.

— Жить будете на подаяние, как нищие сироты. Спать, где придется. Старайтесь меньше умыться и причесываться. У вас всегда должен быть жалкий вид оборванцев, чтобы вызывать к себе сострадание и расположение людей. Когда же вернетесь из Кабула, ты, Файзулла, найди на базаре дуван Нури Хайрата. Скажи старику хозяину слова пароля, и он поможет вам с отправкой в обратный путь к нам, в ущелье.

— А какие слова пароля? — спрашивает Файзулла.

— «Не найдется ли у вас, почтенный баба, мешок муки и килограмма два соли для нашего каравана?» Это твои слова. «Мукой и солью не торгую», — ответ хозяина дувана.

Сказал и тут же заспешил, не стал дожидаться отлета самолета, только помахал издаലെка рукой на прощание. Много диверсионных заданий предстояло выполнить Файзулле вместе с братом и сестрой. Но все их попытки совершить диверсии в Кабуле, как известно, успеха не имели.

Файзулла искренне раскаивался в том, что встал на путь убийства. Слава аллаху, что обезвредили его «футбольный мяч», начиненный взрывчаткой в школе-интернате «Заря революции». Понимает, что его ждет суровый, но справедливый приговор народного суда. При этом просил учесть только одно обстоятельство: что не по своей воле, а с помощью жестокого обмана Пир Бабы-хана стал врагом своего народа. Если ему будет предоставлена хоть малейшая возможность искупить свою вину, он готов сделать все, что в его силах.

О беседе с Файзуллой я доложил полковнику Джафару.

— Значит, не по своей воле, а с помощью жестокого обмана Пир Бабы-хана стал он врагом своего народа? Так прямо и говорит, как адвокат, твой паренек? — спрашивает меня полковник.

— Ну, слова у него немного другие, а смысл тот же: обманул его Пир Баба-хан.

— К сожалению, мы мало что нового узнали из рассказа Файзуллы об этом матером душмане,— говорит Джафар.— Случайно или не случайно произошла его встреча с ребятами из бывшего кишла-

ка Черек? Почему он не убил их, как всех жителей, а решил с помощью якобы трогательной заботы о судьбе сирот привлечь детей к страшному ремеслу смерти? Не кажется ли странным тебе, капитан, то обстоятельство, что, судя по рассказу Файзуллы, Пир Баба-хан разгуливает по ущелью в сопровождении только одного Джалата? А где его банда? Откуда он приходил и куда потом держал свой путь после встречи с Файзуллой? Где хранят душманы «белые шарик» и мины с сюрпризом, которыми в изобилии снабдили ребят перед отправкой в Кабул?

— Думаю, что на все ваши вопросы может дать ответ только узкая полоса границы с Пакистаном, что находится в конце ущелья. Этим «коридором» пользуются Пир Баба-хан и его душманы.

— Ты же сам убедился, что нет ни одного следа пребывания не только целой банды, но хотя бы одного человека в этом ущелье.

— Да, это так,— подтверждаю я.— А между тем Файзулла именно в глубине ущелья встречался с Пир Бабой-ханом и там же проходил обучение под руководством Джалата. И снова, по возвращении из Кабула, ему предстоит встреча с главарем банды там же, в этом каменном чулке.

— За ущельем было установлено длительное наблюдение. Как сообщает старший лейтенант Саид Маджрух, там, кроме змей, никого обнаружить не удалось. Да и вряд ли пришлось бы встретиться Файзулле, если бы мы его отпустили, с Пир Бабой-ханом на старом месте. Он теперь перекочевал со своей бандой на север. Вот почитай, что сообщают из Файзабада.

И он протягивает мне сообщение, которое лежало перед ним на письменном столе.

В районе Вахан по реке Кокча взорван и полностью разрушен кишлак Куля. Жители все расстреляны. На месте преступления оставлено такое же объявление, как в кишлаке Черек, о котором вы нам сообщали. Подпись «народный мститель Пир Баба-хан». Принятые оперативные меры пока не дали должных результатов. Банда Пир Бабы-хана скрылась в неизвестном направлении.

Не успел я вернуть сообщение полковнику, как в кабинет вошел дежурный офицер.

— Извините, рафик полковник, что прерываю вашу беседу. Срочные сообщения из провинций.

— Давайте их сюда!

Дежурный офицер передал их полковнику, шелкнул каблукми, повернулся через левое плечо и скрылся за дверью кабинета Джафара. Полковник взял одно из них, стал читать вслух:

— В городе Кандагар произошло отравление пяти учениц женской школы со смертельным исходом. Произведенный анализ чая, который пили девочки в школьном буфете, показал наличие в нем отравляющих веществ, известных вам «белых шариков». Ведом расследование.

Отложив в сторону прочитанное донесение, полковник перешел к другому.

— В окрестностях Герата обнаружены химические мины и мины с «сюрпризом». Принимаем вместе с армией необходимые меры по разминированию объектов.

Когда кончил читать, спросил:

— Ну, что думаешь по этому поводу, капитан?

— Думаю, что это работа все того же Пир Бабы-хана.

— Похоже, его почерк,— соглашается полковник.— Но где он сам? Как добраться до этого загадочного Пир Бабы-хана и его волчьего логова?

— Есть у меня по этому поводу некоторые соображения.

— Мне нужны не соображения, а план действия, рафик капитан,— строго говорит Джафар.— Гибнут десятки людей, и в том числе дети, от рук этого мерзавца, а у нас только «некоторые соображения». Пора разработать в деталях и немедленно начинать боевую операцию против Пир Бабы-хана и его банды. Даю на подготовку три дня. И назовем мы теперь операцию по имени очистительного бурного потока реки Арс. У меня все. Прошу не терять времени, капитан!

— Есть не терять времени, рафик полковник!

Когда я был уже у самой двери кабинета, услышал его вопрос:

— А каким все же образом могли исчезнуть Фатима и Хаким из твоего дома?

— Это все устроил Файзулла. Хотите знать подробности?

— Ну-ну, расскажи, как тебя, стреляного воробья, на мякине провел этот мальчишка.

— Он знал, куда ведут наши люди брата и сестру. Шел за ними на определенном расстоянии, осторожно, чтобы его не заметили царандоевцы. Уселся напротив проходной и стал ждать: а вдруг отпустят маленьких ребят, поверят в придуманную легенду? А когда увидел, что я усаживаю Фатиму и Хакима вместе с собой в дежурную машину, бросился к такси. На последние карманные деньги организовал настоящую погоню, выследил мой дом и квартиру.

— А как же при закрытых на крепкий замок дверях он ухитрился у тебя из-под носа увести сестру и брата? Насколько я помню, ключ лежал под твоей подушкой, а ребят к утру в квартире не оказалось. Не правда ли, загадочная история? — допытывается полковник.

— И ничего загадочного в этой истории нет,— отвечаю я Джафору.— Просто Файзулла оказался прекрасным скалолазом. Забраться с помощью веревки и цепких крючков на балкон четвертого этажа для него особого труда не составляло. Разбудил он тихонечко ребят, они, конечно, ему обрадовались. Быстро натянули на себя нищенскую одежку и спустились по веревке, как циркачи. Последним уходил Файзулла. Сняв крючки с перил балкона, он смотал веревку — и бегом с братом и сестрой подальше от моего дома.

— Да, ловкач твой Файзулла,— сделал заключение Джафар после моего рассказа.

Как и было приказано, в назначенный срок я вручил полковнику Джафору проект плана предстоящей операции «Арс».

— Благодарю, капитан,— сказал Джафар, раскрывая папку с моими бумагами.— Рассмотрю внимательно, посоветуюсь со специалистами, доложу генералу, а потом уже с тобой встретимся. Иди к себе, жди, когда позову.

Допоздна ждал я вызова к полковнику. Но все напрасно, меня никто не пригласил на второй этаж, где был кабинет Джафара. В полночь позвонил дежурный по управлению.

— Рафик капитан, полковник приказал вам отправиться домой. Завтра быть у него в кабинете ровно в 10 часов.

— А больше ничего не передавал полковник?

— Передавал,— отвечает дежурный.

— Что именно, говори скорей!

— Он пожелал капитану Абдулле Хабибу спокойной ночи!

Утром, ровно в 10 часов, я был в кабинете своего начальника. Он был не один. В мягком кресле у его письменного стола сидел майор с блокнотом и ручкой в руках.

— А вот и сам рафик капитан пожаловал, — с улыбкой протягивает мне руку полковник. — Здравствуй, здравствуй! Садись к нам поближе. Мы как раз с майором начинаем заниматься операцией «Арс».

— Значит, план утвержден? Генерал одобрил? — радостно спрашиваю Джафара.

А он, словно не слышит моих слов, повернулся ко мне спиной и стал диктовать майору.

— Итак, прошу записать. Сегодня на 19 часов пригласить ко мне директора школы-интерната «Заря революции», а на 14 — президента нашего авиагосударства «Ариана». Завтра в моем кабинете в 15 часов проведем пресс-конференцию с представителями радио, телевидения и центральных газет. Просьба сегодня же переговорить с главными редакторами, определить конкретные, кто из товарищей примет участие в этой встрече, — дает распоряжения Джафар. — Удалось ли вам вчера, майор, побывать в Доме пионеров?

— Да, наша встреча состоялась. Сегодня к вам должна прийти руководительница драмкружка Хура Экбел, — отвечает майор. — Она обещала продумать постановку спектакля по заданной вами теме.

— Вы, надеюсь, не забыли сказать о моем желании принять непосредственное участие в этом спектакле?

— Да, вам будет отведена соответствующая роль. Я был крайне удивлен, слушая распоряжения Джафара. Они не имели никакого отношения к моему плану операции. Особенно странным и даже смешным мне показалось желание полковника участвовать в спектакле. Возможно, все это шутка, просто у начальства хорошее настроение и полковник решил меня разыграть.

— Простите, рафик полковник, вы не шутите... со спектаклем... с вашей ролью в нем?.. — осмелился я спросить у Джафара.

— Что, не веришь в мой актерский талант? — смеется полковник. — А зря... Я еще в лицее с успехом выступал на сцене в таких пьесах, как «Китайская птица», «Сестрица-говорушка», «Семь садов в одном лесу». Помню, как-то раз во время одного спектакля произошел со мной забавный случай...

Что это был за случай, мы так с майором и не узнали. Резкий телефонный звонок перебил рассказ Джафара. Он поднял трубку, ответил четко, как обычно:

— Полковник Джафар слушает! — И уже несколько мягче и не так громко: — Разумеется, учли все замечания — ваши и других товарищей. План операции «Арс» теперь уже полностью готов. Есть вместе с капитаном Хабибом подняться к вам в кабинет!

Глава XII

Мартин Луис торжествовал. Специальный агент ЦРУ, посланный в Кабул, подтвердил достоверность последних сообщений прессы, радио и телевидения Афганистана. Действительно, на прошлой неделе в столице республики неизвестными лицами совершенно несколько актов диверсий. Десятки жителей отравлены питьевой водой, в которой были обнаружены высокотоксичные

химические вещества, так называемые «белые шарики». Американский агент в своем донесении указывал, что он располагает точными и проверенными данными об успешных операциях в результате действий мин с «сюрпризами». Ему даже удалось достать копии некоторых уже готовых кадров из будущего документального телефильма о химических и минных диверсиях, организованных в последнее время агентами ЦРУ в столице Афганистана. Фильм готовит Кабульская телестудия, и скоро его увидят тысячи жителей страны.

— Добро пожаловать, дорогой шеф! Прошу садиться в это кресло, здесь, я надеюсь, вам будет удобно, — любезно приглашает Луис мистера Дэвида Патрика, который точно в назначенное время переступил порог его фешенебельного номера в отеле Пешавара.

Дэвид Патрик уселся, ослабил узел клетчатого галстука, вытянул длинные, как жерди, ноги и тут же посмотрел на свои электронные часы.

— Да-да, я вас понимаю, — поспешно сказал Мартин. — Сейчас включаю аппарат.

Погас свет, и на белом экране, что висел уже на стене, перед их глазами замелькали улицы Кабула.

— Это центр города, площадь Зарнигар, здесь, как вы видите, заканчивается строительство многоэтажного здания министерства связи. А это площадь Независимости, от нее тянется на многие километры проспект Дар-уль-Аман, — начал было объяснять Луис, но его перебил шеф:

— Я не хуже тебя, Мартин, знаю Кабул. До этой чертовой Апрельской революции я два года жил там как инженер-строитель шоссе-ных дорог. Так что не трать времени на рассказ о городе, а давай по существу. Комментируй то, что необходимо знать.

— Хорошо, хорошо, шеф!

Некоторое время они сидят молча.

— Кажется, перед нами школа-интернат «Заря революции»? — первым нарушает молчание Дэвид Патрик. — По крайней мере, так утверждают буквы, написанные арабской вязью.

— Да, вы правильно прочитали вывеску рядом с железными воротами, — подтверждает Луис. — Это приют, созданный правительством республики для детей — сирот войны. А здесь у них спортивный городок.

— Смотри, смотри, Мартин, что это такое?

— Трупы детей на футбольном поле, мой шеф! — разъяряет его Луис.

— Ну и сработал этот «кожаный мяч»! Уложил насмерть две команды сразу. Да, это настоящая работа дьявола, Луис, — говорит довольный шеф.

— Взрыв удачный, — соглашается с ним Луис. — Вот и машины «Скорой помощи» появились, вот растерянные лица врачей и царандоезцев.

— А это что за полковник? Кому он грозит кулаком?

— Верный служака новой власти, полковник Джафар, — отвечает Луис. — Тот самый, которого не успел убрать в свое время Амин.

— Да, он смелый и решительный человек. Господи, как постарел Джафар. Я его сразу и не узнал, — говорит шеф. — А ведь когда-то пересекались наши пути-дороги. Не без моей помощи попал он в Пули-Чархи. Прошел такие пытки — а вот не сложили его.

— Смотрите, шеф, как он сам поднимает труп окровавленного мальчишки и несет его к санитарной машине.

— Да, санитар из него, как сидишь, неплохой, а вот как начальник полиции он ни к черту не го-

дится. Не сумел обеспечить безопасность детей-сирот. Я бы такому немедленно дал расчет. Как думаешь, Мартин, влетит ему от начальства или все с рук сойдет? — интересуется не то в шутку, не то всерьез Дэвид Патрик.

Но Луис не успел ответить. На экране появились новые кадры — взлетная полоса и обгоревший остов пассажирского самолета компании «Ариана».

— А здесь какой сюрприз был преподнесен властям Кабула?

— Корзина яблок, сданная в багаж.

— Владелец корзины, конечно, не садился в самолет?

— Нет, преспокойно наблюдал со стороны, по вкусу ли пришлись его «яблочки» пассажирам и экипажу самолета. А вот и опять полковник Джафар мельтешит в кадре.

— Да, он уже кулаками не грозит, на лице испуг. Видно, совсем плохие у него дела, — заключает мистер Патрик. — Наверняка выгонят его со службы в шею.

Пленка кончилась, Луис включил свет.

— А сколько лет старшему брату? — спрашивает шеф.

— Файзулле недавно исполнилось шестнадцать, Хакиму — тринадцать, а их сестричке Фатиме всего пошел девятый.

— И что, эта девочка тоже участвовала в операции?

— А вы вот послушайте, что о ней написано во вчерашнем номере «Дарафше джаванан»¹.

— Ну-ну, почитай. Это весьма любопытно.

Луис прошел к письменному столу, взял газету, надел очки.

— «Трагедия не состоялась». Так озаглавлена эта статейка, — пояснил Мартин и начал читать ее вслух: «Марфуга учится в первом классе. Возвращаясь из школы, она встретила у самой калитки дома девочку своего возраста. Одета та была в жалкие лохмотья. Но зато большая кукла, что прижимала к своей груди девочка, имела сказочный наряд: длинное, яркое с позолотой шелковое платье, серебряные башмачки на ножках.

— Как зовут твою куклу? — поинтересовалась Марфуга.

— Кобра, — отвечала девочка. — Она тебе очень нравится?

— Очень!

— Ну, возьми ее на время, поиграй с ней дома, а завтра, как придешь из школы, принесешь Кобру сюда, к калитке.

— Спасибо тебе, подружка, — обрадовалась школьница. — Нам как раз сегодня не задали домашних заданий, можно будет весь вечер играть с твоей Коброй.

— Она у меня не простая кукла. Умеет петь и танцевать, плавать в корыте, — расхваливала незнакомая девочка свою куклу. — Нажми только кнопку, — вот здесь у нее на спине под платьем.

— Ой, как здорово! — с восторгом говорит Марфуга. — Сейчас за обедом я всем своим родным покажу.

Первым, кого она увидела дома, был ее отец, уважаемый в нашей стране человек, боевой генерал.

— Вот, смотри, какая у меня красивая кукла! — поделилась она своей радостью с отцом.

— А где ты ее взяла? — поинтересовался отец.

— Девочка дала поиграть с ней до завтрашнего дня.

— Какая девочка?

— Не знаю. Стояла у нашей калитки. Она еще сказала, что ее Кобра умеет петь и танцевать, плавать в корыте. Давай сейчас кнопку нажмем.

— Сейчас надо руки идти мыть! — строго сказал отец. — Вся семья уже обедает, а ты опять опаздываешь. А куклу дай-ка пока мне.

Генерал был опытным военным. В красивой игрушке он сумел распознать мину с «сюрпризом». Трагедия не состоялась, но мир узнал еще об одном злостном преступлении душманов с благословения американского ЦРУ. К кровавым делам они стали привлекать даже малых, несмышленных детей.

— Да, смелая девочка, — сказал шеф, когда Мартин закончил читать газету. — Жаль, что взрыв не произошел, но сам факт участия в диверсии маленькой Фатимы заслуживает особого внимания. Надо подумать о создании целых диверсионных групп из подростков. С детства приучать таких ребят к жестокости и крови, к послушному и безоговорочному выполнению приказов наших людей. Изучи в этой связи подробнее материалы третьего рейха, систему воспитания в гитлерюгенд. Она, знаешь, Мартин, мне как-то больше по душе, чем всякая болтовня о воспитании свободной личности.

Глава XIII

С большой тревогой провожал я ребят домой, а точнее, в прокопченную от костров пещеру на берегу неугомонной реки. Именно туда им следовало явиться по возвращении из Кабула. Так приказал Пир Баба-хан.

Тщательно и кропотливо готовилась операция «Арс», в которой немалая роль отводилась братьям Файзулле и Хакиму, а также их маленькой сестричке Фатиме. Поначалу полковник Джафар и слышать не хотел, чтобы девочка покидала Кабул, подвергалась смертельной опасности. Одно случайно оброненное слово, детская непосредственность могут привести к провалу операции и гибели ребят. Таких же было и мое мнение.

— Пусть остается в городе. Поживет у нас дома. Девочка подружилась с моей мамой, а та в ней души не чает, — говорил я на оперативном совещании.

Но Фатима все же улетела из столицы вместе со своими братьями. Настоял на этом Файзулла.

— Нельзя нам без сестры возвращаться. Пир Баба-хан не поверит ни одной легенде, пошлет для проверки своих людей, чтобы узнать точно, жива или мертва Фатима, — убеждал он нас с полковником. — И не смотрите, что она еще маленькая. Фатима не по годам смысленная и хитрая, как лиса. Знает, когда надо язык держать за зубами, когда нести всякую чепуху, когда слезы проливать, а когда улыбаться неизвестным людям. Пролезет в любые щели, все выведает, разузнает и тут же поспешит рассказать мне в подробностях, что видела и слышала.

Да и сама Фатима наотрез отказалась расставаться с братьями, обещала во всем их слушаться и делать то, что они скажут.

Много времени ушло у наших товарищей из управления Царандоя на индивидуальную подготовку братьев к предстоящей операции. Файзулла научили вести скрытые съемки мини-фотоаппаратом. Хаким

¹ «Дарафше джаванан» — «Знамя молодежи». Газета ЦК ДОМА (Демократической организации молодежи Афганистана).

быстро освоил работу на портативном радиопередатчике. Братьев не надо было обучать стрельбе: владеть оружием в афганских семьях учат с малых лет. А у такого учителя, каким был мастер оружейных дел Шамоодин, внуки стреляли без промаха из пистолета, бура¹, автомата и охотничьего ружья.

— Не кровную месть предстоит вам совершить, ребята, а выполнить ответственное задание своего народа,— не раз говорил я братьям во время наших встреч.— Для нас главное сейчас — узнать, где находится штаб-квартира Пир Бабы-хана, маршруты его передвижения. Мы должны стремиться к тому, чтобы взять матерого бандита живым, найти и закрыть каналы, по которым идут в нашу страну смертоносные грузы.

Полковник Джафар сделал все, чтобы заставить противника поверить в успех диверсий, якобы проведенных братьями и сестрой в Кабуле. Ребята из драмкружка Дома пионеров помогли ему создать убедительные кадры того, что случилось после «взрыва» мины на стадионе школы-интерната «Заря революции». Устроил полковник Джафар и по-настоящему мощный взрыв, который слышали все жители города. На взлетной полосе горел давно списанный на металлолом старый пассажирский самолет внутренней линии авиакомпании «Ариана». В больницах были зарегистрированы многочисленные отравления населения «белыми шариками» со смертельным исходом, о чем незамедлительно сообщили пресса и радио.

Мы знали, что, как бы ни были убедительны факты, сообщаемые нашими средствами массовой информации, они обязательно будут проверены разведчиками ЦРУ. И особенно потому, что операцию по заданию Пир Бабы-хана впервые осуществляли дети.

В четверг поздно вечером меня вызвал к себе в кабинет полковник Джафар.

— Садись, капитан, чай будем пить,— приглашает полковник.

Смотрю, глаза у моего начальника повеселели. Кипит в углу на маленьком столике электрический чайник. Полковник достает из шкафа две пиалушки и железную банку своего, особого чая. Это ароматная смесь таинственных сортов божественного напитка, приготовленная по рецепту, который известен только одному Джафору.

— Ну, кажется, клюнул враг на нашу приманку,— говорит с облегчением полковник, когда мы начали свое чаепитие.— Не поскупились на расходы, прислали специального эмиссара из Пешавара. Наши сработали четко, сумели снабдить его информацией, которую мы с тобой сочиняли в этом кабинете. По донесению разведчиков из Пешавара, к материалам эмиссара проявили повышенный интерес руководители афганского отдела ЦРУ в Пакистане. Теперь можно отправлять наших ребят в дорогу.

...В райцентре на базаре Файзулла быстро нашел дуван Нури Хайрата. Сгорбленный старик сидел за прилавком в окружении глиняных горшков, чашек и мисок. День, видно, выдался у него неудачным, не шел к Нури Хайрату покупатель, скучал в одиночестве и зевал хозяин. Файзулле он обрадовался.

— Добро пожаловать, молодой человек. У меня лучший товар во всей провинции.

— Не найдется ли у вас, почтенный баба, мешка муки и килограмма два соли для нашего каравана? — спрашивает Файзулла.

Услышав слова пароя, тут же погасил улыбку Нури Хайрат. Ответил, как и было положено:

— Мукой и солью не торгую.— Кряхтя, вылез из-за своего прилавка, подошел близко к Файзулле и сказал шепотом: — Ослы давно ждут тебя, парень. Стоят в сарае, что за моим дуваном. Там же хурджун с продуктами на дорогу. Да хранит тебя и твоих спутников аллах милостивый и милосердный.

Без особых приключений добрались ребята до бывшего кишлака Черек. Постояли в молчании на том месте, где был когда-то их дом. Освежили лица холодной водой Арса и отправились к пещере. Здесь, к своему удивлению, нашли они несколько банок мясных консервов, в целлофановых мешочках рис и муку.

— Это, кажется, подарки от самого Пир Бабы-хана,— сказал Хаким.— Интересно, скоро ли мы с ним встретимся?

— Лучше бы никогда не видеть этого убийцу нашей мамы. Пусть его на мелкие кусочки собственная мина разорвет, подавиться ему «белыми шариками» и подохнуть в мучениях, как волку, свалившемуся со скалы в пропасть,— со злостью говорит Фатима.

— Ты права, сестренка,— отвечает старший брат.— Но Пир Баба-хан нам нужен живым. Не беспокоясь, Фатима, он ответит за все сполна. Лишь бы только не удрал, попался бы в наши руки.

Прошло несколько дней томительного ожидания, прежде чем Файзулла встретился с Пир Бабой-ханом.

К ребятам пришел Джалат. Веселый, улыбка не сходит с лица, хлопает ребят дружески по спине своей тяжелой рукой.

— Молодцы! Наслышаны о ваших успехах! Идем скорее к нашему господину, он ждет тебя там, в глубине ущелья!

Пир Баба-хан встретил Файзулла, как родного сына после долгой разлуки. Усадил рядом с собой — сам на раскладном походном стульчике, Файзулла на теплом от солнца валуне у чистой, как хрусталь, воды Арса.

— Ну, расскажи, да поподробнее, о ваших приключениях в Кабуле,— говорит ему Пир Баба-хан.

Слушал он внимательно, скрестив руки на груди. Когда рассказ был закончен, посыпались вопросы. Некоторые из них показались Файзулле очень смешными. Ну, например:

— Ходят ли дети в кино? Играют ли на улицах в хусай?

Это игра такая есть, когда, стоя на одной ноге, ребята пытаются свалить друг друга. И еще довольно странные вопросы:

— Тревога или спокойствие на лицах жителей Кабула? Правда ли, что в столице продолжают действовать 583 мечети, 38 шиитских молитвенных домов, 11 индийских храмов и христианских церквей?

Файзулла отвечал, что лица у жителей столицы обыкновенные, без всякой там тревоги. Кабульцы охотно смеются, услышав веселую шутку, друг к другу внимательны и вежливы. Сколько мечетей, молитвенных домов, храмов, церквей в столице, он точно не знает. Не было такого задания, чтобы их все пересчитать. Но что они действуют, в этом сомневаться не приходится.

— К утру, сами знаете, как спать хочется. А тут еще солнце из-за горы не появилось, а голоса муэдзинов¹, усиленные радиотехникой, поднимают на ноги весь город,— рассказывает он почтенному господину.

¹ Бур — винтовка старого образца.

¹ Муэдзины — служители в мечетях.

— Я доволен вашей работой в Кабуле, дети мои,— выслушав Файзуллу, говорит Пир Баба-хан.— Но это — только начало. Вы должны помочь мне, народному мстителю, и дальше совершать праведный суд от имени аллаха над неверными, убийцами вашей матери и деда, над предателями своего народа. Великая миссия возлагается на тебя, Файзулла.

— Миссия? А что означает это слово, мой господин?

— Миссия — это особое поручение, которое дается только верному человеку,— объясняет Пир Баба-хан.— Думаю, что не ошибусь, если доверю тебе быть командиром первого в Афганистане детского батальона.

— Что за детский батальон? Разве есть такой? — недоумевает Файзулла.

— Ты прав, мой мальчик. В мире не было еще такого воинского формирования. А у нас будет. Ты вместе со мной создашь первый детский батальон «Смерть неверным».

— Но как это сделать?

— Ну, прежде всего тебе придется походить по городам и кишлакам, заняться агитацией среди тех ребят, семьи которых недовольны новой властью. Пообещать им за каждого убитого неверного деньги и подарки,— говорит Пир Баба-хан.— Кроме того, нам помогут все повстанческие отряды. Соберут под твоё командование сотни две смысленных подростков. Сделаем из них хороших стрелков, минеров, специалистов по химическому оружию и разошлем малыми группами по всей стране. В назначенное время в стане неверных загремят выстрелы солдат твоего батальона, начнут рваться в городах и на дорогах мины, корчиться в смертельных судорогах отравленные ядом возмездия вероотступники.

Он так увлекся, излагая план военных действий будущего детского батальона «Смерть неверным», что незаметно для себя рывком снял синие очки. У Файзуллы моментально и бесшумно сработала камера мини-фотоаппарата, вмонтированного в одежду. А Пир Баба-хан продолжал мечтать вслух, поднявшись со своего стула, энергично жестикулируя руками.

— Удары следует наносить молниеносно. В первую очередь разрушать школы и убивать учителей, а заодно и тех, кто носит красные галстуки или состоит в ДОМА. Жечь машины и больницы. Стрелять, стрелять, не щадя ни малых, ни старых. И, пока не пришел в себя враг, быстро организовать отход, желательнее враспынную, поодиночке. Если своих раненых невозможно вынести с поля боя, ликвидировать на месте. Мертвые, как известно, тайны не выдают.

Слушал его Файзулла и жалел об одном: что нельзя сейчас броситься на душмана, схватить за горло и задушить собственными руками.

Надо терпеть. И он кивал в ответ на страшные слова.

— Но это, как говорится, пока просто мысли вслух,— продолжал между тем Пир Баба-хан.— План организации детского батальона «Смерть неверным» находится еще в стадии разработки. К нему мы с тобой вернемся. А сейчас получай, командир батальона, свое боевое оружие,— говорит с улыбкой Пир Баба-хан и достает из кармана халата новенький пистолет.— Это тебе подарок от меня за успешно проведенные диверсии в Кабуле.

Файзулла почувствовал, какой горячей стала ладонь под тяжестью вороненого металла. Напряглись мускулы рук, глаза его смотрят на Пир Баба-хана

враждебно. Знать бы только, что в ствол уже загнан патрон, и тогда нажать на спусковой крючок. Стрелять в упор до последнего патрона в обойме.

— Да ты, я вижу, не рад подарку, смотришь как-то косо на меня,— удивляется Пир Баба-хан.

Файзулла очнулся, поспешил успокоить своего господина.

— Да нет, что вы! Просто я от радости обалдел. У меня теперь есть собственное оружие. И оно будет иметь одну цель — врагов моей родины.

— Хорошо сказано, мой мальчик! — похвалил Пир Баба-хан.— А теперь иди к своим сестре и брату. Завтра и им Джалат вручит от меня подарки. Когда понадобится, тебя позовут. Хвала аллаху!

Глава XIV

Согласно плану «Арс» выезд моей оперативной группы в район предстоящей операции намечался после сообщения старшего лейтенанта Саида о прибытии ребят. Местным товарищам было поручено обеспечить безопасность братьев и сестры, держать с ними постоянную связь.

— Как можно меньше наших людей должно участвовать на первоначальном этапе операции,— давал мне указания полковник Джафар.— Не надо тебе сейчас со всей группой мельтешить перед глазами врага. Можно раньше времени спугнуть хищного зверя, жди сообщения от Саида.

Только мы расстались с полковником, как снова телефонный звонок от него.

— Давай срочно ко мне, есть сообщение от Саида.

И вот оно в моих руках.

Рахнавар, бежавший от душманов, брат главаря банды Максуда, при последней беседе в госпитале сообщил важные сведения, имеющие прямое отношение к операции «Арс». Считаю целесообразным немедленное прибытие в наш райцентр сотрудника.

— Что думаешь по этому поводу, Абдулла? — спрашивает полковник, когда сообщение вернулось к нему на стол.

— Думаю, что лететь надо немедленно, рафик полковник!

— Правильно думаешь, капитан! — одобрил мое решение Джафар.

И вот я в госпитале, беседую с юным Рахнаваром. Много дней боролись советские врачи, чтобы не дать смерти остановить сердце юноши. Сейчас он считается уже ходячим больным. Щеки порозовели, глаза стали веселыми, и только шрам на лбу еще никак не заживает — пятиконечная звезда, его боль и гордость. Рахнавар верит, что скоро выпишется из госпиталя. Стал при встречах просить старшего лейтенанта Саида, чтобы тот взял его к себе на службу в Царандой.

С разрешения начальства госпиталя мы пошли на берег бурной реки, сели в тень под развесистой ивой, и Рахнавар не спеша стал рассказывать одну из трагических историй моего народа. Историю, которая имела непосредственное отношение к операции «Арс».

«Максуд буквально силой увез меня в Пакистан. Заплакала, прощаясь, мама, а вслед за ней громко разревелись двенадцать наших младших братьев и сестер. Понуру склонив голову к груди, стоял в створке отец.

— Да перестаньте вы выть, как о покойнике,— разозлился на маму и детей Максуд.— Я из этого щенка человека сделаю, настоящим воином станет, защитником ислама. Он грамотный, будет у меня писарем.

Прошел год, как мы не видели Максуда, а сейчас его имя было на устах всех жителей нашего кишлака. Моим старшим братом стали пугать дестей. Дурная слава о главе банды душманов шла от кишлака к кишлаку по всей нашей провинции. Он долго ходил безнаказанным со своими головорезами, скрываясь от частей Народной Армии. Но однажды его отряд был окружен в одном из ущелий и почти уничтожен, а те, кто остался жив, сдались в плен. Удалось унести ноги одному Максуду на лихом вороном коне. Тогда-то ночью он и появился в нашем доме, а с утра пораньше, спасаясь от преследования, глухими, хорошо известными только нашей семье тропами вместе со мной направился в Пакистан. Здесь, в Пешаваре, он в один день стал богатым человеком. Пришел в отель веселый и пьяный, бросил на стол пачку долларов и афгани.

— Смотри, Рахнавар, сколько твой брат заработал денег. Не скупятся мои хозяева, хорошо платят за кровь неверных. Гульбедин¹ говорит, что Максуд совершает святое дело, что для меня открыта уже дорога в рай, прямо к аллаху!

Его сильно шатнуло в одну, потом в другую сторону. Потерял равновесие, упал спиной на кровать и тут же захрапел громко, со свистом. А утром с похмелья потянулся к бутылке виски, что вчера принес с собой. Сделал несколько глотков, закурил сигарету и говорит:

— Я в город пойду. А тебе на вот пачку денег. Спусти вниз, закажи хозяину хороший обед с выпивкой. Да скажи, чтобы все было, как в лучших ресторанах. У нас будет высокий гость!

В полдень Максуд пришел в наш номер со своим высоким гостем. Был тот небольшого роста, худой, в модном светлом костюме, впалые щеки гладко выбриты, глаза прячутся под синими стеклами больших очков.

— Это мой брат Рахнавар, господин Луис,— представил он меня гостю.— Башковитый парень, в школе хорошо учился, знает английский язык. Так что у меня теперь свой писарь и переводчик.

— О, прекрасно, прекрасно! Повстанческому движению нужны умные люди. Рад с вами познакомиться, молодой человек, очень рад,— на чистом пушту говорит господин Луис.

Он похлопал меня по плечу и тут же к моему удивлению ловко сбросил со своих ног легкие сандалии, швырнул на мою кровать пиджак и в одно мгновение оказался на ковре. Поджал, как настоящий мусульманин, под себя ноги, снял очки, и я увидел зеленые и злые, как у рыси, глаза. Они испытующе, не мигая, смотрели на меня, заставляя в низком поклоне склонить голову.

— Ну, ты иди, поторопи хозяина с обедом,— сказал мне брат.— А мы тут одни посидим, поговорим о важных делах, о которых никому знать не следует. В том числе и тебе, мой брат. Верно я говорю, господин Луис?

— «Little pitchers have long ears»! Ну, молодой человек, сумеете перевести моему почтенному брату, что я сказал?

Я чуть призадумался, сообразил, что к чему, и выпалил:

— У маленьких кувшинов большие уши, а точнее, дети любят слушать то, что им не полагается.

— Bravo, молодой человек, bravo! — господин Луис пришел в восторг.— У вас, видно, были неплохие учителя.

— Да, учителя в нашей школе — прекрасные люди! — с гордостью отвечал я ему.

— Не слушайте его, господин Луис,— говорит мой брат.— Учителя у нас не люди, а демоны-искусители. Хотят, чтобы наши дети выросли неверными, забыли мусульманские обычаи предков.

— О, это опасная педагогика,— замечает господин Луис.— Нельзя забывать афганскую пословицу: «Можно забыть свою деревню, но не забывай своих обычаев».

— Совершенно верно, высокочтимый мой гость! Я еще доберусь до этих учителей. Обещаю вам, господин Луис. Они поплачут у меня кровавыми слезами! — грозит брат.

— Несправедлив твой гнев, брат мой,— не побоялся сказать я Максуду.— В сердце у тебя много яда накопилось. Смотри, как бы он не заразил всю кровь.

— Ну ладно, ладно, мы с тобой потом объяснимся. А сейчас не мешай нам. Иди и делай, что я сказал,— приказывает Максуд.

После обеда он ушел вместе с гостем и появился в отеле только поздно ночью. Я ждал, он меня ругать будет за то, что я осмелился в присутствии гостя возразить старшему брату. Но Максуд был в хорошем настроении, о моих словах не вспомнил, пил с удовольствием крепкий чай, что приготовил я к его приходу.

— А ты молодец, сумел понравиться мистеру Луису,— неожиданно похвалил он меня.— Запомни, он наш хозяин. Платит бешеные деньги, и надо подчиняться ему беспрекословно, служить этому американскому шефу верой и правдой. Понятно?

Я кивнул головой.

— А раз понятно, собирайся в дорогу. Поведешь караван мистера Луиса через границу. Надеюсь, нашу тропу помнишь?

— Да я по ней с закрытыми глазами пройду,— отвечаю я Максуду.— Не раз с отцом и с тобой гонял по ней отары овец на летние пастбища.

— Вот и хорошо. Сделай все, что он прикажет,— говорит Максуд.— А я останусь здесь. Подберу себе отряд и снова вернусь в наши края. Жди, скоро увидимся.

Через два дня я вел караван по узкой тропе. Состоял он из пяти ослов, груженных тюками хлопка, и пяти погонщиков. Я как караванбаша¹ иду первым, за мной следует господин Луис. На нем полосатый халат, широкие афганские шаровары, каракулевая шапка на голове.

— Зови теперь меня не господин Луис, а Пир Баба-хан. И запомни: ни с каким иностранцем ты не встречался. Иначе... Иначе тебя ждет смерть. Не забывай мудрой пословицы: «Don't trouble trouble till trouble troubles you». Перевести или сам осилишь?

— Не тревожь тревоги, пока тревога не тревожит тебя.

— Абсолютно точный перевод. Нет, у вас просто превосходные учителя, молодой человек.

Не знаю, повезло ли так с учителями господину Луису, как мне, но одно могу сказать: напичкали они сго с детства пословицами и поговорками на все случаи жизни.

Через сутки мы благополучно пересекли границу и вышли на развилку двух троп. Одна вела к на-

¹ Гульбедин — один из руководителей контрреволюционной организации со штаб-квартирой в Пакистане.

¹ Караванбаша — проводник каравана.

шему кишлаку, другая — к неприступным скалам горы Атан.

— Куда прикажете, господин Луис... — начал было я.

— Ты забыл, что ли? Не господин Луис, а Пир Баба-хан. Нет-нет, в кишлаке нам нельзя показываться. Веди к подножию Атана.

— Но там дальше нет пути, мы упрямся в каменный тупик.

— Веди, куда тебе говорят, — прикрикнул на меня хозяин каравана.

Не доходя метров пятисот до отвесной скалы, Пир Баба-хан остановил меня.

— На этом месте кончилась твоя работа караванбаши. Я доволен тобой, мой мальчик. Отправляйся в свой кишлак и жди там брата. И никому из одного слова о встрече со мной. Вот, держи за твои труды, Рахнавар.

И он протянул мне несколько купюр новеньких афгани. Я поблагодарил Пир Бабу-хана, попрощался с погонщиками и заспешил к себе домой. Но, попетляв вместе с тропой, остановился. Не давало мне покоя любопытство: куда же дальше пойдет караван, если перед ним непреодолимая преграда? Если дальше никакой дороги нет, а только неприступные голые скалы?

Повернул назад, прячась за валунами, чтобы меня никто не увидел, стал смотреть, куда же направится господин Луис со своими тюками хлопка, когда кончится тропа? Еще несколько шагов, и господин Луис буквально уперся в серую стену горы Атан. Уперся — и вдруг неожиданно исчез. Я закрыл глаза, думал, что мне померещилось. Открыл снова, смотрю внимательно, высунувшись уже по пояс из-за своего укрытия, но не вижу ни господина Луиса, который велел себя величать Пир Бабой-ханом, ни каравана ослов с пятью погонщиками — все словно провалились под землю у самого подножия Атана. Признаюсь, меня охватил страх, и я что было сил бросился по тропе скорее к родному дому.

Вторая и последняя встреча с Пир Бабой-ханом произошла у меня, когда брат совершил налет на наш кишлак со своей новой бандой. Получил под свое командование полсотни молодых душманов, которые прошли подготовку в спецлагерях афганской контрреволюции на территории Пакистана под руководством американских инструкторов. В прошлом господин Луис, а теперь почтенный Пир Баба-хан пожелал своими глазами увидеть, чему научили его коллеги этих молодцов, что с гиканьем и беспорядочной стрельбой ворвались в наш далекий горный кишлак. Брат решил сдержать слово, данное мистеру Луису, заставить моих учителей плакать кровавыми слезами. По его приказу душманы согнали всех жителей кишлака.

К стене школы душманы поставили связанных по рукам и ногам моих учителей, троих мужчин и двух женщин. Пир Баба-хан поднялся на крыльцо школы, уселся на свой походный стульчик.

— Почтенные мои земляки! — обратился к перепуганным людям Максуд. — Эти демоны учили жить наших детей не по святым заповедям корана, а по проклятым законам неверных. Я во имя аллаха милостивого, милосердного избавляю вас, правоверные мусульмане, от злых духов и приговариваю каждого из этих вероотступников к смерти!

И тут же первый выстрелил в лицо директору школы Бариду Руфи.

— А вот эту красавицу ты должен пристрелить сам, Рахнавар! — говорит мне Максуд, указывая на белое, как молоко, лицо моей учительницы по английскому языку Джамили-ханум.

И дает мне в руки автомат.

— За что убиваешь ты наших учителей? — при всем народе спрашиваю я своего старшего брата Максуда. — Они из нас, слепых, зрячих делают. Мы узнали, что есть на свете другой мир, чем тот, в котором мы живем. Мир добра, разума, науки и культуры. Разве можно казнить тех, кто щедрее солнца отдает людям все тепло своего большого сердца?

— Замолчи, щенок, а не то я заткну твою поганую глотку свинцом, — в бешенстве закричал Максуд. — А ну, делай, что тебе приказывают, стреляй в doch шайтана!

— Почтенный Пир Баба-хан! — обращаюсь я к господину Луису. — Вы образованный человек, остановите моего безумного брата-убийцу! Не дайте свершиться этому злодеянию, спасите моих учителей!

— «Self is a bad counsellor», — изрек, не вынимая сигару изо рта, господин Луис и повернулся ко мне спиной.

— Так, значит, вы говорите, что личное чувство — плохой советчик? Нет, мое личное чувство — мой добрый советчик! Получайте за все сполна, душегубы!

И дал я длинную очередь по душманам, что стояли рядом с моим братом. Не помню, как оказался я в седле Максудова коня, что стоял до этого оседланым у крыльца школы. Низко прижавшись к лохматой гриве, я бешеным галопом понесся по узкой улочке кишлака, надеясь, что еще могу спастись, уйти от преследования своих врагов.

Глава XV

Признаться, я не очень удивился, услышав от Рахнавара, что есть на самом деле так называемый «народный мститель» Пир Баба-хан. Весь мир уже давно знал, какую роль играет в необъявленной войне против моей родины Центральное разведывательное управление США. Оно, по существу, держит в своих руках все рычаги управления афганской контрреволюцией. В учебных центрах в Пакистане под руководством американских инструкторов, в содружестве с военными специалистами некоторых других стран, проходили подготовку будущие душманы. ЦРУ готовило и засылало на территорию республики шпионов и диверсантов. Для подрывной деятельности в моей стране Белый дом щедро ассигновывал миллионы долларов. Свой вклад в организацию агрессии против Демократической Республики Афганистан сделали и другие капиталистические державы. Так, в 1984 году на счет афганских контрреволюционеров Англия перечислила 18 миллионов фунтов стерлингов, Федеративная Республика Германии — 60 миллионов марок, Япония — несколько миллионов иен. Для работы в этом регионе ЦРУ выделило сотни опытных разведчиков, среди которых был и подполковник Мартин Луис. Уточнением его биографии занялись работники госбезопасности, а нашей оперативной группе Царандоя предстояло изучить кровавые следы, которые он оставил на афганской земле, найти и обезвредить опасного американского агента. Мои товарищи разъехались по провинциям, откуда поступали сообщения о пребывании Луиса в составе банд. А я со своими старыми знакомыми из райотдела Царандоя Мухаммедом и Касемом отправился к северному подножию хребта.

От самой границы с Пакистаном цепочкой на лошадах мы двигались по узкой, едва приметной тро-



пе, которую начертил мне на карте Рахнавар. Она и привела нас к отвесным скалам Атана. Спешившись, небольшой отряд занялся тщательным обследованием каждого камня у подножия хребта, где, по словам Рахнаvara, произошло таинственное исчезновение господина Луиса, погонщиков и ослов с тюками хлопка. Работа продолжалась до самого захода солнца, но не дала никаких результатов. В безмолвии стояли перед нами голые скалы, лежали никем не тронутые глыбы камней у подножия Атана. Не было здесь пещер и даже птичьих гнезд.

— Что-то напугал паренек, — говорил Касем, пристраивая на огне котелок с чаем. — Придется благодарить его фантазии спать на камнях под звездным небом.

— Да, подшутил над нами Рахнавар, — поддерживает его Мухаммед. — Надо же такое придумать: провалились, как сквозь землю.

В душе я соглашаюсь с моими товарищами, но молчу, жду с нетерпением крепкого, горячего чая. С вершины хребта к подножию спустился холодный туман, я спешу накинуть на плечи шинель и думаю о ребятах, что находятся по ту сторону Атана в своей пещере у реки Арс. Тепло ли им там ночевать, есть ли что-нибудь на ужин, какие новости сообщат они завтра старшему лейтенанту Саиду? А Рахнавар, действительно, что-то напугал, наверное, устал тогда от дальней дороги, померещилось. Но пусть парень ошибся, пусть даже это плод его воображения. А куда все же делся Луис со своим караваном? К вершине хребта здесь путь отрезан. Хорошему альпинисту и то нелегко пришлось бы штурмовать каменные стены Атана. Значит, караван двинулся вдоль хребта, но неизвестно, в какую сторону. Что же было спрятано в тюках хлопка, с которыми отправился в путь на нашу территорию амери-

канский разведчик? Вопрос следовал за вопросом. Мои мысли прервал Мухаммед:

— Вот, попейте крепкого чайку, рафик капитан. Согреетесь, настроение поднимется,— говорит он, протягивая мне пиалушку чая.

— Да, чай — источник жизни. От него душа согревается, восстанавливаются утраченные силы,— философски замечает Касем. Подбросил в костер хворосту, ярче заиграло пламя. Подсел ко мне поближе и сказал уверенно: — А мы, верьте, поймаем этого эмериканского душмана. Не здесь, так в другом месте найдем. Если он даже под землю провалился, все равно достанем.

...Через два дня вместе с Мухаммедом и Касемом я вернулся на наблюдательный пункт, что организовал Саид недалеко от реки Арс. Я рассказал ему о результатах нашей неудачной поездки.

— Надо срочно снова встретиться с Рахнаваром. Парнишка ввел нас в явное заблуждение,— говорю старшему лейтенанту.

— Не торопись, капитан,— отвечает он мне.— Прочитай сначала вот это...

— Что это?

— Текст радиogramмы из пещеры от Файзуллы. «Сегодня встретился с Пир Бабой-ханом. Он доволен нашей работой. Предлагает стать командиром детского батальона «Смерть неверным».

— Какой детский батальон? — недоумеваю я.

— Да ты читай дальше, удивляться будешь потом, капитан.

«Предстоит новая встреча. Время не определено. Хаким сумел незаметно проводить Пир Бабу-хана и Джалата до середины ущелья. Потом, по словам брата, они провалились сквозь землю».

— Ну что скажешь, капитан, по этому поводу? — спрашивает Саид.

А мне, признаться, и сказать нечего. Снова провалились сквозь землю.

...Фотопленка, которую положили ребята в условленном месте под большой валун на берегу реки, была доставлена в Кабул. Она еще раз подтвердила, что под именем Пир Бабы-хана совершает кровавые преступления агент ЦРУ Мартин Луис.

Прошло три недели после встречи Файзуллы с Луисом. Но его посланец Джалат больше не появлялся в пещере, не звал Файзуллу на встречу со своим господином, не приносил обещанных подарков для Фатимы и Хакима. Луису было сейчас не до ребят. Он вел тщательное расследование провалов последних операций. Были разгромлены две летучие банды, находящиеся непосредственно в его подчинении. Они формировались из надежных парней, прошедших профессиональную подготовку в Пакистане. Действовали беспощадно и дерзко, истребляя мирных жителей, разрушая кишлаки, уничтожая посевы на полях дехкан. В бандах были опытные командиры. Один из них — Максуд — недавно умер от ран. Всадил ему несколько пуль в живот родной брат Рахнавар. Как ни лечили Максуда отварами из целебных трав местные знахари, отдал он через два месяца душу аллаху. Другой — Рахман-Гамид — еле ноги унес от своих преследователей. Пришлось господину Луису спасать его в собственном убежище. Провалились группы химических диверсий в Герате и Кандагаре. Рискя собственной жизнью, Луис побывал в этих городах и сам убедился, что тщательно подготовленные операции потерпели крах.

Многие душманы, пойманные с поличным, должны были в скором времени предстать перед народным судом. Назревал большой скандал. Правда, он

ничем не грозил господину Луису, но был очень неприятен для «народного мстителя» Пир Бабы-хана. Теперь надо сидеть тихо в своей норе и не высывать нос. Он был уверен, что пребывает в полной безопасности. Его штаб-квартира находилась в глубоком подземелье. Те, кто строил ее, по приказу Пир Бабы-хана, были расстреляны все до одного человека.

— «Мертвые — самые надежные друзья для живых», — изрек Луис, осматривая трупы убитых.

— Да это же настоящий подземный дворец! — пришел в восторг его шеф Дэвид Патрик, рискнувший посетить штаб-квартиру Луиса.

Дворец не дворец, но под землей в большой старой пещере была создана база хранения химического оружия, мин для различных диверсий, боеприпасов для пулеметов и автоматов.

Здесь же находилась портативная радиостанция для связи с центром американской разведки в Пешаваре и отдельными отрядами повстанцев. С комфортом жили обитатели подземелья, особенно его хозяин. У Луиса, помимо спальни и комнаты для приема гостей, был еще и рабочий кабинет. Мощные аккумуляторы давали электроэнергию для освещения подземелья и для работы грузовых лифтов. Сверху лифтовые шахты были прикрыты тяжелыми камнями, такими же, какие лежали у подножия Атана. Каменная маскировка надежно укрывала подъемники от постороннего глаза.

Лифты могли поднимать и спускать в штаб-квартиру не только людей, но и четвероногий транспорт, доставляющий смертоносные грузы из-за кордона. Для них была сделана специальная конюшня с запасом овса и сена. Подземелье имело три выхода. Одним из них пользовались только Пир Баба-хан и Джалат. И вел этот выход в ущелье на берег реки Арс. А чтобы не было никаких случайностей, пришлось Луису отдать распоряжение об уничтожении всех жителей кишлака Черек отрядом Рахман-Гамида, создать здесь безлюдную зону на многие километры вокруг.

Все выходы из штаб-квартиры, когда ими не пользовались, немедленно минировали. Так что Луису не приходилось здесь беспокоиться за свою жизнь. Он чертовски устал за эти последние дни, сдали нервы, пришла бессонница.

— Да хватит храпеть, Рахман-Гамид,— толкает он в бок спящего на ковре душмана.

— А? Что? Погоня? — никак не отойдет от своего тревожного сна душман.

— Видно, здорово нагнали на тебя страху солдаты Народной Армии, даже во сне погоней бредишь.

— Вам бы побывать на моем месте,— с обидой говорит Рахман-Гамид, неохотно расставаясь с мягкой подушкой.— Я отстреливался до последнего патрона, не покидал своих парней, пока не увидел, что наступает конец...

— Тогда ты бросил отряд и удрал один на своем коне, не так ли? — смеется Луис.

— А что было делать, когда бой проигран? Надо где-то было укрыться, спасти себя для будущих сражений,— оправдывается душман.

— Храбрый волк логова не ищет,— резко оборвал его Мартин.

Увидев, что по лицу Рахман-Гамида пошли красные пятна от обидных слов, Луис смягчился, хлопнул его по плечу.

— Ну, нечего на меня обижаться. Оставим в покое наши дела. Ночь, как известно, дана для отдыха. Давай немного встряхнемся, сбросим с плеч тяжесть печали. Эй, Джалат! — приоткрыв дверь, зовет он своего верного помощника.— Неси нам все, что требуется для хорошего застолья. Ведь умирать

лучше на сытый желудок, не так ли, почтенный Рахман-Гамид?

...Когда стала пустой и вторая бутылка виски, Луису захотелось подышать свежим воздухом. Напрасно Джалат пытался остановить своего господина, отговорить от прогулки в ночное время к берегу Арса. Куда там, Луис и слушать не пожелал, послал душмана к черту и вместе с захмелевшим Рахман-Гамидом поднялся на лифте в ущелье.

В небе стояла большая луна, бледный свет которой проникал и сюда, в каменный мешок.

— Смотри, какое чистое небо, Рахман-Гамид. Но твое-то место не в раю, а в аду,— говорит, пошатываясь, Мартин.

Неизвестно почему, но тема смерти, рая и ада не сходилась с языка Луиса. Он знал, что от его слов Рахман-Гамиду становится не по себе, боялся тот смерти, особенно от чужой пули. Знал и продолжал пугать, получая от этого удовольствие.

— Вчера мне сон приснился. Прощались мы с тобой на перекрестке троп,— продолжал Луис.— Одна тропа вела в рай, туда своим перстом указал мне идти аллах. А другая — к котлам с кипящей смолой — была для тебя.

— Да перестаньте же, наконец, каркать о смерти, как ворона над покойником! — возмущается Рахман-Гамид.

Но его словно не слышал Мартин. Продолжал с увлечением толковать о делах загробных.

— И еще я видел во сне, что аллах дал мне полистать свою сокровенную книгу, о которой в коране говорится. В ней для каждого сроки жизни обозначены. Смотрю, знакомое имя и точная дата, когда ты должен умереть.

Рахман-Гамид не желает знать собственный день траура, повернулся спиной к своему господину, трясущейся рукой вытащил из-под халата прихваченную с собой бутылку виски, хотел было ко рту поднести и замер от испуга. В темноте, там, где находится берег реки, стал моргать фонарик. Вспыхнет яркий свет и погаснет. А Пир Баба-хан все о смерти вещает.

— И позвал при мне аллах ангелов могил Накира и Мункара, велел за тобой на землю слетать, взять грешника за шиворот и немедленно поднять на небеса.

Хлебнул из бутылки Рахман-Гамид и вроде в себя пришел от крепкого напитка: не моргает больше фонарик перед его глазами, не слышно голоса Пир Бабы-хана. Повернулся к нему Рахман-Гамид, и снова страх напал на душмана. Челюсть отвисла, слова вымолвить не может. Ангелы Накир и Мункар, о которых поминал только что его господин, были уже на земле. В один миг вставили они клыч в рот Пир Бабе-хану, спеленали крепко-накрепко веревками, и вот уже его худенькое тело поднимается к небесам.

Рахман-Гамид стоит не шелохнется: может, ангелы его не заметят, оставят грешного на земле, улетят себе с миром вслед за Пир Бабой-ханом.

— Ну, чего рот раскрыл, двигайся к лифту! И чтобы ни слова, без фокусов. А то быстро в ад отправлю! — услышал он сердитый голос за своей спиной. Его затылок ощутил холод металла.

«Накликать все же сын дьявола Пир Баба-хан беду на мою голову,— в отчаянии подумал Рахман-Гамид.— Смерть у виска стоит. Это, наверное, сам Малик, страж ада, явился».

Но он ошибся. За его спиной стоял я, капитан Царандо Абдулла Хабиб.

— Ну, пошевеливайся, пошевеливайся, Рахман-Гамид,— тороплю душмана.

Он послушался. Не говоря ни слова, пошел к лифту. Там в решетчатой клетке уже стояли с автоматами наперевес Файзулла и Хаким. Каково же было удивление Рахман-Гамида, когда вместо небесных ангелов, он увидел двух мальчишек.

— Откуда-да-да вы взя-взя-лись? — заикаясь, подал он голос.

— Спустились с неба,— отвечаю я ему.

Конечно, мы не с неба спустились, а с вершины горы Атан. По сигналу наших наблюдателей, что сидели в засаде на берегу реки, я и ребята быстро оказались в ущелье при помощи альпинистской леденки и крепких тросов. Таким же «воздушным путем» в надежные руки Мухаммеда и Касема был отправлен на вершину горы Пир Баба-хан, а точнее, американский разведчик Мартин Луис. Его давно ждала суровая кара народного суда революционного Афганистана за все злодеяния, совершенные на моей многотрадной земле.

Многие часы дежурства на Атане не прошли даром для царандоевцев. Наконец, там, где на глазах Хакима словно сквозь землю провалился Пир Баба-хан, вздыбились и поднялись кверху серые камни. На поверхности оказалась клетка хитрого лифта. Сейчас к нему спешили солдаты Народной Армии вместе со старшим лейтенантом Саидом.

— Нажимай на кнопку! Спускай лифт в шахту! — приказываю Рахман-Гамиду.

Все мы ожидали жаркой схватки с врагом в подземелье, думали, что душманы окажут отчаянное сопротивление. Шли на большой риск. Достаточно было одной пули, чтобы взорвались ящики с минами и патронами. Так и попытался сделать Рахман-Гамид. Ему не успели еще связать руки, как он выхватил спрятанный под халатом пистолет, бросился к боеприпасам, но тут же упал замертво от меткой пули Файзуллы.

Небольшая группа душманов, что обслуживала штаб-квартиру, — среди них был и Джалат, — подняла руки вверх. Враги не пожелали отправляться на тот свет вслед за Рахман-Гамидом. Они хотели жить, надеялись, что увидят еще поутру восход солнца, выйдя из подземелья.

Вместо эпилога

Целый год я не был в родном Кабуле. Учился, совершенствовал свою трудную, но так еще нужную для республики профессию работника Царандоя.

Не ожидал, что встретит меня вся наша большая семья. Это моя мама Лейла-ханум, братья Файзулла и Хаким и сестренка Фатима. Оказывается, о моем прилете им сообщил теперь уже не полковник, а генерал-майор Царандо Джафар. Мама совсем не изменилась, была такой, какой я видел ее в последний раз. Разве что чуть больше седины было в ее выбившихся из-под платка волосах. У Файзуллы появились колючие мужские усы. Он раздался в плечах, весь был прокопчен солнцем. За этот год, что мы с ним не виделись, Файзулла окончил курсы ликбеза, поступил на заочные курсы учителей. Меня прилетел он встречать из далекого своего района, где был первым секретарем райкома ДОМА и командиром молодежного батальона защитников Революции. В его батальоне командует взводом царандоевцев райотдела Рахнавар. Вырос и был мне уже по плечо брат Хаким. Он учился в школе-интернате «Заря революции».

— Учителя очень хвалят нашего Хакима, — рассказывает мама. — У него, говорят, большие способности, особенно по математике и физике. Не отстает от него в учении и Фатима, первый класс в лицее окончила на все пятерки.

Сестра моя расцвела, как молодая яблонька по весне в саду. В косичках белые банты; специально для встречи со мной надела любимое свое платье с кружевным воротничком, глаза веселые и озорные. Вместе с нашей семьей пришел встречать меня и старый приятель Рафат. Мама прозвала его «человеком-горой» за богатырский рост.

— Добро пожаловать в родной город, рафик капитан! — приветствует он меня.

— Ошибаешься, дорогой Рафат. Я уже получил звание майора.

— По такому случаю с тебя бакшиш¹ полагается! — смеется Рафат. — А пока ты будешь думать, что мне подарить, приглашаю всех прокатиться на моей новой машине «Лада»!

— Да разве мы можем уместиться всем семейством в твоём маленьком такси?

— В тесноте, да не в обиде! Всем места хватит в машине Рафата! — с уверенностью говорит мне старый приятель.

И вот мы мчимся по знакомым с детства, где широким, где узким улицам столицы. В Кабуле весна. Только что прошел дружный теплый дождик. Умыл асфальтовые дороги и тротуары, прибил пыль в закоулках старого города. Набухла, набралась сил от тающих снегов великана Гиндукуша река Кабул, что летом превращается в тощий ручеек. Зацвели по склонам гор вокруг древней афганской столицы яркие маки, алые и белые тюльпаны, ковром зеленым спускаются с гор сочные травы. Выбросили первые бутоны нежные розы, зацвела белая акация в Кабуле. Рафат, где нужно, а где и нет, все время сигналил громко, да так, что заставляет людей повернуть голову в нашу сторону, посмотреть на его юркую новую «Ладу». Сигналил и смеется — раскатило, от всей души.

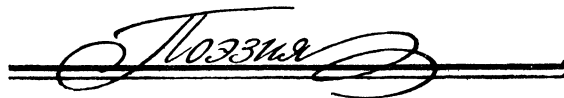
— Чему ты так радуешься, друг Рафат? — спрашиваю я у таксиста.

— Весне, рафик майор. Нашей большой весне радуюсь, что шагает сегодня по родной земле, — отвечает он. И тут же задает вопрос: — А помнишь, что гласит старая афганская пословица, Абдулла?

Я не вспомнил, но за меня ответила мама:

— «Весна хороша — будет и год хорош!»

Кабул — Москва



ИНАРА РОЯ



Жатва хлеба

Я ладонью зачерпну песок —
Дни сквозь пальцы потекут свирепо...
Убежало лето наутек!

Жатва хлеба.

Поглощает вечности река

Малые мгновенья.

Лодка жизни на подъем легка —

Весла не пугаются теченья.

Если ветер лодку укачал,

Нужен роздых — стало быть, причал.

Пристань страсти. Ласковое небо.

Сладкий вкус душистого ломтя.

...Мышцы напрягаются, гудят:

— Жатва хлеба!

Ураган ладонью зачерпнуть,

Над песчаным постоять обрывом.

— Солнышко! Благословенным будь

И счастливым!

Верность

Я — мечтатель. Всегда над моей головой
Липа цветущая шелестит...

(Фрицис БАРДА)¹

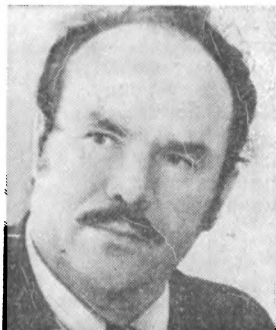
Ты говоришь: остынь, отбедокурь,
почисти хлев, займись насущным хлебом,
с крылом простишь, которому лазурь
в приданое дана высоким небом.
Ты говоришь мне: под ноги гляди,
присматривайся к муравью-братишке
да наблюдай, как пращур-дожди
сливаются с землей без передышки.
Ты говоришь мне: робость и тоска —
не парус (если лодки — наши души)...
И, как волнует берег моряка,
ты говоришь, — нам не понять на суше.
Ты говоришь, что желудь — лишь стрела:
в цель попадет он, коли дубом станет...
О, как тогда порывы и дела
подземный узел воедино стянет!

Перевела с латышского Т. БЕК

¹ Бакшиш — подарок.

¹ Фрицис Барда — классик латышской поэзии, живший в XIX веке.

ОЛЕГ
ПОСКРЕБЫШЕВ



Жаворонок

Опять над роздымью полей
Трепещет он в порыве звонком,
Рожденный для земли своей
Не вороном, а жаворонком.
Прохожий замер на тропе.
Лицо старухи посветлело.
И пахарь, вдруг оторопев,
Минут на пять забыл про дело.
И кто-то спрял слова, как нить,
Успев с приметою спознаться:
—...Чуть он взлетит жаворонить,
Чуть зажурчал — теплу быть, братцы! —
Да, так и есть — хоть стынь повеи,
Хоть по росткам промчись поземка:
Всегда ж становится теплей
В душе от песни жаворонка.

Хлеб и мед

Чего и не припомнишь снова —
То нежно-нежно,
То сурово,
А то печалью оплахнет!
...На ровный срез ломтя ржаного
Я наливаю свежий мед...
И вновь зашевелилась радость,
Что с тех — ребячьих — лет осталась,
Захваченная сердцем в горсть:
Мне испытать такую сладость
Ни разу больше не пришлось.
Ну, скажет кто-то, зря не сетуй:
Неужто хлеба нынче нету,
Неужто меду не найду!
Но я на то сведу беседу,
Что разве дело лишь в меду!
Ой, к меду много-много надо
Для повторенья той улады!
Чего!
...Чтоб вновь я стал мальцом;
И чтоб, как встарь, в обнимку с садом
Стоял наш дом —

И я жил в нем;
И за столом,
Со мною рядом,
Безмолвно сына глядя взглядом,
Сидел отец... смеялась мать...
Вот что для сладости той надо!
Но, боже, где все это взять!!

☆☆☆

Если стукнет, скажем, тридцать три,
Никогда не повторится тридцать.
Так что, брат, вперед-вперед смотри:
Самый наш черед — поторопиться.
Самый срок — пахать, вязать, тачать,
Ставить на дела свою печать;
Так все ладить, чтобы пело в пальцах
Мастерство умельца и бывальца.
Свой любовно выращенный бор
Никому не дам под злой топор.
Для меня отпел и отаукав,
Будет петь-аукать он — для внуков.

☆☆☆

Даже спичек — хватъ-похватъ —
В пору ту не стало.
И пришлось нам в руки взять
Камень и кресало.
По кремню ударишь вкось
Рашпильным огрызком —
Разлетятся вроде ос
Золотые искры.
Разлетятся роем ос,
В трут вошьются жалом...
Вот и пламя занялось,
Вот и зажужжало!
И все светит с тех времен
Истина одна мне:
Неродившийся огонь
Спрятан в каждом камне.
А едва ее затронь,
Как другая рядом:
В каждом камне есть огонь,
Только — высечь надо.

☆☆☆

В самой крайней поре одиночества
Ты не так одинок еще — днем.
Тяжелее всего — это «ночество»,
Заключенное в слове самом.
Даже мыслью затронуть не хочется,
А попробуй-ка переживи
В одиночку все длинные «ночества»,
Злые ночи тоски по любви.
Не поется душе. Не клокочется,
Одиночество. Ночь. Нелюбим.
А вернее, вся жизнь — это «ночество»,
Если ты беспросветно один.

Г. Устинов

ЭЛДАР РЯЗАНОВ



☆☆☆

Я в мир вбежал легко и без тревоги...
Секундных стрелок ноги, семена,
за мной гнались по жизненной дороге,—
да где там! — не могли догнать меня.

Не уступал минутам длинноногим,—
на равных с ними долго я бежал...
Но сбил ступни о камни и пороги
и фору, что имел, не удержал.

Вокруг летают странные тарелки...
Из прошлого смотрю на них в бреду.
Меня обходят часовые стрелки,—
так тяжело сегодня я иду.

☆☆☆

Все беспричинно. Чей-то взгляд. Весна.
И жизнь легка. Не давит плечи ноша.
И на душе такая тишина,
что, кажется, от счастья задохнешься.
Все беспричинно. Чей-то взгляд. Зима.
И жизнь бежит. И неподъемна ноша.
И на душе такая кутерьма,
что, кажется, от горя задохнешься.
То ночь жарка, а то морозен день...
Вся жизнь в полоску, словно шкура тигра.
А на душе такая дребедень...
Да, жаль, к концу подходят эти игры...

Бессонница

Слышно: шебуршат под полом мыши,
сквозь окно сочится лунный свет...
Плюхнулся на землю с елки снег,
от мороза дом кряхтит и дышит...
Скоро рассветет, а сна как нет.
Извертелся за ночь на подушке,
простыни в жгуты перекрутил,
а потом все вновь перестелил
и лежал недвижный и послушный,
огорчаясь ссорами светил.

Все не спал и видел хаотичный
о себе самом престранный фильм:
я герой в нем, но герой в кавычках...
Нету сил послать к чертям привычки —
взять и отмотать нежданный финт.
Вот летаю с кем-то до рассвета...
Вижу, что безделье мне к лицу.
Вот целую руку подлецу...
Скачет фильм по рваному сюжету.
Жаль, что к несчастливому концу.
Проскрипела за окном береза,
на полу сместился синий блик...
В пустоте безмолвен горький крик,
и шумят задушенные слезы...
Это, видно, сон меня настиг.

☆☆☆

Я выглянул в окно: дождливая природа
двоилась в озере, как в зеркале рябом.
Пейзаж в стихи желал. Он жаждет перевода
себя, своей тоски — в лирический альбом.

К поэзии влекла и непогода...
Но на себя я не возьму греха:
живой подстрочник, черновик природы
любого совершеннее стиха.

Песня

Когда я просто на тебя смотрю,
то за тебя судьбу благодарю.
Когда твоя рука в моей руке,
то все плохое где-то вдалеке.
Когда щекой к твоей я прислонюсь,
то ничего на свете не боюсь.
Когда я глажу волосы твои,
то сердце замирает от любви.
Когда гляжу в счастливые глаза,
то на моих от нежности слеза.
Как то, что чувствую, пересказать!
Ты мне жена, сестра, подруга, мать.
Не существует безупречных слов,
что могут передать мою любовь.
И оттого, что рядом ты со мной,
я добрый, я хороший, я живой.
Стих этот старомоден, неказист
и слишком прост, но искренен и чист,
с улыбкой светлой на тебя смотрю,
и жизнь, что вместе мы, благодарю.

Январь

Смеяться над бюро прогнозов
неловко как-то и грешно...
Мы в ожидании морозов,
которым быть бы уж давно.
Всему своя температура.
Ждет холода моя натура,
ей надоели морось, гниль...
К тому ж скользит автомобиль...
И смотрят вниз на гололедицу
Большая с Малою Медведицы.

ВАЛЕРИЙ
ОСИПОВ



Большое и бесконечное движение многочисленных университетских «народов» можно было наблюдать на углу Моховой улицы и улицы Герцена каждый день в девять часов утра в те самые времена, о которых рассказывает наше повествование. Знаменитый студенческий перекресток в самом центре Москвы, напротив Манежа, разделявший два главных корпуса старых зданий университета, в буквальном смысле этого слова кишел представителями всех областей знания. Река молодости, жаждущей познать мир — его прошлое, настоящее

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

РОМАН

и будущее — во всех многочисленных проявлениях, плескалась своими беспокойными волнами в девять часов утра у стен университета оживленно, задиристо и весело и растекалась говорливыми ручейками по факультетам и этажам, по лекционным залам и научным кабинетам, по библиотекам и аудиториям.

.В потоке «гуманитариев» (юристов, философов, историков, экономистов, филологов), шагавших по устоявшейся традиции в начале каждого учебного дня в сторону больших аудиторий в том самом здании, перед которым с бронзовым свитком в руках задумчиво стоял Михаил Васильевич Ломоносов, — в этом самом потоке «гуманитариев» плыл и маленький кораблик пятой французской группы, на борту которого всего лишь несколько минут назад произошли едва ли не самые серьезные события за всю трехлетнюю историю ее существования.

Закончив свое бурное комсомольское собрание, пятая французская торопилась теперь к шестьдесят шестой аудитории — третьей по величине гуманитарной аудитории университета, где должна была начаться общая для всего четвертого курса факультета журналистики лекция по всеобъемлющему, многолетнему и не имевшему, казалось, ни начала, ни конца почти энциклопедическому курсу, носившему неопределенное и замысловатое название — «Теория и практика периодической печати». Технический секретарь факультета журналистики Глафира Петровна сокращенно обозначала эту громоздкую научную дисциплину в расписании занятий, огромной бумажной простыней висевшем на дверях деканата, всего лишь пятью буквами: «тр. и пр.», то есть «теория и практика». Студенты же факультета мгновенно переделали это «тр. и пр.» в живописное сочетание из двух слов — «тыр-пыр», каковым словосочетанием и назывался чаще всего этот курс — один из главных предметов, изучаемых на факультете журналистики, — во всех студенческих, а иногда даже и преподавательских разговорах.

Влившись в шестьдесят шестую аудиторию, пятая французская тут же потеряла свои строгие очертания и мгновенно растворилась среди четырех остальных языковых групп курса — трех английских и одной немецкой. Всем «французам», особенно женской половине группы, естественно, не терпелось поскорее поведать о своем необычном комсомольском собрании тем однокурсникам, «англичанам» и «немцам», которые ничего еще об этом не знали.

Шум и гул, характерные для каждой студенческой аудитории перед началом лекции (движение стульев, скрип столов, пересаживания с места на место, торопливые разговоры и перешептывания: «Дай карандаш», «Одолжи тетрадь», «Будешь в «морской бой» а?»), постепенно прекратились, когда в шестьдесят шестую медленно вошел лектор по «тыр-пыр» — низенький коренастый, краснолицый и весьма пожилой крепыш в зеленом полувоенном френче, такого же зеленого цвета галифе и в ярко начищенных хромовых сапогах.

Это был доцент кафедры теории и практики периодической печати Эдуард Феофилович Купцов. Взойдя на кафедру и внимательно

Рисунки
Ю. Вечерского

Окончание. Начало см. в № 9 за 1985 г.

оглядевшись, доцент Купцов громко высморкался, разложил перед собой листки конспекта очередной лекции и, придав своему кумачовому лицу по возможности научное выражение, углубился в публичное исполнение конспекта.

В своей лекторской манере доцент Купцов старался в основном не прибегать к старомодным приемам древнегреческого красноречия. Находясь на трибуне, он никогда не использовал и повадок римских ораторов (скажем, забытого теперь уже всеми Цицерона), не вскидывал гордо вверх подбородок, не разводил картинно руками, не играл модуляциями голоса. Спокойно и ровно он аккуратно прочитывал сверху донизу каждый листок конспекта, потом, посплюсывая палец, переворачивал прочитанный и начинал читать следующий лист.

Надо сказать, что и в жизни Эдуард Теофилович был так же прост, как и на лекторской кафедре. Представляясь, например, кому-либо, он стремился предельно облегчить для собеседника выговаривание своего сложного имени и называл себя не «Эдуардом», а с присущим ему произношением «Одувардом», за что и получил на факультете свое прозвище.

Простоту нравов в житейском обиходе доцент Купцов пытался перенести и в сферу науки. Будучи узким специалистом в области дореволюционной периодической печати, Одувард сосредоточил свои исследовательские интересы главным образом на теоретических проблемах таких изданий, которые были выпущены в свет наименьшим количеством номеров — тремя, двумя, а то и вовсе одним. В итоге, будучи пожалован кандидатской степенью, он как бы навсегда утопил в себе жажду познания и целиком переключился на педагогическую деятельность, неумоимо сея в течение многих лет зерна знаний в умах будущих журналистов, причем тематически круг своих лекций после «остепенения» он значительно расширил: в публичные чтения Одуварда теперь вплетались леденящие душу истории из современной буржуазной печати.

Иногда, извлекая из своего конспекта неопровержимые факты, проливающие особо яркий свет на продажную буржуазную прессу, доцент Купцов с отвращением отбрасывал от себя листы конспекта и, горестно зажмурившись, проникновенно шептал аудитории:

— Не могу дальше читать — противно!

И это была чистая правда. Лицо Одуварда искажала гримаса такого отвращения, что уголки его губ горько изгибались.

...Пашка Пахомов сидел на лекции по «тыр-пыр» рядом с Тимофеем Головановым. После столь неожиданно закончившегося комсомольского собрания Пашка, не отдавая себе отчета в своем поведении, почему-то ни на шаг не отходил от Тимофея. Он молча шел рядом с ним через улицу Герцена, молча поднимался по ступеням парадной университетской лестницы в шестьдесят шестую аудиторию, молча сел рядом за один стол.

Молчал и Тимофей. Он озабоченно достал из своей делегатской папки толстую тетрадь с лекциями по «тыр-пыр» и аккуратно записал названную Теофиlichem тему сегодняшней лекции. Пашка, неосознанно подчиняясь все тому же своему состоянию, ни на шаг не отпуская его от Тимофея, тоже достал несколько смятых листов бумаги, случайно оказавшихся у него, нашел в кармане огрызок карандаша и, нахмурившись, устался на Одуварда.

С Теофиlichem студент Пахомов был довольно близко знаком по многочисленным индивидуальным встречам на экзаменах и зачетах. И надо откровенно сказать, что обоюдной радости от этих встреч

ни Пашка, ни Теофилич, разумеется, ни разу не испытывали. Студент Пахомов, как всегда, нес какую-то чепуху, доцент интересовался знанием первоисточников, студент Пахомов, в свою очередь, нагло требовал вопросов на сообразительность, после чего Теофилич регулярно заворачивал Пашку на пересдачу, и в результате «тыр-пыр» приходилось сдавать с двух, а то и с трех заходов. Именно поэтому, впервые попав за многие месяцы на «Одувардовскую» лекцию, студент Пахомов смотрел на доцента Купцова не только хмуро, но и даже отчасти враждебно. И только присутствие рядом Тимофея Голованова — память о необычной концовке комсомольского собрания гвоздем сидела в Пашкиной голове — заставляло студента Пахомова, имитируя запись лекции, водить карандашом по бумаге.

Глядя на Одуварда, Пашка вспомнил, как однажды во время третьего захода на экзамен, потеряв всякую надежду получить у принципиального Теофилича спасительную тройку, прибегнул к запрещенному приему. Замогильным, трагическим голосом Пашка доверительно поведал доценту о том, что дедушка у него, у студента Пахомова, был почти профессиональным революционером, а ему, студенту Пахомову, приходится, мол, теперь так мучиться на экзаменах — за что же тогда боролся дедушка? — и сообщение это настолько растрогало Одуварда, что он в конце концов выставил Пашке необходимую тройку.

...Следующей после «тыр-пыр» была лекция по истории русской журналистики XIX века. И читал ее профессор Эраст Павлович Метельский — величайший либерал всех времен и народов, один из самых снисходительных экзаменаторов на белом свете, получивший от студентов за это благородное качество прозвище Друг Человечества Эраст.

Упродруг рысцой взбежав на кафедру, профессор Метельский небрежным движением руки отбросил назад длинные волосы, расправил красивую бороду и улыбнулся. Улыбка эта была хорошо знакома всему четвертому курсу. Обычно с нее начиналась каждая лекция и все экзамены. «Ну-с, милостивый государь, — улыбнувшись, начинал экзаменовать очередного студента Эраст Павлович, — на какую отметку изволите претендовать? Тройка, я думаю, вам обеспечена заранее. Не хотите ли попробовать получить четверку, а может быть, даже и пятерку, а?»

Двоек Друг Человечества принципиально не ставил никогда. Ни разу не отправил он ни одного студента и на переэкзаменовку. Предельно гуманная формулировка — «тройка вам обеспечена заранее» — открывала как бы второе дыхание у экзаменуемых, и большинство студентов факультета всегда получали у профессора Метельского пятерки. (Даже студент Пахомов ухитрился сдать однажды Эрасту Павловичу его предмет на четверку.)

Читал свой курс Друг Человечества Эраст легко и непринужденно. Удерживая в памяти огромное количество сведений, фамилий, фактов и аналогий, профессор Метельский никогда не пользовался никакими предварительными записями и строил все свои лекции как увлекательные исторические новеллы с лихо закрученным и почти детективным сюжетом. На лекторской кафедре он чувствовал себя будто рыба в воде, а вернее сказать, — как птица в полете.

Обязательный темный костюм в светлую полоску подчеркивал сухощавость и стройность его фигуры и в сочетании с общей горделивой осанкой придавал иногда Эрасту Павловичу вид традиционно-обобщенного английского лорда, но беспокойный жизнерадостный нрав и неиссякаемое веселье, не покидавшее его ни на одну минуту, дополняли об-

раз профессора Метельского чертами французского парламентария конца прошлого века, завзятого говоруна и остролова, поклонника изящной и тонкой мысли, любителя витиеватой и афористичной галльской фразы, знатока живописи и музыки, ценителя женщин, цветов, редких вин и всех прочих земных человеческих удовольствий.

Несмотря на такой интернациональный и будто бы несколько старомодный внешний облик, Друг Человечества Эраст был в то же время очень современным и практичным деятелем науки, одним из лучших университетских профессоров. В кругах начальства из Министерства высшего образования он слыл дипломатом и постоянно участвовал во всевозможных международных симпозиумах и конференциях. Поговаривали даже о том, что Метельского за импозантность и дружелюбную обаятельность прочат в проректоры университета, но разговоры эти ходили пока только на уровне слухов и предположений.

Но главным в характере Эраста Павловича была, конечно, не импозантность, а величайшая, не знающая никаких границ преданность своему предмету. Русскую журналистику XIX века профессор Метельский знал вдоль и поперек. Осведомленность его в делах российских газет и журналов этого периода была настолько всеобъемлющей, что практически не поддавалась никакому учету и соизмерению. Друг Человечества Эраст знал буквально все о каждой русской газете и каждом журнале.

Свободно оперируя датами, цифрами, фактами, играючи перечисляя фамилии десятков литераторов, очеркистов, фельетонистов, репортеров и хроникеров, Эраст Павлович нередко заставлял своих слушателей подолгу сидеть в абсолютной тишине, не шелохнувшись, пока он рисовал перед ними картины быта и нравов обеих русских столиц и необозримой российской провинции — по судебным отчетам, полицейским хроникам, уголовным очеркам, криминальным заметкам, скандальным фельетоном, необычным происшествиям и детективным корреспонденциям с мест пожаров, грабежей и наводнений, опубликованным в разные времена в русских газетах и журналах прошлого столетия.

Иногда, самозабвенно погружившись в этот «океан» житейских, политических, нравственных, коммерческих, придворных, дворянских, уездных, губернских, купеческих, церковных, помещичьих, крестьянских и иных подробностей, захваченный и увлекаемый потоком (а точнее сказать, «потопом») исторической информации, неудержимо хлещущей из всех закоулков его памяти, Друг Человечества Эраст независимо от своих намерений и желаний никак не мог остановиться.

В таких случаях Эрасту Павловичу приходилось производить над собой чисто физическое усилие: он поднимал к своему раскрасневшемуся лицу белоснежные манжеты и, коротко хохотнув, как говорится, наступал на горло собственной песне. И только таким решительным приемом ему удавалось потушить пожар бушевавших в его голове фактов.

Приступы подобного рода «неудержания» информации случались с профессором Метельским нечасто (их замечали очень немногие, в основном именные стипендиаты и отличники).

Основной же студенческой массе взрывы исторической эрудиции Друга Человечества шли только на пользу, так как, во-первых, рождали потребность в личном ознакомлении с газетами и журналами ушедшего века, а во-вторых, придавали огромный вес и романтический ореол их будущей журналистской профессии как одной из главных форм летописи истории.

В отличие от собственной лекторской манеры (подробности и частности быта и нравов) исследовательскую деятельность — докторскую диссертацию — Метельский посвятил генеральному процессу развития русской журналистики девятнадцатого века: журнальной тактике великих революционных демократов Белинского, Добролюбова и Чернышевского. О, редакционную практику и политику этих гигантов русской журналистики Эраст Павлович изучил и знал в совершенстве! Со скрупулезной точностью, с микроскопическим вниманием, с хирургической пристальностью почтительно препарировал в течение многих лет будущий доктор наук Метельский журнальные судьбы титанов передовой демократической печати России. И поэтому докторская его диссертация, по сути дела, стала одним из первых образцов рождающейся новой науки — науки о журналистике, возникшей на стыке таких солидных дисциплин, как история, филология, литературоведение, философия, текстология, лингвистика и т. д.

Возникновение этой науки было насущной потребностью времени.

Нужно было выявить и научно обосновать сложившиеся функции и проблемы журналистики. И здесь фигура профессора Метельского явилась как бы ответом на запрос жизни. Соединив в своей многогранной личности разноплановые качества и способности, будучи от природы эдаким многоборцем-гуманитарием (что и соответствовало, очевидно, самой природе журналистики), Эраст Павлович как бы органично заполнил рождающейся вместе с его диссертацией новой наукой о журналистике место среди остальных, потеснившихся научных дисциплин в храме человеческих знаний.

Обычно лекций Эраста Павловича никто не записывал (их было и невозможно записывать). Метельского только слушали. Причем никто из слушателей не старался ничего запоминать из лекций Друга Человечества. Метельского слушали, как слушают оперного певца — важны не слова, которые произносит артист, а музыка, мелодия, модуляции голоса. Важно не «что», а «как» поет певец. И профессор Эраст Павлович Метельский вел свою партию с лекторской кафедрой широко, красиво, размахисто. Он исполнял перед сидевшими в аудитории юношами и девушками гимн журналистике (и каждый раз на новые слова и с новыми интонациями). Он воздавал хвалу могучему языку своего предмета, он необыкновенно возвышал перед студентами их будущую профессию.

И наградой за это была оперная тишина в аудитории — десятки юных лиц неподвижно были устремлены к лекторской кафедре, над которой «сверкал» голос профессора и летали его белоснежные манжеты.

...Пашка Пахомов, как и на предыдущей лекции, опять сидел рядом с Тимофеем Головановым. Жертва, на которую пошел ради него на комсомольском собрании Тимофей, не выходила из Пашкиной головы. Шутка ли — Тимофей намеренно обманул собрание, взял на себя смелость выдумать историю вызова в деканат, он сознательно пошел на то, чтобы после разоблачения выдумки — а разоблачения этого не могло не произойти — получить хоть и устный, но все-таки выговор... И это сделал Тимофей — безупречный группкомсорг Голованов, именной стипендиат и круглый отличник.

И ради чего (вернее, ради кого) сделал он все это? Ради него, Пашки Пахомова, отъявленного прогульщика. Тимофей пожертвовал собой, своей репутацией, чтобы предотвратить реальный вызов Пашки в деканат, который на самом деле мог бы

случиться, если бы Пашка еще несколько дней резвился в «хиве» на кафедре физкультуры и спорта.

Да, Тимофей поступил как настоящий друг, и от навязчивых мыслей об этом Пашка не мог отделиться никак, плохо соображая, что происходит вокруг него, хотя и прислушиваясь автоматически к словам Друга Человечества Эраста.

— ...но эта сторона творческой манеры Салтыкова-Щедрина как публициста до сих пор еще остается непроситительно мало изученной, — обличал между тем с кафедры неведомых оппонентов профессор Метельский, завершая ранее сформулированную мысль, начало которой Пашка Пахомов, занятый думами о поступке Тимофея, прослушал. — А между тем сам Щедрин высоко ценил присутствие в материалах журнальной полемики некоего незримого будто бы, но совершенно очевидного народного сатирического элемента.

Друг Человечества Эраст выхватил из внутреннего кармана полосатого пиджака три твердых бумажных прямоугольника и ловко, как старый опытный картежник, веером распустил их у себя в руке.

— Вот, например, как Щедрин модифицирует содержание и обновляет структуру известного изречения «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Вот, пожалуйста: в старину градоначальники именно так и поступали. Прослышит, бывало, генерал, что в вверенном ему крае происходит неблагополучие, и тут же издает циркуляр — дошло, мол, до моего сведения, чтоб этого не было!.. И разом все в губернии делается тихо. А почему? А потому, что в старину о журавлях не разговаривали, а прямо указывали на синицу. Зато уж если потребовал генерал синицу, то хоть тресни, а подай, а не подал — умри!!

Эраст Павлович коротко хохотнул и жестом банкомата сбросил первый прямоугольник на кафедру.

— А вот второй пример — «Знай, сверчок, свой шесток». Щедрин рассуждает: кажется, что может быть распространенней этого правила, а вот поди же ты... Во-первых, нет точного определения обязанностей сверчка-человека, и поэтому каждый мнит себя сверчком особенным, а иной даже сверчком-орлом. Во-вторых, такую же неопределенностью страдает и понятие о шестке, так что всегда есть опасность впасть в ошибку и неумышленно занять шесток рангом повыше. А отсюда — вечное и безобразное препирательство, возникающее каждый раз, как только заходит речь об обращении сверчка к его натуральному шестку.

Метельский сбросил вторую «карту» и весело посмотрел в аудиторию.

— Недурственно ведь сказано, а?.. Или вот еще: «Взглянул, словно рублем подарил». Ах, этот рубль! — восклицает Щедрин. Сколько государственных и публицистических усилий, сколько полемик потрачено, чтобы он настоящим рублем смотрел, а он все на полтинник смахивает. Придется, видно, старую пословицу на новую менять... Или еще: «Ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами». Что же Щедрин? Вот, прошу: из тлетворного продажного запада тянуло домой, на север, в печное тепло, за двойные рамы, в страну пирогов с грибами и держания языка за зубами... Ха-ха-ха! Смешно-с, не правда ли?

Друг Человечества, еще раз хохотнув, сбросил на кафедру последний прямоугольник.

— Что же здесь происходит? Раскрытие и конкретизация известного изречения в новом контексте служат приему сатирического преувеличения. Скрытый юмор усиливается, живущая в подтексте горькая усмешка становится более прозрачной. Широ-

кое и абстрактное толкование распространенной словесной формулы сменяется более узким, но зато и сатирически более заостренным. А ведь что такое истинный смех? Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится бог знает на чем: важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых. Смех вовсе не шуточное дело. В церкви, во дворце, вытянувшись во фронт перед частным приставом, перед начальником департамента, никто не смеется. Слуги лишены права улыбки в присутствии господ. Одни лишь равные смеются между собой. Если низшим позволить смеяться над высшими, если низшие, глядя на высших, не могут удержаться от улыбки, тогда прощай чинопочитание. Заставить человечество улыбнуться над богом Аписом, говорил Герцен, значит расстричь его из священного сана в простые быки...

Часть третья

СЕССИЯ

1.

Пришла сессия. Сдавать надо было целую кучу экзаменов и еще больше зачетов — седьмой семестр был до предела перегружен всевозможными спецкурсами и спецсеминарами.

К немалому своему удивлению, студент четвертого курса факультета журналистики Павел Пахомов обнаружил, что о половине этих спецкурсов и спецсеминаров он не только никогда не слышал, но и вообще даже не подозревал об их существовании на белом свете.

Весьма опечаленный неожиданным открытием, Пашка сидел на последних лекциях седьмого семестра рядом с Тимофеем Головановым и предавался мрачным раздумьям.

Тимофей потребовал от Пашки клятвы в том, что до окончания сессии он, студент Пахомов, ни разу не зайдет на кафедру физкультуры. Пашка клятву дал, и, таким образом, великая Пашкина спортивная слава, добытая в «матче века», пошла прахом.

Один из спецсеминаров, зачет по которому был включен в будущую сессию, носил витиеватое наименование «Проблемы освещения вопросов сельского хозяйства на страницах областных газет». Вел этот семинар довольно странный, но в то же время интересный человек по фамилии Бочков — по имени и отчеству его почему-то никто никогда не называл. Он был агрономом по образованию, потом окончил институт «красной профессуры», работал во многих областных газетах, потом снова учился, вышел на пенсию и теперь преподавал на факультете журналистики. Главной особенностью натуры Бочкова была его необыкновенная любовь к деревне вообще и к продуктам сельскохозяйственного производства в частности, а точнее сказать — к огородным культурам. На занятия своего семинара он любил приносить некоторые наглядные пособия — то репу, то редиску, то зеленый лук, то стручки гороха, то клубни картофеля, то подсолнух, то какой-нибудь особо выдающийся корнеплод — и сопровождал показ наглядных пособий пространными агрономическими комментариями.

Шутники на факультете журналистики высказывали иногда опасения, что когда-нибудь Бочков принесет на семинар в портфеле гуся или поросенка, а то пригонит пару овец или притащит улей с пчелами. Но Бочкова вопросы птицеводства, животноводства,

водства и пчеловодства волновали гораздо слабее, чем проблемы огородничества. Исключения он делал только для полеводства: однажды из портфеля был извлечен лохматый миниатюрный сноп пшеницы. Случалось попадать на семинары колосьям ржи, встречались овес, лен, гречиха, конопля, но основным пристрастием оставалось все-таки огородничество.

Свои спецсеминары Бочков часто начинал устными рассказами о преимуществах жизни в деревне перед жизнью в городе. Вниманию слушателей Бочков предлагал роскошные панорамы сельских рассветов, жаркого летнего полдня или позднего заката, когда стада уже вернулись с полей, хозяйки доят коров, первая струйка парного молока весело ударилась о дно ведерка, а в огородах уже висят спелые помидоры, красно и кругло созревающие на высоких кустах... Бочков рисовал перед студентами впечатляющие картины сенокосов, жатвы, молотбы, щедрые пейзажи ранней деревенской осени, когда уже сметаны стога, собраны в овины хлеба, а в огородах синеют баклажаны, желтеют тыквы, лиловеет свекла, пламенеет морковь... Все эти живописные словесные пассажи Бочков «исполнял», конечно, не случайно. Он стремился разбудить у студентов факультета журналистики — в основном городских жителей — любовь к сельскому хозяйству. И, надо сказать, он преуспел в осуществлении этой своей миссии.

Покончив с лирическим вступлением, хитрый Бочков незаметно переводил семинар в русло собственной газетной тематики, превращаясь из агронома и огородника-любителя в профессионального журналиста. И здесь тугο приходилось тем, кто плохо слушал беседы Бочкова о работе в областной газете и не имел письменных конспектов его рассказов о том, когда надо начинать в газете кампанию за подготовку к севу, когда — за подготовку к уборке урожая, когда — к сдаче зерна на элеваторы, а когда — к ремонту тракторов и вывозу в поля удобрений.

Ничего этого не знал незадачливый студент четвертого курса Павел Пахомов. На семинаре у Бочкова он был всего один раз, да и то после того, как три часа мотался с «хивой» в спортивном зале на кафедре физкультуры. Естественно, в голове от этого единственного посещения бочковского семинара ничего не осталось — в тот день голова почти ничем не отличалась от баскетбольного мяча, который целых три часа до семинара гонял ее хозяин.

И тем не менее сдавать зачет все-таки было надо, и Пашка Пахомов, одолжив у Тимофея Голованова конспекты, на скорую руку перелистал их и отправился вместе с Тимофеем на зачет.

Бочков был приятно удивлен появлением студента Пахомова в аудитории, где он принимал зачет по «проблемам освещения» у пятой французской.

— Вы ко мне? — участливо спросил он у Пашки, как только тот переступил порог.

— К вам, — угрюмо ответил Пашка.

— А зачем? — поинтересовался Бочков. — Я сейчас занят, я зачет принимаю.

— Я тоже зачет пришел сдавать, — насутился Пашка.

— Зачет? — удивился Бочков. — А разве вы тоже из этой группы?

— Да, из этой.

— А почему же я вас никогда не видел?

— Я был один раз у вас на семинаре...

— Голько один?

— Я еще на консультации у вас был...

— Да, да, припоминаю. Как ваша фамилия?

— Пахомов.

— Скажите, товарищ Пахомов, а где же вы были во время всех остальных моих семинаров? Ведь их было довольно много.

— Он болел, — пришел на помощь Тимофей Голованов, чувствуя, что Бочков сейчас выгонит Пашку до зачета, — у него был бюллетень...

— Болел... Так-так, понятно.

— Мы готовились вместе, — продолжал Тимофей, — он хорошо знает ваш курс. Я прошу допустить его к зачету.

— Ну что ж, — улыбнулся Бочков, — ваше ручательство, товарищ Голованов, как комсорга, для меня многое значит. Садитесь, товарищ Пахомов. Посмотрим, как вы заочно изучили мой курс.

И Пашка сел за стол напротив Бочкова.

— Товарищ Голованов, — спросил Бочков, — может быть, вы тоже будете сдавать зачет вместе с Пахомовым? Так сказать, репетитор со своим болезненным подшефным. Не возражаете?

— Пожалуйста, — согласился Тимофей и сел рядом с Пашкой.

Бочков несколько раз прошелся вдоль стола, разглядывая Пашку.

— Скажите, товарищ Пахомов, — обратился Бочков к Пашке, — а вы вообще-то любите сельское хозяйство?

— Конечно, люблю, — сказал Пашка голосом, не вызывающим никаких сомнений в его пламенной любви к сельскому хозяйству.

— А в деревне вам бывать приходилось?

— Приходилось.

— А где именно? В каких областях?

— В Московской.

— На даче, наверное, жили? Или в пионерском лагере были?

— И на даче и в лагере.

— А непосредственно в деревенской избе пожить не довелось?

— Нет, не довелось.

— Жалко. Хорошее это дело — настоящая деревенская изба. Одна русская печь чего стоит! Хлебом пахнет, молоком парным. А выйдешь в огород!..

Тимофей Голованов улыбнулся.

— Огород — одно из самых лучших мест на земле, — дипломатично сказал Тимофей, зная пристрастие Бочкова к овощным культурам.

— Абсолютно верно, товарищ Голованов! — умилился Бочков.

Как педагог он испытал в эту минуту чувство высокого удовлетворения и с благодарностью посмотрел на свой верный портфель, выдержавший такую нагрузку, которая, очевидно, не всякому овощному складу была под силу.

Бочков перевел взгляд с портфеля на Пашку.

— А вы, товарищ Пахомов, любите овощи? — спросил Бочков.

— Нет, не люблю, — мрачно буркнул студент Пахомов.

— Странно, — огорчился Бочков, — каждый здоровый человек должен любить овощи.

— Он их любит, — снова исправил положение Тимофей, — он просто забыл.

Бочков пристально посмотрел на Пашку, неодобрительно покачал головой и сел за стол.

— Я люблю помидоры, — спохватившись, неожиданно сказал «прозревший» студент Пахомов.

Пашка вспомнил, что Тимофей долго втолковывал ему перед зачетом о равнодушии экзаменатора к огородным культурам.

Бочков оживился.

— А баклажаны любите? — спросил он.
— Люблю, — каменным голосом ответил Пашка. — Люблю до потери сознания.

— И правильно! — поддержал Бочков Пашку.

Бочков весело посмотрел на студентов — оба молодых человека ему положительно нравились.

— Знание сельского хозяйства, — наизидательно сказал Бочков, — начинается с любви к нему. А как же вы будете знать то, чего не любите?

Тимофей и Пашка почтительно молчали, что означало их полное согласие.

— Ну-с, а теперь я хочу задать вам несколько вопросов по существу дела, — начал Бочков. — Предположим, вы, товарищ Пахомов, работаете в сельскохозяйственном отделе областной газеты. Редактор отдела дает вам задание — поехать в один из колхозов области и написать корреспонденцию о ходе подготовки к севу. С чего вы начнете выполнять задание?

— Приеду в колхоз, пойду в правление, найду председателя, — бодро заговорил Пашка, — спрошу его, как идет подготовка к севу... Потом пойдем вместе в ремонтные мастерские, на склад семян, поговорим с колхозниками...

— Так-так, — поддакивал Бочков, — встретились, сходили, поговорили, записали все в блокнот. Очень хорошо. А как вы будете писать свою корреспонденцию?

— Раскрою блокнот, где записаны слова председателя...

— Одну минуточку... Товарищ Голованов, скажите, а как вы начали бы выполнять то же самое задание?

— Примерно так же, как и Пахомов. То есть совершенно так же.

— Съездили бы в колхоз, поговорили с председателем, раскрыли блокнот... Да?

— Да.

— А не приходит вам в голову, — прищурился Бочков, — что председатель колхоза сообщил вам неверные данные о своем хозяйстве?

— Как это неверные? — удивился Пашка.

— А вот так. Разные бывают председатели.

Тимофей и Пашка молчали.

— Выполнять свое задание вы оба начали неправильно, — сказал Бочков. — Прежде чем отправляться в колхоз, вы обязательно должны зайти в областное управление сельского хозяйства, найти агронома, который курирует тот район, куда вы собираетесь поехать, и подробно поговорить с ним о положении дел в вашем колхозе. Председатель — человек заинтересованный, ему хочется показать свое хозяйство в наиболее выгодном для себя свете, и поэтому все председатели, как правило, дают субъективную оценку. А вам нужны объективные данные, вам нужен взгляд как бы со стороны. И этот взгляд вы найдете в тех цифрах и фактах, о которых расскажет агроном из областного управления.

— А если агроном из областного управления тоже даст неверные сведения? — усомнился Тимофей.

— Это менее вероятно. Областное управление находится под боком у газеты, в том же городе. В областном управлении заинтересованы в том, чтобы у газеты было объективное представление о положении дел в колхозах области... А колхоз от газеты далеко. От колхоза до газеты иногда, как от мужика до бога — семь верст киселя надо хлебать... И вот, поговорив с агрономом, вы приезжаете в колхоз, и у вас на руках уже есть предварительная картина положения дел в этом колхозе. Начнет председатель преувеличивать свои успехи или уменьшать недостатки, а вы ему и говорите: одну

минуточку, товарищ председатель, все это выглядит совсем не так, как вы мне говорите, а вот так-то и так-то...

— А если в области, на бумаге, положение в этом колхозе выглядит в одном свете, — спросил Пашка, — а на самом деле, в жизни, совсем в другом?

— Во!! — вскочил со стула Бочков. — Здесь-то и начинается работа газетчика, труд журналиста. Перед вами проблема, готовая тема статьи: колхоз глазами председателя и глазами агронома из области. Кто из них прав? Первый или второй? А может быть, оба неправы? А может быть, оба правы? А может быть, правда заключается в соединении их точек зрения?

Бочков прошелся несколько раз вдоль своего стола.

— Ну-с, будем считать, что с этим вопросом мы покончили. Теперь второй вопрос, товарищ Пахомов. Предположим, вас повысили в должности — вы теперь уже не просто корреспондент, а заведующий отделом сельского хозяйства областной газеты. Приближается уборка. Как вы будете действовать, чтобы правильно освещать на страницах своей газеты ход жатвы?

— Прежде всего надо составить план, — сказал Пашка.

— Правильно. А в какое время, когда именно вы начнете составлять этот план?

— Недели за две до начала уборки...

— А как вы считаете, товарищ Голованов?

— Наверное, лучше пораньше, за месяц.

— В том-то и дело, что лучше пораньше. И даже не за месяц. План освещения в газете уборки урожая надо составить уже во время весеннего сева, чтобы задолго до начала уборки этот план был бы уже доведен до собственных корреспондентов вашей областной газеты в районах. Весь секрет работы сельскохозяйственного отдела областной газеты состоит в определенном, так сказать, опережении времен года. Весной вы готовите план освещения летних полевых работ, летом — осенних, осенью — зимних, а зимой — весенних. Скажем, началась в области уборка, а вы в первый же ее день (если только ваш план хорошо подготовлен) уже печатаете на страницах своей газеты корреспонденцию о том, как идет жатва в самом передовом колхозе области. На следующий день газету получают в тех хозяйствах, где уборка еще не началась. И вот комбайнеры, трактористы, бригадиры, механизаторы приобщаются через газету к передовому опыту, как бы видят на ее страницах образец своей завтрашней работы, потому что каждому хочется работать лучше, каждому хочется равняться на передовых. Таким образом, вы как бы подталкиваете на страницах вашей газеты жизнь вперед, осуществляя в своей журналистской работе слова Ленина о том, что газета является не только коллективным агитатором и пропагандистом, но и коллективным организатором.

Бочков сел за стол.

— Давайте ваши зачетки, — устало сказал он. — Будем считать, что зачет по моему спецсеминару вы сдали, хотя знания ваши оставляют желать много лучшего. У меня создалось такое впечатление, что сегодня я вам сдавал зачет, а не вы мне.

Тимофей и Пашка, потупившись, молчали.

— А вообще-то говоря, молодые люди, работа в сельскохозяйственном отделе областной газеты — это благодатнейшее поле деятельности для молодых журналистов. Сколько тем, сколько встреч, сколько интереснейшего материала можно найти в сегодняшней деревне! На вашем месте после окон-

чания университета я бы, не задумываясь, махнул куда-нибудь в нечерноземную полосу.

Он протянул Пашке и Тимофею зачетки, в которых жирно было написано желанное слово «зачет».

Потом поманил обоих к себе и достал из портфеля веселую красно-белую — видимо, парниковую — редиску.

— Ну, разве не прелесть, а? — залюбовался Бочков. — Прямо произведение искусства. Разве художник какой-нибудь, пусть даже самый лучший, сможет такое нарисовать? А земля-матушка нарисовала...

2.

Пашка Пахомов и Тимофей Голованов вышли из университета на Моховую улицу.

— Занятный мужик, — задумчиво сказал Тимофей, — последний поэт деревни.

— Тимка, — сморщил нос Пашка, — я что-то не очень понимаю: мы получили сегодня зачет или нет?

— Вроде бы получили.

— Тогда почему же мы стоим здесь, толкаемые какими-то несчастными первокурсниками?

— А где мы должны стоять?

— В прекрасном пивном баре, держа в руках холодные кружки с белыми шапками пены, а?

— Куда пойдем?

— В Сокольники. Десять минут на метро.

Тимофей и Пашка дошли до станции «Охотный ряд», спустились вниз и покатали в сторону Сокольников.

...Тим Голованов — это Пашка, конечно, сократил старомодное имя «Тимофей» до энергичного и современного «Тим» — окончил среднюю школу, как и Павлик Пахомов, с золотой медалью и на факультет журналистики поступил без экзаменов. Здесь-то, на собеседовании медалистов, Пашка и Тимофей впервые встретились, познакомились и, как всякие молодые люди, судьбы которых уже в начале жизненного пути отмечены печатью избранности, а золотая медаль, безусловно, была знаком избранности, почувствовали друг к другу взаимное тяготение и симпатию.

Даже с первого взгляда Тим Голованов производил впечатление личности глубокой и незаурядной. Во-первых, он всегда очень тщательно одевался (костюм, белая рубашка, галстук). Во-вторых, он никогда не вел второстепенных и ничего не значащих разговоров. В-третьих, помимо учебы на факультете журналистики, он поступил еще и на заочное отделение кафедры искусствоведения исторического факультета, и на обоих факультетах учился на сплошные пятерки. И, наконец, в-четвертых, он необыкновенно серьезно относился ко всем общественным поручениям, и в первую очередь к комсомольской работе, за что и был избран на первом же курсе секретарем курсового комитета комсомола.

Дружба Тимофея с Пашкой началась с первых дней учебы в университете, когда они вместе — едва ли не самые яркие личности на курсе — вели конспекты лекций, занимались общественной работой, увлекались античной литературой и однокурсниками, сдавали экзамены и зачеты, выступали на семинарах и собраниях, ходили в туристические походы, организовывали концерты художественной самодеятельности, писали смешные сатирические обозрения и капустники...

Потом с Пашкой Пахомовым случилась метаморфоза — он попал на кафедру физкультуры, неслы-

шанно запустил все науки и начал постепенно разрушать свой образцово-показательный образ золотого медалиста.

Тимофей же, наоборот, день ото дня все больше и больше укреплял свой авторитет и неуклонно двигался вверх по общественной лестнице — именная стипендия, конференции, президиумы.

Но, странное дело, несмотря на разницу в «положении» — именной стипендиат и «хивинец», — Тимофей и Пашка продолжали дружить. Тимофей как бы закрывал глаза на все Пашкины вывихи и недостатки. Стоило им увидеться или оказаться где-нибудь вдвоем, как они мгновенно отсекали друг от друга «шлейфы» своей популярности (один — со знаком плюс, другой — со знаком минус) и как бы снова становились прежними десятиклассниками. По-видимому, та однородная закваска, которую каждый из них получил в школе, борясь за медаль, была сильнее разнородных изменений, происшедших с ними в университете.

На всевозможных бюро, комитетах, активах, инструктажах и просто в личных разговорах многие спрашивали именной стипендиата Голованова: что заставляет его дружить с Пахомовым? Что может быть между ними общего? Ведь если разбираться в этой, с позволения сказать, «дружбе» принципиально, то она подрывает авторитет Голованова, характеризует его, мягко говоря, не с очень хорошей стороны.

Тимофея, когда при нем начинали ругать Пашку, будто подменяли на глазах. Он горой вставал за Пашку, начисто отвергал все предъявляемые тому обвинения, опровергал навешенные на него ярлыки, шел на невыгодные для себя конфликты, ссорился, портил отношения, лез со всеми Пашкиными врагами чуть ли не в драку. Именной стипендиат Голованов не выносил вражды к «хивинцу» Пахомову. С пеной у рта доказывал Тимофей всем и вся, что Пашка представляет собой совершенно не того человека, за которого его все принимают, что Пашка хороший парень, что у него здоровое нравственное нутро, а происшедшее с ним в университете — просто реакция на школьные годы, на зубрежку, учебники, учителей, реакция на все те ограничения, которые неизбежно «накладывает» на себя каждый золотой медалист, чтобы получить медаль. «Почему же у тебя не произошло этой реакции?» — злорадно спрашивали у него оппоненты. «Все люди разные», — философски отвечал Тимофей.

Во всех подобных разговорах, которые происходили, естественно, не в присутствии Пашки, Тимофей утверждал, что Пахомов еще опомнится, одумается, выправится, уйдет с кафедры физкультуры, что сейчас Пашка просто временно «заболел» весьма распространенной во все времена юношеской «болезнью» — университетской вольностью нравов, ниспровержением авторитетов, бездумным и бессистемным студенческим свободомыслием. Но «болезнь» эта не безнадёжна, ее можно лечить, за Пахомова стоит бороться. И сам Тимофей — теперь уже в присутствии Пашки — непрерывно это и делал, ругательски ругая Пашку на всех групповых активах, прорабатывая его на летучках, постоянно включая крамольное Пашкино поведение в пункт «разное» почти на всех комсомольских собраниях пятой французской группы.

И вся эта тимофеевская борьба за студента Пахомова совершенно не влияла на их личные отношения. Тимофей иногда неделями не видел Пашку — это происходило в периоды наибольшей активности «хивы» на кафедре физкультуры, — а потом, перед зачетами, Пашка приезжал к Тимофею домой, просил на пару ночей учебники и конспекты, и Ти-

мофей терпеливо рассказывал ему содержание лекций, объяснял, какие учебники надо читать для тех или иных экзаменов. В значительной степени своему «успешному» переползанию от сессии к сессии и переходу из семестра в семестр студент Пахомов обязан был именно этой, странной и непонятной, по мнению многих, дружбе с именным стипендиатом Головановым.

На факультете журналистики частенько поговаривали о том, что Пашка — просто тимофеевский «каприз», а капризы и слабости, мол, всегда позволяли себе сильные личности и незаурядные люди — в принадлежности Тимофея именно к этим человеческим категориям на факультете журналистики, естественно, не сомневался никто. Но сам Тимофей все эти разговоры и слухи о «капризах», «слабостях» и «неизбежном кресте на шее» упорно отвергал. Тимофей просто любил Пашку — за непосредственность нрава, за жизнерадостный характер, за спортивную ловкость и лихость и еще, может быть, за то, что сам он, Тимофей, был совершенно другим, противоположным по натуре человеком. В жизни так часто бывает — антиподы сильнее тянутся друг к другу, чем личности, похожие друг на друга.

Голубой поезд метро прибыл на станцию «Сокольники». Пашка и Тимофей вышли из вагона, поднялись наверх и двинулись к парку. Дойдя по одной из заснеженных лучевых просек до пивного бара «Прага», они взяли четыре кружки пива и усадились за маленький столик около высокой стеклянной стены.

— Неплохой денек, Тимка, а? — ухмыльнулся Пашка, отхлебывая пиво. — Бочков преодолен, зачет сдан, пиво вкусное и погодка неплохая.

Тимофей сосредоточенно пил пиво. Он все делал последовательно, целенаправленно и сосредоточенно.

— А вообще он, Бочков, хороший дядька, — разглагольствовал Пашка, — не стал придирается — что да как, да почему. Я таких преподавателей уважаю. Нужен зачет — пожалуйста! И все дела.

— Мне спасибо скажи за «бюллетень», — напомнил Тимофей.

Пашка встал со стула и отвесил Тимофею торжественный поклон.

— Приношу вам, товарищ Голованов, свою искреннюю благодарность за помощь в трудную минуту жизни. Большое спасибо, добрая барыня, за милости и заботу о своих крепостных крестьянах.

— Ладно, садись, не мелькай, — усмехнулся Тимофей.

— А что, может быть, действительно поедем работать после университета в областную газету? — спросил Пашка. — Будем ездить по деревням, пить парное молоко — плядишь, и сами коров доить научимся... Будем общаться с трактористами и комбайнерами, становиться на квартиры к председателям колхозов, а у них, знаешь, какие огороды!.. Выйдем утром в огород, надергаем морковки, нарвем зеленого лучку, поймаем председательского гуся...

— Ты не смейся над Бочковым, — сказал Тимофей, — он тебя запросто сегодня выгнать мог бы.

— А я и не смеюсь. Он мне, наоборот, очень понравился... Какую он морковку из портфеля вынул, а?

— Не морковку, а редиску, — поправил Тимофей.

— Тим, а может, и правда в областную газету поедем, а? В сельскохозяйственный отдел?

— Когда?

— А вот сдадим экзамены и поедем. Во время каникул, а?

— Во время каникул?

— Тим, ты представляешь — приезжаем мы в областную газету, заходим к главному редактору, показываем свои студенческие билеты с факультета журналистики и просим послать нас в командировку в колхоз. Неужели не пошлют? Конечно, пошлют... Ведь это же здорово, Тимка! Неужели мы вдвоем не напишем корреспонденцию из колхоза? Ведь мы уже на четвертом курсе. Пойдем в областное управление сельского хозяйства, найдем агронома...

— Нереально все это. Никто нас ни в какую командировку посылать не станет.

— Испугался, да? Экзамены сдавать умеешь, медаль получать умеешь, а когда предлагают настоящее дело, сразу в кусты?

— Да где здесь настоящее дело? Авантюра какая-то.

— Тимоха, ты кем все-таки хочешь быть? Искусствоведом? сторожем в музее? С египетских мумий пыль вытирать? Или настоящим журналистом?

— Конечно, журналистом.

— Так почему же тебе не хочется поехать?.. Да, авантюра! Да, наугад, с одними студенческими билетами! Но ведь это же интересно, чудак-человек!

— Пашка, ну чего ты мелешь всякую чепуху?

— Тим, а что ты вообще умеешь в жизни делать? Лекции конспектировать, да?

— А ты что умеешь? В баскетбол играть?

— Хотя бы. Но вопрос сейчас не обо мне... Сумел бы ты, оказавшись, например, не в аудитории факультета журналистики и не перед Другом Человечества Эрастом или Одувардом, а на заводе, в колхозе, на стройке, — сумел бы ты написать об этом серьезную корреспонденцию? И не в стенную, а в настоящую, взрослую газету?

— А ты сумел бы?

— Нет, не сумел бы!

— Придет время — сумеем, научимся.

— Так оно уже пришло!

— Чего ты от меня хочешь?

— Тим, давай поедем куда-нибудь, а? Ну, что мы будем в каникулы делать? Опять в лыжный поход пойдем? В дом отдыха отправимся? Да пропади оно все пропадом, весь этот детский сад!

— По-моему, мы приехали сюда отдыхать после зачета, а не проводить теоретическую конференцию на тему — как жить и куда поехать во время каникул?

— Тим, а почему бы и нет? Почему мы не можем вот сейчас, здесь все обсудить?

— А потому, что экзамены еще сдавать надо, а не заниматься прожектерством!

— Да одно же другому совершенно не мешает! Мы ведь не в учебное время поедем, а в каникулы. Все в дом отдыха, а мы в областную газету и в колхоз. Деньжат заработаем, с хорошими людьми познакоимся. Все еще нам завидовать будут.

— Выдумщик ты все-таки, Пашка...

— Ну что, поедем?

— Смотрю я на тебя, Пашка, и удивляюсь. Все люди как люди... Ну чего тебе на месте не сидится?

— Да надоело по правилам, по указке жить, асякие расписания дурацкие соблюдать! Туда не ходи, сюда не гляди, мои руки перед едой, делай уроки, конспектируй лекции, переходи улицу на зеленый свет, дыши носом... А я, может быть, ртом дышать хочу!

— Ну, и дыши на здоровье. Кто тебе мешает?

— Значит, не поедешь?

— Нет, не поеду. Я по расписанию люблю жить. Привык уже к этому.

- Ну, и живи, искусствовед!
- Дурак ты, Пашка, вот что я тебе скажу.
- Поругаемся, Тимоха...
- В первый раз, что ли?
- Ох, и скучная же вы личность, господин Голованов... А если я всю сессию сдам с первого захода, тогда поедём?
- Ты сперва сдай, потом поговорим...

3.

Узкий коридор факультета журналистики в старом здании университета на Моховой в дни экзаменационной сессии был похож на скорбное медицинское учреждение. Странные, задумчивые личности, бормочущие про себя какие-то несвязные слова, бродили, рассеянно слонялись по коридору, мрачно подпирали стены, потерянно сидели на стульях около дверей аудиторий, как около врачебных кабинетов.

Сходство со скорбным учреждением усугубляли даже не столько те, кто еще не побывал за таинственными дверями, сколько те, кто уже там побывал. Люди эти или растерянно стояли посреди коридора, или шептали что-то, едва шевеля губами, или хватили себя за голову, неожиданно вскрикивая: «Я же все знал, почему же я молчал!»

Ждущие вызова испуганно смотрели на них, бледнели, покрывались испариной, лихорадочно листали учебники, тщетно пытаясь найти необходимую страницу, остекленевшими взглядами провожали очередную, исчезающую за таинственными дверями фигуру, закрывали глаза, боязливо переступали с ноги на ногу, заискивающе смотрели на проходящих мимо работников деканата.

Так было всегда в первые дни экзаменов. Но потом тревоги и страхи уменьшались, факультетский коридор становился более веселым, заполнялся движениями и звуками, постепенно теряя свое сходство с упомянутым выше медицинским заведением. Студенты входили во вкус экзаменов, овладевали шаргалочной техникой, вспоминали старые приемы и методы тайного пользования учебниками и хрестоматиями при подготовке к ответу и вообще, безнаказанно «спихнув» первые предметы, наполнялись нахальной уверенностью, столь необходимой для успешных ответов на следующих экзаменах.

...Пять дней давалось по расписанию на подготовку к экзамену по русской литературе девятнадцатого века. Когда Пашка Пахомов, потратив едва не все сто двадцать часов на овладение тайнами критического реализма девятнадцатого века, бурно разившегося, на беду студента Пахомова, именно в это время, вошел на факультет журналистики с мало-знакомым для себя намерением — сдать экзамен по русской литературе с первого захода, — факультетский коридор встретил его оживленным гулом многих голосов. Почти около каждой аудитории стояли возбужденно гомонящие толпы, шумно обсуждавшие итоги и результаты сессии. Медленно пробираясь среди однокурсников, старшекурсников и глазным образом между многочисленными, беспорядочно сновавшими туда-сюда младшекурсниками, непрерывно здороваясь направо и налево со знакомыми, малознакомыми и вовсе не знакомыми ему людьми (последние, естественно, здоровались со студентом Пахомовым первыми — это были в основном почитатели его баскетбольного таланта). Пашка с удовлетворением отметил, что, несмотря на серьезные осложнения в отношениях с деканатом, он все-таки был своим человеком на факультете журналистики.

Потоптавшись немного около входа в восьмую аудиторию и расспросив у сидевших под дверью Инны, Жанны, Руфы, а также обложенного со всех сторон книгами Степана Волкова о том, как идет экзамен (оказалось, что Галка Хаузер получила тройку, Оля Костенко и Светка Петунина — пятерки, Изольда и Фарид — четверки, Сулико — тоже пятерку, Юрка Карпинский — тройку, Рафик Салахан — неожиданно четверку), Пашка решительно толкнул дверь и вошел в комнату, где пятая французская сдавала русскую литературу девятнадцатого века доценту Василию Ивановичу Елкину.

Пашка огляделся. За ближними к экзаменатору столами сидели Боб Чудаков и Эрик Дарский. Судя по их веселому виду, они уже были готовы к ответу. В глубине аудитории корпел над густо исписанными листами бумаги староста Леха Белов. У окна, глядя на университетский двор, восседал Тимофей Голованов, как всегда, одетый в строгий темный костюм и белую рубашку с галстуком.

— Возьмите билет, — скрипучим голосом сказал доцент Елкин.

Пашка сел за стол рядом с Тимофеем. В билете было два вопроса:

1. Проблематика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

2. Козьма Прутков.

Тимофей посмотрел на Пашку. «Все в порядке», — одними глазами сказал Пашка. Он и в самом деле вроде бы неплохо знал оба вопроса. Накануне, повторяя с Тимофеем билеты, они хорошо прошлись по всей программе.

Между тем около экзаменационного стола уже сидел Боб Чудаков.

— Какой у вас первый вопрос?

— Лирика Тютчева, — бодро ответил Боб.

— Пожалуйста, отвечайте, — сделал Елкин широкий жест рукой.

Студент Чудаков начал свой ответ издали. Он коротко пересказал биографию Тютчева, особенно подробно задержавшись на дипломатической службе его в европейских странах. Долгая жизнь в отрыве от родины, по мнению Боба, была причиной возникновения в творчестве поэта глубоко интимных, элегических мотивов.

— Не совсем точно, но своеобразно, — перебил Чудакова Василий Иванович. — Продолжайте.

Тютчев написал много лирических стихотворений, положенных на музыку русскими композиторами, — напористо отвечал Боб. — Например: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...»

— Что-что? — нехорошо улыбнулся доцент Елкин.

Эрик Дарский, не выдержав, фыркнул.

— Ох, простите! — спохватился Боб. — Это же Пушкин. Я просто перепутал. Я хотел прочитать совсем другие строки: «Я встретил вас — и все было...» Очень похожие начала. Бывает же так: думаешь одно, а говоришь совершенно другое.

— Да бывает, — неопределенно заметил Елкин.

Стараясь исправить ошибку, Боб с выражением прочитал «Я встретил вас» до самого конца. Он так искренне хотел произвести на Елкина благоприятное впечатление, что последнее четверостишие произнес даже нараспев, с легким завыванием.

— «И то же в вас очарованье, — запел студент Чудаков, повторяя две последние строчки знаменитого стихотворения, — и та ж в душе моей любовь!»

Экзаменатор нахмурился.

— В чем дело? — строго спросил он — Вы что, в консерватории экзамен сдаете?

Боб сидел потупившись. В аудитории, привлеченная пением, испуганно заглянула пышноволосая Ру-

фа. Тимофей Голованов, отвернувшись к окну, беззвучно смеялся. Даже Леха Белов, оторвавшись от своих листков, недоуменно поглядывал на Чудакова: уж не померещилось ли ему, Белову, пение на экзамене по литературе? Это было явное нарушение дисциплины.

Доцент Елкин, обозлившись на Чудакова, начал гонять его по всей программе. Особый упор преподаватель делал на критику — Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Боб, барахтаясь в направлениях и взглядах революционных демократов, медленно, но верно шел ко дну.

— Статью Добролюбова «Луч света в темном царстве» читали? — в упор спросил доцент Елкин.

— Кажется, читал, — неуверенно ответил Боб.

— Читали или не читали? — сдвинул брови Елкин. — Только не пытайтесь мне здесь спеть дует Лизы и Полины «Последний луч зари на башнях умирает».

Боб подавленно молчал.

— Придется вам, Чудаков, еще раз прийти ко мне на экзамен. Запишитесь в деканате на пересдачу.

Сгорбившись, Боб вышел из аудитории.

Потом отвечал Эрик Дарский. У него был «Борис Годунов». Эрик добросовестно рассказал содержание экранизации одноименного спектакля, с большим знанием дела разобрал режиссерскую трактовку и операторское искусство, выразил неудовлетворение актерской игрой. Он хотел было уже переходить к анализу звукозаписи, но в это время Елкин остановил его.

— У меня такое ощущение, — он наморщил лоб и поправил на носу свои массивные квадратные очки, — что я сегодня куда-то не туда попал. Один поет, другой рассказывает о кино. А где же литература? Ведь мы же собрались здесь, как мне кажется, для того, чтобы поговорить именно о литературе. Но может быть, я ошибаюсь? Может быть, я по рассеянности пришел в консерваторию или во ВГИК?

— Никак нет, — поднялся с места в углу аудитории Леха Белов, — это МГУ, факультет журналистики, четвертый курс, пятая французская группа.

Елкин взглянул в лежащую перед ним на столе экзаменационную ведомость.

— Совершенно правильно, — поблагодарил он кивком головы старосту. — Спасибо, голубчик. Вы развеяли мои сомнения.

Леха с видом победителя опустился на стул. Половина экзамена, как он считал, была у него уже в кармане.

Елкин вплотную приблизился к студенту Дарскому.

— «Луч света в темном царстве» читали? — строго спросил экзаменатор.

Это было спасение. Эрик хорошо знал «Луч света». Не переводя дыхания, он отбарабанил добролюбовскую статью и успел даже свернуть несколько слов о кинофильме «Гроза», выделив удачное исполнение роли Катерины народной артисткой Аллой Константиновной Тарасовой.

Елкин подобрел. Он поставил Эрику четверку и отступил с миром.

После Дарского ответ держал Леха Белов. Василий Иванович, глядя на выцветшую от долгой и безупречной службы Лехину гимнастерку, сразу же проникся к нему необыкновенной симпатией. Он минимально спросил его по билету, одобрительно покачивая головой, прочтя исписанные Лехой листы, и, отложив их в сторону, спросил:

— Скажите, голубчик, вы, разумеется, «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого читали?

— Так точно, читал! — браво ответил староста Белов.

— Скажите, голубчик, а какая сцена из этого романа вам больше всего понравилась?

— Бородинский бой! — не задумываясь, гаркнул Леха.

И, не давая доценту опомниться, демобилизованный старшина отрывистой скороговоркой изложил Елкину диспозиции Кутузова и Наполеона, назвал количество войск, участвовавших в сражении с обеих сторон, а также главные пункты атаки французов и обороны русских — батарею Раевского и Семеновские флеши. Он, правда, ошибочно произнес слово «флеши» как «плеши», но даже это не изменило дела — Елкин снисходительно улыбнулся, удовлетворенно провел ладонью по собственной лысине и поставил Белову «отлично».

С Тимофеем Головановым разговор был еще короче. Как только Тимофей пересказал содержание статьи Ленина «Памяти Герцена», Василий Иванович сразу же перешел ко второму вопросу. И как только Тимофей и здесь начал вспоминать наизусть цитаты из Плеханова, доцент быстро нарисовал в головановской зачетке слово «отлично» и пожал Тимофею руку.

— Вот теперь я вижу, что не ошибся адресом, — широко улыбаясь, говорил Елкин, провожая группкомсорта до дверей, — и действительно попал в университет на экзамен по литературе. Есть у вас в группе, оказывается, не только певцы и кинематографисты, но и весьма осведомленные в литературном процессе прошлого века юноши.

Василий Иванович запустил в аудиторию последнюю «порцию» экзаменующихся — Инну, Жанну, Руфу и Степана Волкова — и призвал к своему столу студента Пахомова.

— Бурное развитие русской революции, — энергично начал Пашка, — ярким выразителем которой явился Лев Толстой, углубляло свойственное писателю стремление дойти до самого корня во всем — и в характеристике современного ему состояния человечества и в поисках выхода из этого трагического состояния. Все эти общие свойства творчества Толстого с особенной силой проявились в романе «Анна Каренина». Социальное значение этого произведения очень высоко. Слова одного из героев романа — «у нас все переворотилось и только уклады» — были самой точной характеристикой жизни России переходной эпохи, когда разрушались старые феодально-крепостнические отношения и нарождался новый, капиталистический строй...

Доцент Василий Иванович Елкин, с интересом взглянувший на студента Пахомова, как только тот произнес первую фразу, уже на второй его фразе уселся напротив Пашки за стол и пристально начал разглядывать малоизвестного ему по лекциям студента.

— Толстой всегда был неумолимым обличителем эксплуататорского общества, — продолжал Пашка, — беспощадно срывавшим всяческие маски со всех видов социальной лжи, фальши и угнетения. Но Толстой не только критиковал современное ему общество. Он активно разрабатывал положительный общественный идеал. В романе «Анна Каренина» он поставил конкретные вопросы демократии и социализма. Мысль Толстого постоянно была направлена не только на отрицание, но и на утверждение. В «Анне Карениной» писатель стремился показать, какова должна быть вообще человеческая жизнь...

Руфа, Инна, Жанна и Степан Волков, совершенно забыв о своих билетах, молча смотрели на студента Пахомова. Никогда за все три с половиной года, проведенные в университете, они не слышали от

Пашки ничего подобного — может быть, только на первом курсе, когда недавний еще в те времена золотой медалист Павлик Пахомов продолжал по инерции, вернее, по школьной традиции, сдавать экзамены на сплошные пятерки, приходилось им быть свидетелями Пашкиных ответов на таком уровне.

Скрипнула дверь. Пашка повернул голову. В узком проеме между косяком и дверью виднелось лицо Тимофея Голованова. И сложная гамма переживаний была на этом лице. Тимофей болел за Пашку, он радовался за него, но прежде всего Тимофей, конечно, брал заочный реванш у тех, кто был против его дружбы с Пашкой.

А сам Пашка в эти необычные для него минуты видел себя как бы со стороны, как бы в ином свете, чем привык видеть всегда. Он вроде был почти незнаком с тем студентом, который сейчас под его именем и фамилией сдавал экзамен по русской литературе. И странной особенностью ума обладал этот самый студент — мгновенно «схватывать» на лету и запоминать то, на понимание чего другим людям требовалось гораздо больше времени и усилий.

— Осуждает или оправдывает Лев Толстой героиню своего романа? — говорил Пашка, и ему отчетливо виделась даже обложка той книги о творчестве Толстого, которую они накануне экзамена читали вместе с Тимофеем и страницы которой теперь как бы сами оживали в его памяти.

«Молодец Пашка! — радостно думал, стоя в дверях, Тимофей Голованов. — И как он только, негодяй, мог запомнить все это? Вот память! Поэтому он и не ходит на лекции: уверен, подлец, что в нужную минуту память его не подведет. Прочитает один раз учебник и шпарит наизусть».

— Конечно, Лев Толстой не мог осуждать свою героиню, — продолжал Пашка и вдруг совершенно неожиданно добавил не по книге, а от себя: — Толстой не мог осуждать Анну Каренину, так как в определенной степени Анна Каренина — это автопортрет самого Толстого...

— Что-что-что? — быстро переспросил доцент Елкин. — Анна Каренина — автопортрет Льва Толстого?

— А разве нет? — неуверенно спросил Пашка.

— Очень оригинальное соображение, — задумчиво произнес Елкин.

— Но Анна Каренина является только одной половиной автопортрета Льва Толстого, — напористо продолжал Пашка, — второй половиной этого автопортрета был Константин Левин...

— Ну, что ж, пожалуй, достаточно.

Доцент Елкин встал и протянул Пашке зачетку.

— Товарищ Пахомов, я поставил вам «отлично». Хотите заниматься в научном студенческом кружке, которым я руковожу?

— Я подумаю, — надменно сказал Пашка, пряча зачетку в карман пиджака.

— Подумайте, подумайте, — очень серьезно повторил доцент Елкин.

Пашка вышел в коридор. Около дверей восьмой аудитории собралась чуть ли не вся пятая французская — все, кто, сдав экзамен, еще не ушел из университета. На лицах однокурсников цвели улыбки.

— Павел, молодец! — первой бросилась к Пашке Света Петунина. — Ты так здорово говорил о Льве Толстом, что мы все чуть с ног не попадали. Слушай, откуда ты так хорошо знаешь Толстого?

— Откуда, откуда, — ворчливо буркнул Пашка. — От верблюда! Изучать надо классиков.

Света засмеялась, а к Пашке уже протиснулась Оля Костенко.

— Павлик, поздравляю, — тихо сказала Оля, — молодчина.

Тимофей стоял позади всех. Пашка подошел и слегка ткнул его кулаком в грудь. Тимофей так же легко ткнул Пашку в ответ.

— Ну, как? — задиристо спросил Пашка и прищурился. — Едем?

— Едем, — вздохнул Тимофей.

4.

Когда в пятой французской узнали о том, что Пашка и Тимофей собираются во время зимних каникул отправиться в «свободный полет», то есть не в дом отдыха, и не на лыжах, и не в коллективный культпоход по московским театрам и клубам — танцевальные вечера, песни, пляски, шарады, викторины, капустники, самодеятельность, — а в какую-то никому неизвестную областную газету (и не на практику, не по направлению, а просто так, сами по себе) и уже там, в этой никому неизвестной и пока даже географически неизвестной областной газете, предъявив свои студенческие билеты факультета журналистики, хотя попросить редакцию послать их в командировку в колхоз, когда в пятой французской узнали об этом, Тимофея и Пашку подняли на смех.

— По-моему, все это несерьезно, — сказала Оля Костенко.

— А чего там несерьезно? — глубокомысленно произнес Степан Волков. — Вон Афанасий Никитин тоже незнамо куда отправился, а попал в Индию.

— А Колумб? — подхватил Боб Чудаков. — Взял командировку в Индию, а в результате открыл Америку.

— Кстати сказать, Колумб так и не отчитался в командировочных суммах, взятых на открытие Индии, — добавил Эрик Дарский, демонстрируя великую преданность любимым сатирическим авторам Ильфу и Петрову.

— Ну, хорошо, Пахомов — известный выдумщик и фантазер, — развела руками Сулико Габуня. — А Голованов? Он же человек положительный, ему-то зачем ехать?

— Никто их там ни в какую командировку не пошлет, — неожиданно сказал Рафик Салахьян. — Их по дороге арестуют, будут судить за ересь, сожгут на костре, а урны с прахом пришлют на факультет наложенным платежом.

— Пашкину урну поставят на кафедре физкультуры, — мрачно пошутил Юрка Карпинский.

— А тимофеевскую в комитете комсомола, вместо пепельницы, — добавил Боб Чудаков.

— Надо отговорить их ехать! — ужаснулась пышноволосая Руфа.

— Странная какая-то история, — задумчиво сказала Изольда Ткачева. — Пахомов не ходил на лекции, не посещал семинары и вдруг сдал литературу лучше всех. Голованов никогда не совершал никаких легкомысленных поступков и вдруг отправляется вместе с Пахомовым в какое-то авантюрное путешествие...

— Они же золотые медалисты, — с усмешкой заявила Галка Хаузнер, — им все можно.

— А вот и заголовок для некролога в стенной газете! — обрадовался Эрик Дарский. — Приключения двух медалистов окончились печально!

— Хватит вам всякую ерунду болтать! — сурово оборвал староста Леха Белов неумных остряков. — Пускай едут. И ничего с ними не случится. Не маленькие.

Леха почему-то был единственным человеком в пятой французской, с самого начала положительно отнесшимся к идее поездки, хотя мог бы усмотреть уже в самой этой идее нарушение дисциплины проведения каникул.

Дело кончилось даже тем, что именно Леха Белов помог окончательно определить маршрут — Куйбышев. Леха дал Пашке и Тимофею адрес своих куйбышевских знакомых, у которых можно было переночевать, если откажут в гостинице. И кроме того, один из членов семейства этих знакомых работал как раз в нужной Пашке и Тимофею областной газете.

Перед самым отъездом — за два дня, когда уже были куплены билеты, — студентов четвертого курса Голованова и Пахомова неожиданно вызвали в партбюро факультета журналистики.

Заместитель секретаря партбюро аспирант Халманов (инвалид войны со страшно изуродованной под Сталинградом рукой — вместо ладони и пальцев у него прямо от локтя шли обтянутые обожженной красной кожей, похожие на рачью клешню две лучевые кости) внимательно посмотрел на Тимофея и Пашку и сказал:

— Не удивляйтесь. Про вас по факультету ходят противоречивые разговоры. Куда-то собираются ехать, кому-то показывать студенческие билеты, где-то хотят заработать денег. Так это или не так?

— Так, — твердо сказал Тимофей.

— Вас, товарищ Голованов, мы хорошо знаем, — поправил Халманов «клешней» галстук, и у Пашки как-то болезненно сжалось от этого движения сердце, — и к вам у нас никаких вопросов нет. Против вашей кандидатуры мы ничего против не имеем. А вот с товарищем Пахомовым хотелось бы побеседовать...

Пашка насторожился. Жалость, которую он испытывал к Халманову еще секунду назад, сменилась неприязненным чувством.

— О чем будет беседа? — нахмурился Тимофей. — Мы едем в каникулы, а во время каникул, насколько я понимаю, каждый студент может перемещаться по стране во всех направлениях без ограничений.

— Да не нападайте вы сразу на меня! — поморщился Халманов. — Никто вам не собирается ставить никаких ограничений. Вы что думаете, партийное бюро разрешает или запрещает поездки студентов по стране?

— Нет, я так не думаю, — солидно ответил Тимофей.

— Ну, вот и хорошо, что так не думаете, — улыбнулся Халманов, и Пашка, увидев на лице аспиранта следы ранений и сильных ожогов, которые, когда он не улыбался, были не так сильно заметны, снова проникся к нему сочувствием и жалостью.

— Так вот, товарищ Пахомов, — продолжал заместитель секретаря партбюро, — есть к вам несколько вопросов... Как у вас вообще-то с дисциплиной?

Пашка снова насторожился.

— В каком смысле?

— Да в самом простом. Лекции аккуратно посещаете?

— Не совсем...

— Причина?

— Он болен, — вмешался Тимофей.

— Это, конечно, хорошо, товарищ Голованов, что вы так изобретательно защищаете своего друга, но я слышал, что товарищ Пахомов не только из-за болезни лекции пропускает, а главным образом из-за того, что слишком сильно увлекается спортом.

— Да вы знаете, как он в баскетбол играет?! — вдруг закричал Тимофей, навалившись на стол, за

которым сидел Халманов. — Он однажды всю нашу университетскую команду мастеров чуть один не обыграл!

Халманов, удивленно подняв обожженные брови, с интересом смотрел на Тимофея.

— Да вы знаете, — продолжал Тимофей, забыв обо всей своей солидности и сдержанности, — что Пахомов — лучший баскетболист нашего факультета?!

— Откровенно сказать, не знаю...

— А почему не знаете? — снизил тон и хитро прищурился Тимофей. — А потому, что партбюро вообще плохо интересуется состоянием спорта на нашем факультете.

— Что верно, то верно, — подтвердил Халманов. — Состоянием спорта на нашем факультете партийное бюро действительно интересуется пока еще недостаточно.

— Так зачем же вы упрекаете человека в том, что он увлекается спортом?

— Но ведь не за счет же учебы? Нельзя ведь из-за баскетбола столько лекций пропускать, сколько в прошлом семестре пропустил Пахомов.

— Кстати сказать, — высокомерно откинулся на стуле Тимофей, — в последний месяц перед сессией Пахомов не пропустил ни одной лекции.

— А как вы, товарищ Пахомов, вообще-то сессию сдали?

— Его ответ на экзамене по русской литературе девятнадцатого века был признан лучшим в группе, — не дав Пашке даже открыть рта, снова вмешался Тимофей.

— Вот это молодцом, — похвалил заместитель секретаря партбюро, — это я одобряю.

— Так зачем вы нас тогда вызвали? — опять навалился на стол Тимофей.

— Собственно говоря, дело здесь вот в чем, — сказал Халманов и достал костями-пальцами изуродованной руки носовой платок.

И тут только Пашка заметил, что вторая рука у аспиранта вообще не действует. Рукав пиджака, оканчиваясь черной, глухо застегнутой перчаткой, висел неподвижной плетью.

И, увидев эту черную перчатку, Пашка вдруг сразу все «простил» Халманову — и вопросы, которые тот задавал до этого, и те, которые он мог бы задать еще.

Халманов вытер лицо платком, спрятал его в пиджак.

— Собственно говоря, дело здесь вот в чем, — повторил он. — Партийное бюро в принципе не возражает против вашей поездки. Больше того, мне, например, даже нравится, что вы проявляете личную инициативу и едете в областную газету попробовать свои силы, так сказать, в свободном журналистском полете. Но коль скоро вы будете предъявлять в этой областной газете студенческие билеты нашего факультета, то старайтесь в первую очередь не деньги зарабатывать, а показать, что вы действительно из Московского университета. Помните, что на вас будет лежать ответственность не только за самих себя, но и за весь наш факультет.

— Товарищ Халманов, — бодро выдвинулся вперед Пашка, — можете не беспокоиться. Все будет в порядке. Мы им там всем покажем, что такое факультет журналистики Московского университета. Мы будем работать там, как звери!

— Станный ты все-таки парень, Пахомов, — задумчиво сказал Халманов. — Все учатся, а ты в баскетбол играешь. Все отдыхать после экзаменов едут, а ты работать собрался. Все наоборот.

Провожать Пашку и Тимофея на Казанский вокзал пришли, несмотря на мороз, Оля Костенко, Светка Петунина, Руфа, Боб Чудаков и Юрка Карпинский.

Вещей у Пашки и Тимофея почти не было — два рюкзака и школьный портфель с блокнотами и карандашами. Портфель был взят по настоянию Тимофея, которому он, собственно говоря, и принадлежал, будучи верным тимофеевским спутником еще в школьные, «золотые» медалистские годы, — поэтому Голованов и взял его с собой в качестве талисмана и символа будущей удачи.

Последним на перроне появился Эрик Дарский. — Виват! — закричал Эрик издали. — Я не опоздал?

— Да нет, вон поезд стоит совершенно пустой, — сказал Боб Чудаков.

Гурьбой пошли вдоль не заполненных еще пассажирами вагонов. Сверившись с билетами, влезли в нужный вагон (проводников около вагонов почему-то до сих пор не было), нашли свое купе, тесно расселись на нижних местах.

— Ребята, — серьезно и печально сказала вдруг Светка Петунина, — а ведь вы первые из всей нашей пятой французской уезжаете в настоящую, взрослую, самостоятельную журналистскую поездку.

— В флибустьерском дальнем синем море-е, — запел Боб Чудаков, — бригантину поднимает паруса!

Но неожиданно никто не поддержал Чудакова. Всех вдруг охватила грусть от Светкиных слов.

— Граждане пассажиры, — раздался на перроне голос радиодиктора, — поезд «Москва — Куйбышев» отправляется с третьей платформы через три минуты. Повторяю..

— Странно, — забеспокоилась Оля Костенко, — поезд уходит через три минуты, а вагон совсем пустой.

— Отцы! — зашелся вдруг в немом смехе Эрик Дарский. — А ведь мы не в тот поезд сели. «Москва — Куйбышев» вон там стоит!

И он показал пальцем в окно.

Все кинулись к окну. На соседнем перроне действительно стоял готовый к отходу поезд. Все признаки его отправления через три минуты были налицо: вдоль вагонов бежали с чемоданами запыхавшиеся пассажиры, в дверях вагонов в строгой черной форме и красных фуражках стояли грозные проводницы, кто-то обнимался, кто-то целовался, кто-то махал уже рукой.

— Мужики! — гаркнул Юрка Карпинский. — Ноги в руки! Рысью из вагона, опоздаем!

Пашка и Тимофей, схватив рюкзаки и портфель, первыми выскочили из купе. За ними сыпанули все остальные.

— Карпо, держи «Москва — Куйбышев» за последний вагон! — закричал Боб Чудаков.

— Ложись под колеса! — добавил Эрик Дарский.

«Москва — Куйбышев» тронулся...

— Ох, ох, ах! — завизжали девицы.

Юрка Карпинский, расталкивая провожающих, мчался вдоль медленно движущихся вагонов.

— Стой, стой! — орал Карпо проводникам. — Врубай «стоп-кран»! Самых главных забыли!

Стоящие в дверях в черной форме проводники строго и как бы даже безучастно смотрели на бегущего около их ног молодого человека.

Пашка Пахомов, вспомнив годы, проведенные в «хиве» в многочасовой беготне по спортивному залу, надавал и, опрокинув нескольких провожающих,

сих, вцепился в поручни последней площадки последнего вагона.

Рядом задышался Тимофей.

— Кидай мешки в вагон! — заорал Карпо, поравнявшись с Пашкой.

Пашка закинул в тамбур свой рюкзак. Карпо вырвал из рук обессилевшего и поэтому уже плохо соображающего Тимофея его рюкзак и тоже кинул в тамбур.

Поезд убистрял ход.

— Ребята, осторожнее! — кричала сзади Оля Костенко.

— Ох, ах, помогите! — голосила пышноволосяя Руфа.

Пашка, изловчившись, прыгнул на нижнюю ступеньку.

— Давай, Тимка, давай! — захрипел Пашка.

Неуклюжего на бегу комсорга рывком, в четыре руки, втокнули на ступеньки Юрка Карпинский и Боб Чудаков.

Поезд убистрял ход.

— А портфель? — тяжело дыша, спросил Тимофей.

— Какой еще портфель? — зло посмотрел на лучшего друга Пашка.

— Портфель с блокнотами!..

Пашка оглянулся. Тимофеевский «медалистский» портфель, туго набитый блокнотами и карандашами, остался в руках у Эрика Дарского.

— Ой, не могу! — кричал вдогонку поезду, хватаясь за живот Боб Чудаков. — Смелые путешественники чуть было не уехали не в ту сторону! Вместо Индии в Америку! Ой, не могу!

Поезд шел все быстрее и быстрее. Пашка и Тимофей — растрепанные, растерзанные — висели на последней площадке, вцепившись в поручни. А пятая французская — Боб, Эрик, Карпо, Оля, Руфа и Светка, остановившись наконец и сбившись в кучу, махали им вслед руками...

Часть четвертая

КАНИКУЛЫ

I.

Куйбышев не произвел на Пашку и Тимофея сильного впечатления. Город был как город. Где-то дома повыше, где-то пониже, ходили трамваи и автобусы, строились новые здания, толпились на перекрестках пешеходы.

Пашка и Тимофей сошли с трамвая в центре и, подробно расспрашивая постовых милиционеров, нашли редакцию областной газеты, где, согласно сведениям, полученным от Леги Белова, должен был работать его знакомый — местный журналист Петр Петрович Прусаков.

В здании редакции пахло типографской краской и теплым металлом. Пашка и Тимофей поднялись на второй этаж. Пустынные коридоры оглашались дробными очередями пишущих машинок. Пашка и Тимофей, с интересом читая надписи на дверях, медленно двигались вперед.

В огромной и пустынной приемной главного редактора одиноко сидела миловидная девушка, тщательно разглядывая свое лицо в стоявшем перед ней зеркальце.

— Вы откуда, товарищи? — оживленно спросила девушка, пряча зеркальце в ящик письменного стола.

— Можно будет пройти к главному редактору? — спросил Тимофей.

— Главного редактора сейчас нет, — деловито ответила секретарша.

В это время в приемную вошел довольно молодой еще человек с густой черной шевелюрой и черными усиками.

«На Чарли Чаплина похож», — успел подумать Пашка.

— Лидочка, приветик! — весело закричал маленький человек. — Главный у себя?

— На пленуме.

— Ах, какая жалость, Лидочка! Как только придет — звякни мне.

Он крутанулся вокруг себя на каблучках и хотел было уже уходить, но потом снова обернулся.

— Простите, молодые люди, — обратился он к Пашке и Тимофею, — вы, кажется, кого-то ищете? Я видел вас в коридоре... Вы из Москвы?

— Нам нужен Прусаков Петр Петрович, — хмурясь, сказал Тимофей.

«Чарли Чаплин» выразительно посмотрел на секретаршу и расплылся в широкой улыбке.

— Если вам действительно нужен Петр Петрович Прусаков, — сказал он, излучая веселье, — так это я. А вы — Пахомов и Голованов?

— Откуда вы нас знаете? — изумился Пашка.

— Леша Белов звонил мне вчера из Москвы и сказал, что вы едете. Извините, что не смог встретить: угнали в срочную командировку. Пойдемте ко мне — сейчас все обсудим и наметим план вашей дальнейшей жизни в городе Куйбышеве и его окрестностях.

Через пять минут все встало на свои места. В маленькой комнатке, где сидел очеркист областной газеты Петр Прусаков, выяснилось, что Петр Петрович тоже студент факультета журналистики. Но только заочного отделения. Так как в молодости «бил баклуши» и не учился. А летом прошлого года он приезжал в Москву «давать сессию». И в общежитии жил в одной комнате с Лехой Беловым.

— Итак, — сказал Петр Петрович, — насколько я понял по телефонному разговору с Алексеем, вы хотите поехать в командировку. Вопрос — куда?

— Может быть, в какой-нибудь колхоз? — предложил Тимофей.

— Вы хорошо знаете сельское хозяйство? — спросил Петр Петрович.

— Не так, чтобы очень хорошо, но все-таки занимались в семинаре по сельскому хозяйству. Зачет сдали.

— Понимаете, Тимофей, — лицо Прусакова стало очень серьезным и даже немного злым, — писать о сельском хозяйстве в областной газете надо очень квалифицированно и очень честно. С учетом знания местных условий — традиций, специализации, климата и так далее. Или лучше не писать совсем. Так вот, вам пока за сельское хозяйство не стоит браться.

— А за что нам взяться? — спросил Пашка.

— Сейчас посмотрим карту, — сказал Петр Петрович, встал из-за стола и подошел к висевшей на стене карте Куйбышевской области.

Пашка и Тимофей присоединились к нему.

— Карта — это очень важно для журналиста, работающего в областной газете, — сказал Петр Петрович. — Когда вы смотрите на карту, вы уже как бы летите над своей областью на самолете.

Пашка и Тимофей внимательно вглядывались в карту, где ярко выделялась мощная синяя петля Волги.

— О! — неожиданно ударил себя ладонью в лоб Петр Петрович и снова сел за свой стол. — О чем

еще думает этот маленький смешной человек с тараканьей фамилией, когда есть прекрасный адрес для вашей будущей командировки! Вы знаете, что на территории нашей области строится ГЭС — одна из величайших гидроэлектростанций в мире?

— Слыхали, — неопределенно сказал Тимофей.

— «Слыхали!» — передразнил Петр Петрович Тимофея, фыркнул и рассмеялся. — Да, собираясь к нам сюда, вы должны были сами предложить мне этот адрес и изучить все, что можно было узнать о Волжской ГЭС еще в Москве. Какие же вы будущие журналисты, если, находясь в Куйбышеве, хотите поехать в колхоз, а не на самый главный строительный объект области? И даже не области, а на строительный объект всесоюзного — больше того! — мирового масштаба.

— Вообще-то говоря, мы думали в Москве о том, чтобы поехать на какую-нибудь стройку, — сказал Тимофей.

— А надо было думать не вообще, а конкретно! — сердито посмотрел на Тимофея Прусаков. — Это, знаете ли, только очень плохие журналисты приходят в редакцию и говорят: о чем бы мне написать? Куда бы мне поехать? Пошлите меня, пожалуйста, куда-нибудь... Хороший журналист должен сам приносить в редакцию адрес и тему своей будущей поездки, а не выпрашивать все это, как милостыню. Хороший журналист должен думать заранее, должен мыслить, должен уметь из многих адресов на карте выбрать такой, в одном названии которого уже заключался бы большой общественный смысл, дух времени, какие-то типические черты нашего образа жизни именно в данную минуту, час, день, месяц, год. Понятно?

2.

Серое шоссе Куйбышев — Ставрополь лежало среди белых полей. Автобус катил мимо приземистых поселков и бревенчатых деревень. Иногда навстречу машине выбегали из-за поворота невысокие холмы и пригорки, покрытые редкими лесами, и тогда чувствовалось приближение отрогов Жигулевских гор.

Вечерело. Солнце то и дело перепрыгивало через петляющую дорогу. Косые и холодные лучи его золотили зеленые сосны.

Тимофей, глядя в окно, думал о том, как они будут выполнять полученное в редакции задание. На две недели командировки задание было довольно серьезное. Состояло оно из трех пунктов:

1. Написать очерк о передовом экскаваторщике Волжской ГЭС.

2. Организовать статью о кандидате в депутаты.

3. Подготовить дискуссию о производительности земснарядов.

Когда Петр Петрович накануне их отъезда, набросав вчерне план задания, пошел подписывать его к главному редактору, Тимофей недовольно сказал Пашке:

— Зачем ты согласился на все эти пункты? Мы же их не выполним.

— Выполним, — усмехнулся Пашка. — Чего тут выполнять-то?

...В Ставрополь-Волжский приехали под вечер. Город был весь деревянный, серые бревенчатые дома тянулись вдоль улиц вкривь и вкось, снег был густо перемешан с навозом, около ворот домов стояло множество запряженных в сани лошадей, бродили по городу собаки.

— Ну и городишко, — пренебрежительно сказал Пашка, поглядывая по сторонам, — деревня какая-то, а не город. Пошехонская старина.

— Да-а, — неопределенно протянул Тимофей, — не похоже что-то это место на великую стройку коммунизма.

В гостинице мест, конечно, не было. Пашка небрежным жестом сунул в окошко дежурного администратора командировочное удостоверение и сурово сказал:

— Нам нужен двухместный номер.

Окошко дежурного захлопнулось, и к Пашке с Тимофеем вышел небритый человек в меховой безрукавке.

— Двухместный номер? С пальмами, конечно, и с бассейном?

— Мы не шутим, — нахмурился Пашка. — Мы из областной партийной газеты.

— А хоть из центральной «Правды», — сказал небритый. — У нас здесь и в обыкновенные времена никогда свободных мест не было, а сейчас и недавно. Все с ног на голову встало. Город на дно идет.

— Как это на дно? — не понял Тимофей.

— Очень просто. Затопляют нас. Когда плотину построят, Ставрополь на дне моря будет. Сейчас все отсюда уезжают, дома продают, имущество, скотину. Последний день Помпеи.

Пашка и Тимофей вышли из гостиницы. По улице зигзагом двигалась веселая компания с гармонью.

— «Вот кто-то с го-рочки спустился-я!» — лихо раскинув меха, запел гармонист, но тут же поскользнулся и упал.

— «Наверно, ми-лай мой идет!» — взвыла ватага дурными голосами.

— «На нем защи-и-тна ги-мнастерка-а-а!»...

— Со старым местом народ прощается, — сказал сзади Пашки и Тимофея вышедший из гостиницы небритый дежурный. — В Соцгород¹ все переезжают. А здесь отцы и деды жили. Обидно, конечно. Душа разгула требует.

Почти около каждого дома стояли машины и розвальни, из ворот выносили вещи, мебель, разноцветные узлы с барахлом, выводили скотину, кидали в кузова грузовиков нехитрые пожитки, наваливали на подводы и сани подушки, одеяла, одежду, посуду, сажали сверху ребятишек.

На центральной площади, несмотря на близкие сумерки, бойко действовала барахолка. Торговали всем, чем попало: табуретками, стульями, столами, кроватями, конской упряжью, ведрами, корытами, стенными часами, фикусами, патефонами, топорами, граблями, мешками, вожжами, хомутами, гвоздями, бочками, лопатами...

— Как интересно, — задумчиво сказал Тимофей, — великое переселение народов. Целый город переезжает на новое место. Политэкономия в действии. Товар — деньги — товар.

Но переселяющиеся народы, выручив за проданные товары деньги, отнюдь не торопились, согласно классическим законам политэкономии, приобрести новые товары. Жители затопляемого города несли деньги в основном в ярко освещенную и гудящую многочисленными голосами столовую, гостеприимно распахнувшую двери прямо тут же, рядом с барахолкой.

Пашка и Тимофей, пройдя через рынок, вошли в столовую. Атмосфера последнего дня Помпеи была доведена здесь до самого высокого градуса. Все столы были облеплены тулупами, ватниками, телогрейками. Обязанные крест-накрест пуховыми плат-

ками бабы сидели в компаниях подвыпивших мужиков, в воздухе плавали табачные дымки, слышался разухабистый волжский говорок, песни, крики, стоявшая в углу облезлая радиолка вырабатывала двадцатилетней давности фокстроты, энергично функционировал буфет.

Работникам столовой всеобщий дух близкого затопления, по всей вероятности, был сильно на руку. Существовала, очевидно, надежда вместе со зданием столовой оставить на дне морском и многие производственные грехи ее работников.

Но основной вид «производственной» деятельности — щи и гуляш с макаронами — был выше всяких похвал. Толстая тетка на раздаче щедро плеснула Пашке и Тимофею в большие глиняные миски по две поварешки густых наваристых щей — эх, последние денечки на этом месте первые блюда разливаем! — и бросила в миски по огромному куску свинины. Румяная грудастая деваха навалила в тарелки гору гуляша и макарон и шваркнула в гарнир по три ложки сметаны.

В гостиницу вернулись затемно. Перед комнатой дежурного вповалку лежали на полу люди в засаленных телогрейках, в измазанных мазутом тулупах, в пахнущих бензином бушлатах.

— Так, все ясно, — сказал Пашка. — Никаких мест, конечно, нету.

— Да какие же могут быть места? — развел руками небритый дежурный. — Сами видите, что делается...

— Ладно, будем спать на полу, — решительно сказал Пашка.

Перешагивая через лежащих вплотную друг к другу шоферов, трактористов и прочих дорожный люд, застигнутый ночью в городе, уходящем на дно будущего Куйбышевского моря, Пашка Пахомов пробрался в угол. Тяжелый дух висел в воздухе. Пахло мокрой овчиной, валенками, кирзовыми сапогами, портянками. Слышался храп, свист, бормотание, пришептыванья, стоны и вздохи.

Пашка Пахомов растолкал в углу какие-то тяжелые во сне, измазанные солярой и машинным маслом фигуры.

— Тим, — тихо позвал Пашка, — иди сюда. Здесь, кажется, можно лечь.

Перешагивая через спящих, именной стипендиат Голованов приблизился к Пашке.

— Ложись, — показал Пашка Тимофею на узкое пространство грязного затоптанного пола.

Сам Пашка быстро сбросил с себя рюкзак, лег на пол, положил голову на рюкзак и мгновенно захрапел.

Тимофей с трудом втиснулся между Пашкой и еще каким-то невыносимо пахнущим бензином человеком. Голова лежала на рюкзаке высоко и неудобно. Тимофей страдал. Он спал на полу впервые в жизни.

Пахнущий бензином человек перевернулся и тяжело задышал прямо в лицо Тимофею чесноком. Тимофей осторожно отодвинул его от себя.

— Кто? Чего? — забормотал человек и больно толкнул Тимофея сапогом.

— Не толкайтесь, — тихо сказал Тимофей.

— Кого? — хрипло со сна спросил пахнущий бензином.

— Не толкайтесь, говорю, — повторил Тимофей.

— Иван! — позвал пахнущий бензином. — Тут какие-то фраера позже всех явились и с места меня гонят.

— Спи, — сонно сказал голос из-за его спины, — какие тут могут быть фраера? Такие же, как и мы, работаги.

¹ Будущий Тольятти.

Пахнувший бензином отвернулся от Тимофея и сразу же захрапел. За спиной у Тимофея храпел Пашка.

Кто-то вошел в гостиницу.

— Места есть? — спросил простуженный голос.

— На потолке, — ответил дежурный.

— А где же спать-то?

— А я почему знаю? У начальства своего спрашивать, которое вас сюда посылает.

— Хоть бы затопили скорее ваш Ставрополь. Не город, а недоразумение.

— Затопят, не волнуйся. В свое время затопят.

— Триста километров сегодня с утра проехал. С двумя прицепами. Трубы для земснарядов привез, а ночевать нигде.

— Людей гонют, технику волокут, а условий не создают, — ворчал дежурный. — Нешто это правильно? Не по-божески это. Сперва условия надо строить, а потом уж плотину.

«Записать бы эту фразу, — подумал Тимофей. — И вообще, хорошо было бы законспектировать весь разговор. Готовый диалог для корреспонденции о бытовых условиях строителей гидростанции... «Законспектировать!» — усмехнулся тут же Тимофей. — В университете, что ли? На лекции у Друга Человечества Эраста? Или у Одуварда?»

За спиной группомсорга Голованова храпел Пашка Пахомов.

«Вот дьявол неприхотливый, — подумал Тимофей и даже позавидовал Пашке. — Привык на своей дурацкой кафедре физикулытуры ко всяким лошадиным запахам — ему и здесь нипочем. А тут вороचाюсь с боку на бок».

— Слышь, отец, — снова раздался простуженный голос у входа, — закурить не найдется?

— Некурящий.

— Ладно, в машину пойду спать...

— Замерзнешь.

— Движок включу.

— Угоришь от газов-то.

— Стекло опущу. Перетерплю.

— Ладно, чего там в машину — бензин же чье государственный... Иди сюда ко мне, в дежурку, ложись на пол под стол. Только осторожно — у меня тут две женщины с ребенком спят... Аккуратнее ступай сапожищами... Лег? Ну, спи.

3.

Когда Тимофей проснулся, рядом уже не было ни одного человека — он один лежал на полу. Тимофей сел и оглянулся — Пашка Пахомов стоял около окошка дежурного администратора.

— ...поэтому какая у нас тут может быть жизнь? — говорил все тот же небритый дежурный администратор. — Мы уже и Ставрополем перестали называться, а просто Порт-город. Вся жизнь наверх ушла, в Соцгород. А у нас тут кто остался? Одна шелупень. Скоро забудут, как и место это раньше звали.

— А вот скажите, пожалуйста, — вкрадчивым голосом спросил Пашка Пахомов, — кто у вас тут на строительстве лучшим экскаваторщиком считается?

— Экскаваторщиком? Мячев Володька, кто же еще. Он с Волго-Дона к нам приехал, еще там большим человеком стал. А здесь уже развернулся на всю катушку — дешевле всех вынимает один кубометр грунта. К нему министры приезжают, ему премии дают, на Доске почета висит, с первого места не слезает. Сурьезный мужик, хваткий

— А как бы найти этого Мячева? — интересовался Пашка. — Где он живет?

— А живет он на том берегу, в Жигулевске. Там и работает, котлован роет. В Жигулевске все главные дела по строительству идут.

— А вообще-то Ставрополь хороший город был? — не унимался Пашка. — Красивый? Ну, скажем, летом?

— Летом здесь одна пыль была да комары с мухами.

— Ну, а раньше, — не отставал Пашка от дежурного, — в старые времена?

— В старые времена здесь только церковь была. Еще бревна здесь из Волги вылавливали, дома из них катали и прямо тут же на берегу ставили. Уездный был городишко. Богу молились, семечки грызли, ворон в небе считали. Капустой кислой тут кругом пахло.

...Утренний Ставрополь разительно был не похож на вчерашний, вечерний. На улицах было тихо, дома спали, только из печных труб поднимался кое-где легкий дымок. Ярко, морозно белели на солнце снега, пахло сырой древесиной, свежим навозом. Где-то в стороне шумели на дороге машины, долетали лязгающие металлические звуки. Обветшавшая колоколенка одиноко торчала над серыми крышами.

В чайной напротив гостиницы наскоро съели по винегрету, котлете, выпили по стакану горячего, обжигающего чая.

— Какой маршрут на сегодня? — спросил Тимофей.

— Есть предложение съездить в Соцгород, — сказал Пашка. — А вообще-то на тот берег надо пробираться.

На автобусной остановке топталось несколько человек. Подошла крытая, обитая фанерой полупортка с металлической стремянкой на заднем борту. Это и был местный автобус, курсирующий по маршруту Ставрополь — Соцгород и обратно.

Минут через сорок, поднимаясь все время по серпантину дороги вверх, приехали в Соцгород. Тимофей и Пашка выпрыгнули из кузова, и сильный смолистый запах, идущий от множества новых, недавно построенных и обшитых белым еловым тесом одинаковых двухэтажных домов, повеял на них вместе с запахом морозного чистого снега.

Соцгород в отличие от мрачного серого одноэтажного Ставрополя был принципиально двухэтажным населенным пунктом. Все дома были трогательно похожи друг на друга, как близнецы. Казалось, что их сложили из одних и тех же кубиков детского деревянного конструктора: окно над окном, над ними крыша, над крышей труба, а из трубы дым. словно рука юного художника нарисовала все эти незатейливые строения и беспорядочно разбросала их среди зеленых сосен и елей. И громкая задорная музыка из висящих прямо на деревьях репродукторов. Новый город стоял в лесу без церкви, без барахолки, без выросших в землю амбаров, без мрачных ставропольских изгородей с медвежьими воротами и паутиной серых покосившихся заборов, змеившихся вокруг огородов и садов.

Пашка и Тимофей до самого обеда ходили по городу. Зашли даже в новый детский сад, где щекастые люди в передниках и фаргуках с петухами и зайцами тонкими жалобными голосами разучивали жизнерадостную песню.

В два часа дня сделали перерыв, опять наскоро перекусили в столовой и отправились на автобусную остановку, чтобы ехать на другой берег Волги, в Жигулевск.

Снова пришел местный «автобус» — крытая фанерой полуторка (пока стояли на остановке, узнали, что ее здесь называют «душегубка»). Пашка и Тимофей влезли в кузов и покатали по ледовой дороге через Волгу.

Река лежала запорошенная снегом, мертво схваченная льдом. Дул сильный ветер, мела поземка, вольные речные метели, зло завихряясь, гонялись друг за другом, в щели между фанерными листами сыпался снег. Постепенно белое марево окутало дорогу, стало темно и холодно. У Пашки, обутого в сапоги (в Москве он не успел найти валенки), начали мерзнуть ноги. Пашка сначала сжимал и разжимал пальцы, а потом начал стучать подошвами сапог о днище кузова. Не помогало. Ноги мерзли все сильнее и сильнее.

— Слышь, парень, — тронул кто-то Пашку сзади, из темноты за плечо, — на-ка вот, возьми газетку. Разуйся, оберни ноги, теплее будет.

Пашка стащил сапоги, разорвал пополам газету, накрутил ее, как портянки, на шерстяные носки, снова обулся. Действительно стало теплее.

— Спасибо, — обернувшись, сказал Пашка в темноту.

— Кушай на здоровье, — ответила темнота голосом хозяина газет. — Чего ж в сапогах по морозу бегаешь? Зимой в наших местах в сапогах — хуже чем босиком.

...Жигулевск лежал в низине между двумя высокими горами. Это был уже совершенно другой город — не бревенчатая деревня, как Ставрополь, и даже не двухэтажный деревянный Соцгород. Многоэтажные, каменные, современной архитектуры дома стояли вдоль хорошо спланированных улиц, расчерчивающих город на правильные квадраты.

Слева от города раскинулся гигантский котлован будущей гидроэлектростанции. Густая сеть железных ферм и арматуры покрывала огромное углубление в земле. Отчетливо виделась высокая насыпь шпунтовой перемычки, отделявшая район работ от Волги. На дне котлована, рыча моторами, ползали экскаваторы. Длинная вереница пустых самосвалов медленно сползала вниз к экскаваторам, чтобы, приняв в кузова кубометры скального грунта, еще медленнее, устало и нагруженно, но непреклонно начать подниматься по насыпи котлована.

Панорама строительства была настолько впечатляющей, так графически четко вырисовывались на фоне неба огромные неземные силуэты двух шагающих экскаваторов (словно космические марсианские корабли приземлились на перемычке), так свирепо, отдуваясь и фыркая, паровые копры вбивали шпунты в скальный грунт, так величественно и мощно нависали над городом могучие, плечистые волжские утесы — гора Могутовая и гора Яблоневая, так прекрасно и яростно гремела над котлованом из динамиков беспощадная ко всякой слабости музыка Бетховена, что Пашка и Тимофей, забыв о морозе, о времени и вообще обо всем на свете, молча простояли над котлованом до самых сумерек.

Стемнело. Зажглись фары самосвалов и экскаваторов. Осветились первые окна домов. Заискрились цепочки уличных фонарей. И вдруг разом, торжествующе и восторженно, отбросив ночь, вспыхнули по краям котлована десятки прожекторов.

Море света — провозвестник будущей электростанции — залило котлован. Тьма отступала. День, продолжившись и укрепившись, гортанно рычал на дне котлована ударами копров, моторами самосвалов, ковшами и механизмами экскаваторов.

В Жигулевске и с ночлегом было совсем по-другому, чем в Ставрополе. Специальным корреспондентам областной партийной газеты Пахомову и Голованову дали два места в городской гостинице для молодых специалистов. Пашка и Тимофей узнали домашний телефон лучшего экскаваторщика стройки Владимира Мячева, позвонили ему, солидно представились и, получив от хозяина дома приглашение зайти в гости, отправились на квартиру к знатному передовику.

Мячев жил в пятиэтажном новом доме на первом этаже. Дверь открыла молодая женщина.

— Здравствуйте, — сказала она, — я жена Володи, Галя. — И первая протянула руку знакомиться.

Тут же в прихожую вышел и сам Мячев — невысокий, худощавый паренек с усталым лицом. Прошли в столовую, сели за стол. Мячев не торопясь начал рассказывать о себе.

Движение за снижение стоимости одного «кубика» грунта (он так потом все время и называл кубометры «кубиками») родилось естественно. В его экскаваторной бригаде (полный экипаж каждого экскаватора составляет одну бригаду) три машиниста: он сам, Семен Колчин и Борис Гулякин. Экскаватор работает круглосуточно. Каждая смена — двенадцать часов. Их машина, порядковый номер — четвертый, вынимает землю в восточной части котлована — там, где будет само здание электростанции.

Сейчас было важно до вторжения паводковых вод закончить шпунтовую перемычку, отделяющую Волгу от котлована. Из речной части котлована уже откачали воду, намыли грунтовую перемычку, и туда, на дно реки, вошли экскаваторы. Всего предстоит вынуть сто пятьдесят миллионов кубов грунта.

— Сколько-сколько? — переспросил Пашка.

— Сто пятьдесят миллионов, — спокойно повторил Мячев.

Стоимость одного кубометра грунта, продолжал он, складывается так: производительность труда, затраты на капитальный ремонт, транспорт, амортизация механизмов. В прошлом месяце при плане двадцать пять тысяч кубов бригада сделала тридцать восемь тысяч. Лучшая смена в бригаде — смена Колчина. Они вынимают за двенадцать часов в среднем тысячу двести «кубиков». На втором месте идет он сам, Мячев, — девятьсот девяносто кубов. На третьем Гулякин — девятьсот двадцать кубометров.

— Однажды, в ноябрь прошлого года, — рассказывал Мячев, — как раз накануне праздников, Семен Колчин поднатужился и дал за смену две тысячи сто тридцать кубов. Помнишь, Галя?

Жена Мячева, сидевшая за столом вместе со всеми, молча кивнула.

— Все прямо ахнули, — продолжал Мячев. — Почти триста процентов перевыполнения плана. Борька Гулякин заступил после Семена — как ни старался, только тысячу двести кубов вынул. После Борьки сажусь я — тысяча шестьсот кубов. Прибежали к нам из комитета комсомола, из парткома: поздравляют, обнимают. Ну, естественно, заработки у нас сильно поднялись... И вот как-то приходит к нам в забой старичок один из планового отдела и говорит: вы, говорит, ребята, молодцы, очень хорошо работаете, но только при такой перегрузке материальной части вы через месяц встанете в ремонт, и тогда заработки ваши сделаются в три раза меньше, и все над вами будут смеяться.

— Это Николай Евдокимович? — спросила Галя.

— Он самый,— улыбнулся Мячев,— есть у нас такой старичок-плановичок.

Приход старичка-плановичка, как выяснилось, имел решающее значение. Ребята, естественно, не хотели, чтобы зарплатки уменьшались. Стали спрашивать у Николая Евдокимовича совета: как быть? И старик-плановик открыл перед бригадой первые тайны законов политэкономии. (При слове «политэкономия» Тимофей выразительно посмотрел на Пашку, и Пашке вспомнилось, как он сыпался однажды на экзамене по политэкономии: производство, воспроизводство, перепроизводство — все это тогда так перемешалось в Пашкиной голове, что пришлось даже на несколько дней расстаться с «хивой» и кафедрой физкультуры.)

Оказалось, что можно было сохранить заработную плату, не вставая в ремонт. Это достигалось уменьшением износа механизмов. Не надо было надрываться самим и рвать тросы на экскаваторе, выгребая каждую смену через силу по две тысячи «кубиков» из котлована. Для этого требовалась очень простая вещь: снизить себестоимость одного кубометра вынимаемого грунта. А как это сделать? Николай Евдокимович, старик-плановик, стал учить рабочий класс экономическому уму-разуму. Начали считать с карандашом и бумагой — на каких элемента цикла, вынимая один «кубик», можно сэкономить копейку.

— Дай, пожалуйста, мою тетрадь,— попросил жену Мячев.

Гаяля сходила в другую комнату и принесла замусоленную, покрытую пятнами машинного масла учебную тетрадь в клетку, несколько страниц которой были густо заполнены колонками зачеркнутых и подчеркнутых цифр. Мячев полистал тетрадь, но потом бросил ее на стол.

— Хотел показать вам, как складывались наши расчеты, но это очень долгая история. Лучше своими словами расскажу.

Что же выяснилось? Оказалось, что за счет ремонта можно сэкономить на каждом «кубике» целых три копейки. Если аккуратно, а точнее сказать, прижимисто, использовать смазочные и обтирочные материалы (которые раньше-то разбрасывали по широте души во все стороны), то можно сберечь на каждом «кубике» еще одну копейку.

— Я как-то пришел на смену,— рассказывал Мячев,— а Сенька Колчин держит одного нашего подсобного рабочего за грудки и орет на него. «Ты чего,— кричит,— тряпки раскидал везде, скотина? Дома, что ли, у тещи находишься?» Да как замаяхнется на него — я еле успел его за руку поймать.

Старик-плановик направил экономическую мысль рабочего класса, не желавшего расставаться с хорошими заработками, и в такую сторону, как сбалансированное на пределе перевыполнение плана. Оказалось, что с учетом местных условий (специфика организации грунтовых работ) наиболее эффективно перевыполнять план не более как на 150–160 процентов. Именно эта процентовка сохраняла требуемое качество и позволяла сбросить с «кубика» уже не какую-то ерунду, а целых одиннадцать копеек.

— Ну, а дальше мы сами мозгами шевелить начали. На подсобных операциях удешевили «кубик» еще на пятачок. Раньше подстилочные гати под гусеницами кромсали, как танки в наступлении, а теперь стали аккуратнее ездить — еще семь копеек сбросили с кубометра. Одним словом, стоимость погруженного в кузов самосвала кубометра грунта снизилась у нас с четырех рублей до трех рублей шестнадцати копеек. Получилась экономия только на одном экскаваторе тридцать восемь тысяч руб-

лей в месяц. За нами и водители самосвалов подтянулись. Стали требовать, чтобы их твердо закрепляли за одним и тем же экипажем. Образовалась у нас целая комплексная бригада — экскаватор и двадцать МАЗов-самосвалов. На каждом шагу начали копейки считать.

— А вы сейчас идете в котлован? — спросил Пашка. — Возьмите нас с собой...

5.

Когда они вышли из дома, вечерняя панорама Жигулевска снова распахнулась перед Пашкой и Тимофеем во всей удалой широте своего замысла. На освещенной прожекторами насыпи фантастические конструкции двух шагающих экскаваторов казались нереальными. На сказочно вознесенной высоте их стрел горели гирлянды электрических лампочек, и трудно было понять: были эти огоньки в небе творением рук человеческих или уже нечеловеческих.

Тысячи красных, желтых, розовых, голубых огней заполняли впадину котлована. Белые стволы прожекторных лучей сплетались над котлованом в огромную крону неправдоподобно гигантского дерева. Морозный фиолетовый пар клубами поднимался из впадины. И бетховенская музыка продолжала греметь над котлованом, рождая космические сравнения и ассоциации.

— Скажите, а эта музыка все время у вас здесь звучит? — поинтересовался Тимофей.

— Бетховен-то? — небрежно спросил Мячев. — Круглые сутки. Радисты подобрались все подряд любители Бетховена. Двадцать четыре часа без перерыва классикой нас угощают. Но мы уже ничего — привыкли. И дети привыкли. Спят, не просыпаются. А нам работать под Бетховена даже веселее.

В половине одиннадцатого они пришли на широкую площадь возле здания управления строительством. Вокруг нескольких крытых фанерой «душегубок» стояла густая толпа народа.

— Ночная смена,— объяснил Мячев,— по котловану людей на машинах развозят. Это он сверху кажется не очень большим. А внизу, если пешком идти, только к утру до своего места доберешься.

— По машинам! — раздался около здания управления зычный голос. — Отправление через две минуты!

Кузова заполнились народом. Машины тронулись. Проехали несколько городских кварталов и оказались на территории котлована. Машина все время спускалась под уклон. Было уже не просто морозно, но и как-то сыровато и даже сыкотно.

— Мы уже ниже уровня Волги,— сказал Мячев,— почти на самом будущем дне морском.

— А Волга может прорвать перемычку? — спросил Тимофей.

— Может,— улыбнулся Мячев,— а вы что, плавать не умеете?

— Умею,— смутился Тимофей,— но я не к этому спрашиваю.

— Тогда все в порядке,— засмеялся Мячев.

Машина остановилась.

— Мячев! — крикнули из кабины водителя. — Твоя кастрюля!

— Пошли,— кивнул Мячев,— приехали.

Он первым спрыгнул на землю. Пашка и Тимофей сошли за ним. Вокруг стоял зыбкий сырой туман. Лучи прожекторов и сигнальные предупреждающие огни наполняли туман фиолетово-голубым и кроваво-розовым свечением. Впереди на добрую сотню

метров нависала над головой черная громада пере-
мычки, унизанная редкими гирляндами желтых фо-
нарей. Где-то рядом скрежетала зубьями стальных
шестеренок железная машина экскаватора. Мимо
непрерывно проходили груженные и пустые само-
свалы. Изредка слышались глухие, несильные взры-
вы и шелест падающих камней. Пашка и Тимофей
стояли на дне потусторонней, дантовской и в то же
время вполне реальной гигантской выемки в земле.
Небо над их головами замыкалось темнотой ночи
и мрачными очертаниями краев огромной котло-
вины.

«Душегубка», привезшая пассажиров, не отъезжа-
ла. Дверь кабинки открылась, и высунулся человек
в овчинном полушубке.

— Это что за люди? — спросил он.

— Корреспонденты из областной газеты, — объяс-
нил Мячев.

— Разрешение на вход в зону котлована име-
ете?

— Нет, не имеем, — почти одновременно ответили
Пашка и Тимофей.

— А общий допуск?

— Какой допуск?

Человек засмеялся.

— Как же вы сюда попали, граждане корреспон-
денты? — весело спросил он.

— Они ко мне приехали, — объяснил Мячев, —
снижением себестоимости одного кубометра грунта
интересуются.

Человек в полушубке молча, пристально и цепко
разглядывал Пашку и Тимофея.

— Около меня все время будут, — уверенно и в
то же время чуть небрежно сказал Мячев.

— Смотрите, Мячев, пока на твою ответствен-
ность, — хлопнул он дверкой, и «душегубка» пока-
тила дальше.

— Неужели у вас даже допуска нет? — сердито
спросил Мячев.

— А что это такое? — спросил Пашка. — Нам никто
ничего не говорил.

— Вы давно в редакции работаете?

— Мы вообще-то еще студенты, — сказал Тимо-
фей, — учимся в Москве, в университете, на факуль-
тете журналистики. Это наша первая командировка.

Мячев был явно разочарован.

— Да-а, — сказал он неопределенно, — надо было
бы, конечно, документы у вас спросить еще там,
наверху. Здесь уже поздно. Моя ошибка... А кто
вас в командировку отправлял?

— Прусаков Петр Петрович.

— И ничего не сказал о допуске?

— Нет, не сказал.

— Узнаю Прусакова. Сам вечно сюда без допу-
ска ездит. Но его тут уже все знают... Вам крупно
повезло, хороший мужик на машине попался. Дру-
гой бы сразу наверх повез.

Шум работающего неподалеку экскаватора затих.

— Что же с вами делать? — нахмурившись, спро-
сил Мячев. — Мне на смену надо идти. Колчин оста-
новил машину, сейчас сюда придет.

— Мы думали, если нас в Ставрополь без всяких
пропусков пустили, значит, и в Жигулевск можно. —
виновато улыбнулся Пашка.

— Ставрополь на дно уходит, — сказал Мячев, —
такого города больше нету. А в Жигулевске строит-
ся крупнейший энергетический узел страны. Его на-
до охранять.

— У вас будут из-за нас неприятности? — нахму-
рившись, спросил Тимофей.

— У меня-то ничего не будет, а вот у вас...

Мячев с нескрываемым раздражением смотрел на
Пашку и Тимофея.

— Сейчас обратно машина пойдет. Колчина и его
смену забирать будут. Отправить вас с ними, что
ли?.. Нельзя. На вахте обязательно снимут и задер-
жат... Вас кто-нибудь в Жигулевске знает?

— Нет, никто не знает...

Из тумана вышло несколько человек в телогрей-
ках, бушлатах и ватниках.

— Володя! — крикнул передний. — Там самосвал
под ковшом уже стоит! Ты чего здесь делаешь?
Что случилось?

Это был Семен Колчин и его смена.

— Да вот, корреспонденты приехали, — неопреде-
ленно сказал Мячев.

— Какие к лешему корреспонденты! Машины од-
на за другой идут!

Из тумана вынырнула «душегубка».

— Колчин, садись! — крикнул человек в полушуб-
ке, выскакивая на подножку. — Мячев, глаз с кор-
респондентов не спускай! Сейчас с ними разбира-
ться будем!

Колчин и его смена быстро сели в машину. «Ду-
шегубка» исчезла в тумане.

— Пошли, — коротко приказал Мячев, почти бегом
устраиваясь вперед.

Пашка и Тимофей старались не отставать. Круп-
ные, острые, мокрые куски скальной породы вывер-
тывались из-под ног, становились ребром, откаты-
вались, возвращались, били по лодыжкам. Пашка
и Тимофей скользили, спотыкались с непривычки,
но держались за Мячевым вплотную.

Железная громадина экскаватора стояла, осве-
щенная фарами нескольких сгрудившихся около нее
самосвалов. На боковой стене машинного отделения
экскаватора отчетливо белела огромная цифра «че-
тыре».

— Мячев! — заорал водитель ближнего к ковшу
самосвала. — Где ты ходишь? Сенька Колчин ушел,
а тебя нет! Пять минут уже стою, время теряю!

— Жалуются, что машин им не подают! — загла-
дели водители остальных самосвалов. — А когда ма-
шины есть, их самих нету!

Мячев рывком поднялся по железной лестнице
в кабину, бешено крикнул стоявшим около гусениц
Пашке и Тимофею:

— Сюда поднимайтесь, живо! И чтоб ни шагу от-
сюда!

Пашка и Тимофей, толкая друг друга, взобрались
на металлическую палубу экскаватора.

Мячев уже сидел в кабине. Было видно, как он,
мгновенно опробовав все рычаги и педали, ссуту-
лился около пульта, что-то поправляя, и, тут же вы-
прямившись, рванул рычаги и экскаватор поехал
круговым движением вокруг своей оси направо.

Упал на землю ковш. Взревел мотор. Заскреже-
тали стальные бивни, набирая в ковш обломки
скальных пород.

Есть! Полон ковш! Вздогнул и присел железный
«мамонт». Могучая стрела, дрожа от напряжения,
поехала обратно. И вот уже распахнулась пасть ков-
ша, щедро высыпая свое содержимое. Застучали
камни о днище кузова самосвала. Встряхнулся ковш.
Мотнулась вправо стрела. Упал ковш. Заскрежетали
зубья. Есть! Поворот налево. Ссып. Встрях. Вправо.
Скрежет. Есть! Поворот. Ссып. Встрях. Еще пово-
рот. Полон ковш. Поехали. Бух! Бух! Бух! Ск-к-р-р...
Бух! Бух!

— Стой! — кричит снизу водитель самосвала и
проводит ребром ладони по горлу. — Полон кузов!

Прыжок за рулевую баранку. Вдох отпускаемых
воздушных тормозов. Взревел мотор, отъехал пер-
вый самосвал. Подъехал второй.

Росчерк стрелы вправо. «Буйволиное» движение ковша — рогами вперед. Полет стрелы влево. Удар кусков породы о днище кузова. И еще удар. И еще. И еще... О-отъезжай!

Третья машина. Мотается стрела между карьером и кузовом, болтается в воздухе ковш, скрежещут шестеренки, звенят тросы, рычат рычаги, звякают педали... Четвертая машина! Пятая, шестая...

Мячев работал как виртуоз. Ни одного лишнего движения. Прямая спина. Уверенные руки. Быстрые ноги. И бесстрастное, неподвижно застывшее лицо.

Он словно слился с машиной. Сросся с ней головой, руками, ногами. Он как бы помогал ей делать тяжелую, «слоновью» работу. Посылал в ее железное нутро свои человеческие эмоции и страсти.

И машина отвечала человеку тем же. Послушно подчинялась во всем. Служила всей мощью своих мускулов, всей энергией своих механизмов.

Через десять минут, наблюдая за Мячевым, Тимофеем и Пашка поняли, что видят перед собой величайшего артиста своего дела, человека, доведшего мастерство до высочайших вершин искусства. Мячев не просто работал. Не только набирал в ковш и грузил в кузова самосвала горную породу. Он вдохновенно творил свой труд.

Экскаватор не знал ни одной секунды покоя. Он был в постоянном движении — еще только заканчивал ковш подгрести породу, а стрела уже начинала движение в сторону кузова самосвала. Еще не успевал последний кусок породы долететь из ковша до кузова, а стрела уже начинала обратное движение в сторону забоя. Ковш «отряхивался» на лету, и без всяких остановок наматывались тросы на ворота лебедок, и механизмы, «не переводя дыхания», изготавливались к новому гребку и повороту. И все это происходило непрерывно, бесперебойно, безошибочно, ювелирно. («Хороший экскаваторщик может ковшом спичечную коробку с земли поднять и даже букет цветов на подоконник любимой девушке положить», — вспомнилась Пашке Пахомову фраза, сказанная Мячевым, когда они шли перед началом смены по городу.)

...Когда Мячев нес ковш с породой к кузову очередного самосвала, перед экскаватором в морозной дымке, окрашенной свечением голубовато-фиолетовых прожекторных лучей и кроваво-красных автомобильных стоп-сигналов, возникли две фигуры в белых овчинных полубухах.

Мячев остановил машину.

— Где корреспонденты? — крикнул один из них. Мячев вышел из кабины на палубу.

— Это за вами, — устало сказал Мячев. — В случае чего, валите все на меня. Скажите, что это я вас сюда притащил. Надо будет, звоните домой Гале. Я сменюсь в одиннадцать дня. Если с вами не разберутся до того времени, я подключусь и помогу.

6.

Было уже четыре часа ночи. Пашка и Тимофей сидели на черном клеенчатом диване в большой холодной комнате с решетками на окнах. Напротив них за большим письменным столом расположился начальник охраны гидротехнического района Андрей Андреевич Кремнев (он сам представился «задержанным», полностью назвав свое имя, отчество и фамилию). Перед начальником охраны лежали на столе все пахомовы и головановские документы — паспорта,

студенческие билеты, командировочное удостоверение. Внимательно прочитав их, Андрей Андреевич поднял голову.

— Скажите, — обратился он к Тимофею, — у вас есть какой-нибудь документ из МГУ о направлении вас именно в Куйбышев?

— Нет, такого документа у нас нет, — сказал Тимофей.

— Почему же вы поехали именно в Куйбышев?

— Это трудно объяснить, — вздохнул Тимофей. — Так получилось.

Кремнев снял телефонную трубку.

— Прошу Москву, — сказал он. — Москва?.. Прошу установить личности...

Он назвал себя, свою должность, а потом начал диктовать содержание паспортов.

Прошло минут десять. Зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Кремнев, снимая трубку. — Так, так, так... Студенты? Спасибо.

Он положил трубку.

— Москва подтверждает ваши документы. Теперь наведем справки в области.

Кремнев позвонил в Куйбышев.

— Алло, райотдел? Кремнев из Жигулевска беспокоит. У вас на территории проживает Прусаков Петр Петрович, журналист, сотрудник областной газеты. Очень прошу найти его адрес через городскую справочную и доставить к вам для телефонного разговора со мной... К сожалению, у него нет домашнего телефона.

— Пока будут ходить за Прусаковым, — сказал Андрей Андреевич, — можете прилечь на диване или вот на этих стульях. Вода в графине, туалет в коридоре направо. Я буду в соседней комнате.

Он вышел через дверь, находившуюся прямо за его письменным столом, оставив ее слегка приоткрытой.

Тимофей сразу же встал и демонстративно пересел на стулья около окна.

— Тимка, ты что? — укоризненно спросил Пашка. — Обижаетесь на меня, что ли?

— А ну тебя! — с досадой махнул рукой Тимофей. — Думаешь, вся эта история не дойдет до университета?

— Ну и что? Разве мы виноваты, что так получилось? Прусаков забыл сказать нам о допуске, а мы-то здесь при чем?

— Забыл, не забыл — мальчишество какое-то! За чем ты напротился с Мячевым в котлован?

— А разве не интересно было? Я, например, считаю, что очерк об экскаваторщике у нас уже в картмане.

— Его еще написать надо

— И напишем. Я, например, этого Николая Евдокимовича из планового отдела, как живого, вижу... Старичок-плановичок! Какая деталь, а? Да за такую деталь любой журналист месяц согласится в тюрьме сидеть... А как Мячев работал, Тим! Только одну эту ночь описать, когда мы на палубе экскаватора стояли, как на палубе корабля, — и то уже вся наша поездка будет оправдана.

— Ох, Павел Феоктистович, смешной вы человек!

— Чем же я смешной?

— Все тебе кажется легким, доступным, простым...

— А знаешь, Тим, мне сегодня даже захотелось стать таким человеком, как Мячев, и работать на экскаваторе, как бог!

— А хорошим журналистом тебе стать никогда не хотелось?

— Хотелось. И буду!

— А чего ж ты столько времени проторчал на своей кафедре физкультуры?

— Понимаешь, Тим, там всегда очень интересно было... Со всего университета люди собирались... Одна Нонка со своей палкой и орденами чего стоит. А Тарас, а Курдюм — академик малохолный? А Лева Капелькин? А вся «хива» наша?.. Ведь это же, Тим, замечательные ребята, если по справедливости разобьются... У каждого были свои дела и свои сложности, но всех тянуло друг к другу, к спорту, к баскетболу... И ведь никто же не заставлял их... И ни у кого не было больших способностей, а ходили в «хиву» и вообще на кафедру упорно, долго, настойчиво, бескорыстно, потому что в спорте реализуется какая-то особая часть человеческой души, какой-то сектор свободы...

Зазвонил телефон. Из соседней комнаты с расстегнутым воротом вышел Кремнев.

— Да, слушаю, — сказал он, снимая трубку. — Прусаков говорит? Товарищ Прусаков, вы посылали в командировку в Ставрополь и Жигулевск студентов Московского университета Голованова и Пахомова? Посылали. Можете это подтвердить завтра телеграммой на мое имя за подписью главного редактора? Можете? Очень хорошо... Что-что? Трубку передать Пахомову или Голованову? Сейчас попробую.

Андрей Андреевич протянул через стол телефонную трубку.

— Поговорить с кем-нибудь из вас хочет. Вот нахал! Служебный телефон использует.

Трубку взял Тимофей.

— Ребята! — раздался в телефоне булькающий голос Петра Петровича. — С допуском накладку вышла, извините! Я сам туда вечно без пропуска езжу... Допуск вам послан в Жигулевск на почтамт, до востребования. Вместе с ним я переслал два письма, которые пришли в редакцию на ваше имя. Теперь вот какое дело... Вы материал по первому пункту задания собрали? Очень хорошо! Вторую часть задания пока можете отложить. В обкоме партии просили срочно опубликовать очерк о лучшем экскаваторщике! Сможете написать на месте?.. Тогда прямо завтра садитесь и пишите!.. И тут же высылайте в редакцию! Сразу опубликуем! Желаю успеха!

7.

Письма, которые Тимофей и Пашка получили в Жигулевске на почтамте вместе с допуском на правый берег, были от Оли Костенко и, как ни странно, от Изольды Ткачевой. Пашке от Оли, Тимофею от Изольды. Вот уж это была неожиданность — письмо Тимофею от Изольды! Вот уж Пашка не ожидал ничего подобного! Вот уж смутился Тимофей!

— А ты, оказывается, темнила, — сказал Пашка на почтамте, когда узнал, от кого получил Тимофей письмо. — Ох, и темнила!

— Да ей-богу, Павел! — разволновался Тимофей. — Не ждал я от нее никакого письма. И чего она вздумала писать? И, главное, куда? В Куйбышев, в газету, где нас толком никто не знает.

— Тайный роман? — прищурился Пашка. — Любовь, скрытая от общественности?

— Перестань, Пашка, — густо покраснел Тимофей. — Какая еще любовь? Сходили два раза в музей вместе, и все.

— И вполне достаточно, чтобы засылать сватов к папе-дипломату, — продолжал развивать идею Пашка. — Сэр — то есть, простите, отныне папаша, — примите уверения в моем совершенном к вам

почтении, прошу руки вашей дочери, трам-там-тарара-рам! Банкет на сто кувертов и свадебное путешествие в Америку, где на лужайке посольского особняка проходило босонгое вашингтонское детство невесты.

— Ладно, заткнись, — успокоился Тимофей. — Сам хорош. Ты, кажется, тоже не очень-то рассказывал мне о своих отношениях с Ольгой.

— Отношениях?! Ну, ты и сказанул. Впрочем, конечно, конечно... Она же защищала меня на собрании, на котором ты изображал из себя бюрократа... Теперь мне все ясно. У нас, оказывается, с Ольгой роман. Вернее так: она влюблена в меня как в крупнейшего знатока творчества Льва Толстого. Хотя по этой причине в меня скорее должна бы быть влюблена Светка Петункина.

— Светка и на вокзал провожать нас пришла.

— Действительно. Как же я не понял этого? Вот болван! Придется завязать со Светкой интрижку на почве диалектики души. Я звоню ей и говорю: «Алло, Светочка, как у тебя с диалектикой души?» Она отвечает: «У меня все хорошо. Количество переходит в качество, а может быть, даже уже перешло. Начинается единство противоположностей. А как у тебя, Павлик, с диалектикой души?» Я отвечаю ей: «У меня, Светочка, очень плохо с диалектикой души. Хотелось бы разделить с кем-нибудь единство противоположностей. Но с кем? Не с тобой же, Светочка».

— Пашка, не ерничай.

— Да чего там «не ерничай»? Какие-то они у нас все малохолные, девичьи наши. Вот с Руфой я бы разделил единство противоположностей...

— Перестань, Павел!

— А что? Очень даже разделил бы.

— Не смей так говорить о Руфе! Она хорошая девчонка.

— Девчонка! Да ей замуж уже давно пора!

— Пашка, дам в морду! Не имеешь права так говорить о Руфе. Она... она мне нравится.

— Ах, вот как! С одной, значит, ходишь в музей, показываешь ей египетские мумии, а нравится в это время совсем другая. Как говорится, одну хороваем, вторая в уме...

— А Ольга?

— Что Ольга?

— Почему ты получил письмо именно от нее?

— Ваша образцово-показательная Ольга решила, наверное, благословить меня пионерским горным или барабаном.

Они вышли из почтамта и пошли в столовую обедать: Сев за столик, каждый разорвал свой конверт.

Оля Костенко писала Павлу Пахомову:

«Здравствуй, Павлик. Почему-то захотелось написать тебе... Вы уехали с Тимофеем позавчера, а вчера у нас в общежитии на Стормынке собралась почти вся наша пятая французская. Решили отметить начало каникул. Сидели у нас в комнате. Светка, Сулико и я как хозяйки накрыли стол скатертью, собрали со всего этажа ножи, вилки, стаканы, тарелки. Наши, стромыньские — Степан, Рафик, Фарид и Лека Белов, — пришли со своей картошкой в «мундире» и воблой, а москвичи, Эрик и Боб, притащили пиво. Потом появилась пара — Галка Хавзнер и Юрка Карпинский (у них, кажется, роман — вот это новость! к свадьбе что ли дело идет?). Словом, начался пир горой. Мы со Светкой сделали винегрет, а Сулико взяла взаймы у каких-то своих земляков с юридического факультета целую кастрюлю лобио — замечательная грузинская еда. Первый тост произнес Боб Чудаков. Он сказал, что по традиции надо выпить за странствующих и путешествующих.

Сначала никто даже не понял — о ком это он? Все с удивлением смотрели на него. И тогда Боб объяснил нам, непонятливым, что предлагает выпить за тебя и Тимофея — за тех, кто в пути! Тут все заговорили, загалдели, стали высказывать вам всяческие пожелания. Мы со Светкой рассказали, как вы уезжали. Все очень смеялись. Вообще о вас двоих говорили в тот вечер очень много. Я даже удивилась: как хорошо относятся все наши ребята к тебе и к Тимофею. Бравый наш староста Алексей Белов сказал, что вы молодцы, так как не испугались никаких трудностей. Он даже сделал своеобразное программное заявление в том смысле, что в будущем всем нам предстоит много ездить — такая уж наша журналистская судьба, какая же может быть журналистика без разъездов? И вот вы — ты и Тимофей — первыми из всех нас вступили на тернистый путь журналистских странствий по белому свету... Потом слова попросила Сулико. Она сказала, что у них в Грузии настоящим мужчиной считается тот, кто не сидит дома, под теплой крышей, а выходит на тропу опасностей и приключений. Тут все ребята загалдели: «Что же мы, по-твоему, не настоящие мужчины, если остались в Москве, если нас пока никто никуда не посылает?» Сулико разъяснила: мужчина, сказала она, должен быть воином и путешественником. Он не должен ждать, когда ему скажут другие, с кем надо воевать и на какую дорогу надо выходить. Сердце настоящего мужчины само должно просить опасностей и дороги. Мужчина должен уходить из дома и возвращаться домой. Его должны ждать. Причем ждать с победой, преодолевшего дорогу, победившего своих противников и врагов. «За настоящих мужчин!» — так сказала наша черноокая красавица Сулико Габуния... Тут же поднялся Рафик Салахян. Он говорил только о тебе. Он обвинил всех нас в том, что мы были несправедливы к тебе тогда на собрании («Кроме тебя, Оля», — сделал жест в мою сторону Рафик). Паша Пахомов, сказал он, всегда был поэтом. И тогда, когда он писал стихи, и тогда, когда начал увлекаться спортом. Потому что главная черта поэта — это страсть. Поэт все должен делать со страстью, с увлечением. Страсть — вот главная дорога в храм творчества. Страстями увенчаны лучшие достижения человеческого духа — именно так сказал наш курсовой поэт... Страсти украшают мир, сказал Рафик. Сами по себе они уже являются человеческими свершениями. Эти его слова я запомнила точно — неплохо сказано, правда? И да здравствует, закричал Рафик, одна из самых веселых и беспокойных человеческих страстей — страсть к путешествиям и приключениям!.. Немедленно вскочила Светка и заговорила о том, что, когда ты лучше всех ответил на экзамене по литературе, когда ты всем утер нос и показал, что глубже всех понимаешь значение и роль Льва Толстого, она, Светка, даже влюбилась в тебя... «Паша Пахомов», — сказала Светка, — самый живой, самый естественный, самый смелый человек среди нас всех. Он ничего не боится — ни деканата, ни выговоров, ни опасностей дороги. Он всегда чем-то напоминал мне Наташу Ростову...» Эрик Дарский утверждал, что из тебя вышел бы очень хороший кинорежиссер, если бы ты поступил учиться после десятого класса не в университет, а в институт кино. У Пахомова непосредственное отношение к жизни, объяснил Эрик. Он ни к чему не относится предвзято, заданно. Он не равняется на образцы, на стереотипы, а ко всему ищет свое, индивидуальное отношение, а это, мол, самое главное в искусстве... Галка Хаузер сказала, что мы все просто завидуем Пашке и Тимофею, но в данном случае это хорошая за-

висть. Пашка и Тимофей дали всем нам хороший урок. И поэтому Павел и Тимофей — пример для всех нас, мы все должны им подражать.

«Таким образом, — закричал Боб Чудаков после этих Галкиных слов, — мы отчетливо видим перед собой три поколения для подражания — Павел Власов, Павел Корчагин и Павел Пахомов!»

Ох, как тут обрушился на него Степан Волков! Он сказал, что все мы городские трепачи и болтуны, что у нас нет ничего святого, что мы все готовы острить и балагурить по каждому поводу, а между тем разговор-то у нас идет очень серьезный: как овладеть своей будущей профессией. Он лично, Степан Волков, считает, что совсем не обязательно в студенческие годы бродяжничать по белому свету — надо учиться, набираться знаний, потому что какой же может быть хороший журналист без современных знаний, если он не постиг самые высокие образцы человеческой мысли? Мы всё шутим, кричал Степан Волков, надо всем подсмеиваемся, тратим время на всякую чепуху — сколько на одних собраниях переливаем из пустого в порожнее, сколько разглагольствуем о том, в чем ни уха ни рыла не смыслим! А между тем государство конституционно гарантирует нам образование уже на пороге жизни, уже в молодости... И какой же Павел Пахомов, к черту, пример для подражания, когда он эту гарантию, записанную в Конституции, прошаляпил, прогулял, пробежал в спортивном зале, увлекаясь своим баскетболом? Он еще локти себе будет кусать, этот Павел Пахомов, когда поймет, как безвозвратно ушли университетские годы, он еще проклянет себя за свою беспечность и беззаботность, он еще пожалеет, что потратил столько времени для получения знаний, что не ценил каждый день и каждый час своей студенческой жизни, он еще бросится наверстывать упущенное, да будет поздно, потому что юность уже ушла... Когда все разошлись и мы со Светкой и Сулико убрали остатки пиршества, я легла, но долго не могла уснуть. Почему-то вспомнила тебя на первом курсе — подтянутого, строгого, вежливого, с комсомольским значком. Ты был тогда удивительно симпатичным парнем — учился на сплошных пятёрки, вел общественную работу, всегда был причисленным, аккуратным, предупредительным, ходил на все лекции и семинары, увлекался французским языком, а потом... А потом с тобой что-то началось, чего я никак не могла понять все эти годы. Может быть, у тебя менялся характер — «ломался» голос, как говорят про певцов, когда они в детстве поют ангельскими голосами, а потом вдруг начинают «рычать» хриплым басом? Не знаю, не знаю... Может быть, все это было естественно и ты просто проходил какие-то закономерные стадии развития? Во всяком случае, мне кажется, что сейчас этот период у тебя закончился. Впрочем, прости за нравоучения. Вам, наверное, там приходится нелегко. Мне почему-то очень хочется увидеться с тобой, когда вы вернетесь с Тимофеем. Не знаю, как и сказать об этом, но ты мне всегда нравился, Павлик. И даже тогда, когда ты начал прогуливать и задираваться со всей нашей группой. Все эти годы в университете мне казалось, что в тебе что-то есть очень индивидуальное, не похожее на других... Ну, вот, о нашей вечеринке я, кажется, написала целую корреспонденцию... До свидания, Павлик! До встречи в Москве.

Ольга Костенко.

Р. С. Я верю, что у вас с Тимофеем все получится так, как вы это задумали. Вы все-таки у нас

действительно молодцы. Взяли и нарушили тишину и спокойствие, взяли и поломали привычный стереотип каникул. Я думаю, что именно это так и «завело» всю нашу пятую французскую, поэтому все так много и говорили о вас с Тимофеем... Сейчас я почему-то подумала о том, что в жизни большинство людей живут по общепринятым правилам. Но есть и другие люди, которые живут по иным, не менее хорошим, очевидно, правилам. Они приходят к ним не по чьей-либо указке, не по советам умных педагогов, а сами... Какая из этих категорий лучше, какая приносит больше пользы народу и обществу, пока не знаю. Но очень хочу знать».

А Изольда Ткачева написала Тимофею Голованову такое письмо:

«Здравствуй, Тимофей. Как вы там путешествуете по берегам Волги? Признаться, я была весьма удивлена, когда узнала, что ты отправляешься вместе с Пахомовым в эту авантюрную поездку. Кажется, мы собирались сходить с тобой во время каникул в театр? Но я ни в чем не упрекаю тебя, мужские дела есть мужские дела, а у женщин тоже имеются свои маленькие заботы. Позавчера я наконец вырвалась вместе с Инной и Жанной в Дом моделей. Три часа просидели на демонстрации новых фасонов, было несколько интересных моделей. Я заказала себе кое-что, надеюсь, тебе понравится. Хотя ты, по всей вероятности, теперь уже окунулся в новый, провинциальный стиль, и тебе безразлична такая несущественная область жизни, как моды... Сказать откровенно, я до сих пор поражена твоим парадоксальным решением — ехать куда-то на край света. И когда? В каникулы. Их осталось у нас совсем немного, университет скоро будет окончен. И поэтому надо ценить каникулярное время, надо как-то умно и весело развлекаться в эти дни, отдыхать от зурбержки, от факультетской обстановки... Ну, скажи положи руку на сердце, зачем тебе все это? К чему подобный эпатаж почтенного общества? Зачем это хождение в «народ», которое со стороны для всех выглядит вздорным мальчишеским капризом? Зачем тебе-то «ходить в люди», когда ты и так постоянно находишься в гуще общественных и комсомольских дел? У тебя устоявшийся, прекрасный мужской характер, цельный и твердый, ты давно уже определил свои привязанности и вкусы. Почему же все это нужно подвергать каким-то дополнительным испытаниям и проверке? Не понимаю... Мы с Инной и Жанной ездили вчера к Руфе на дачу. Ехали очень хорошо, на двух машинах — нас везли на собственных автомобилях два приятеля Руфы (ревнуешь?), какие-то международники, которые оказались такими же трепачами, как и наш Боб Чудаков. Приехали и застали у Руфы целую компанию. Довольно элегантные мальчики, весьма импозантные девочки. Дача большая, двухэтажная, в гостиной есть даже камин, на полу лежит шкура белого медведя. Пришел отец Руфы, генерал-лейтенант авиации, поздравил нас с окончанием сессии и началом каникул. Потом нас пригласили в столовую. Стол был накрыт очень солидно — хрусталь, серебро, фарфор. Наша Инна разошлась, начала хохотать, рассказывать анекдоты, объявила мне, что влюблена в нашего старосту Лешу Белова. «Он очень энергичный», сказала Инна, — а я вообще люблю энергичных мужчин, особенно военных». Вот это новость, подумала я, как стали раскрываться наши девицы к последнему курсу... Говорят, что Галка Хаузнер задумала женить на себе Карпинского — это мне Руфа по секрету

сообщила, у них ведь с Галкой жуткая вражда. И будто бы всё у Хаузнер с Карпинским уже на мази... Ай да Хаузнер-Кляузнер! Решила взять судьбу в свои руки и не ждать милостей от природы... Гости, приехавшие до нас, начали собираться на станцию. Все разошлись, а мне стало почему-то грустно. Я вспомнила тебя и подумала: ну, зачем он уехал? Как хорошо, если бы он был сейчас рядом... Потом пришла Руфа, мы сели около камина (сняли туфли и забралась с ногами на тахту) и начали сумерничать. Огонь в камине горел так уютно, так красиво заглядывали в большое окно мохнатые лапы елей со снежными шапками, так таинственно было в комнате без света, что я была почти счастлива... Мы долго молчали, а потом Руфа вдруг и говорит мне:

— Ты знаешь, Изольда, мне очень нравится Тимофей. И я, кажется, тоже нравлюсь ему. Я заметила, как он однажды посмотрел на меня на семинаре, и сразу все поняла.

Меня как громом поразило. Собственно говоря, из-за этого разговора я и пишу тебе письмо с описанием всей нашей поездки и светских развлечений на даче.

— Я ходила провожать Тимофея на вокзал, — говорит Руфа, — и мы обменялись взглядами.

Я молчу, как каменная.

— Тимофей чуть не попал под колеса, — говорит Руфа, — когда они уезжали. Сели сначала не в тот поезд.

— Как под колеса? — не выдержала я. — Что с ним случилось?

И тут, видно, голос выдал меня.

Руфа посмотрела на меня очень внимательно и спрашивает:

— Ты тоже его любишь, Изольда, да?

Я опустила голову.

— Я догадывалась об этом, — сказала Руфа, — вы с ним ходили вместе в музей.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

— Об этом все знают, — ответила Руфа.

А утром прикатили на электричке Эрик и Боб и рассказали про вечеринку по поводу окончания сессии в общежитии. Я рада, что не пошла — такие застолья с правдоискательскими речами не в моем духе... Потом мы все пошли гулять в лес. Эрик и Боб тут же начали бегать вокруг нас по кустам, как зайцы, прыгать, как кенгуру, трубить, как лоси, рычать, как тигры, ухаты, как филины, визжать, как обезьяны, мычать, как бизоны, — словом, издавали такой шум, треск, гвалт, вой, рев и гам, как будто где-то открыли ворота зоопарка и выпустили на волю жителей всех клеток сразу. Потом началось всеобщее барахтанье в снегу. Руфе даже слегка оторвали от пальто ее шикарный норковый воротник. Эрик и Боб встали на четвереньки, начали лаять, выть, скулить, махать «хвостами», терлись о ноги хозяйки Руфы, изображали из себя верных четвероногих друзей — получалось у них это очень естественно. Все уже вымокли к тому времени в снегу, пора было возвращаться... Эрик и Боб, эволюционировав от четвероногих друзей к двуногим разумным существам, — это уже получилось у них с натугой, — помчались наперегонки на дачу готовить по заданию Руфы мангал и шампуры для шашлыков... Вообще Руфа дома совсем-совсем другой человек, чем в университете. Мы ее с этой стороны очень мало знаем... Шашлыки удались на славу. Все проголодались, и мясо истребили без остатка. Потом был организован концерт балетной музыки. Все развалились по диванам, а Боб и Эрик ставили пластинки и в своем илфо-петровском «репер-

туаре» вели сатирический комментарий — либретто так называемых «производственных балетов».

Описывая эту часть нашего пребывания на даче, я кое-что добавляю и от себя, как бы тоже пробуя свои силы в жанре пародии... Когда мы жили с отцом в Америке, я очень любила читать по-английски сборники пародий. И вот решила использовать здесь свой американский опыт.

Итак, начинаю свою первую в жизни пародию.

— Приступаем к прослушиванию современной классической музыки, — говорит Боб. — Сельскохозяйственный балет в трех актах. Название: «Гроза в колхозе», или «Буря над коллективом», или «Противоречивые удои»... Краткое содержание балета: танцует на площади перед сельсоветом лучшая полевая бригада. Сверкают серпы и косы, стучат грабли, полощется на ветру передовой лозунг. Внезапно появляется тракторист Андрюша. У него нет запчастей. Уныл и горек одинокий танец Андрюши, печальны его невысокие прыжки, безвыходны и безнадежны отчаянные пируэты...

— После одного из пируэтов Андрюша падает, — добавляет Эрик.

— И засыпает, — предлагает Боб.

— Действие балета переносится в Москву, — говорит Эрик. — Широкое народное гулянье перед открытием ГУМа. Красочной вереницей проходят перед зрителями фольклорные танцы — неаполитанский танец, венецианский танец, грузинский танец, узбекский танец и, наконец, народный танец сельских жителей, приехавших в Москву на экскурсию за баранками.

— Слышен перезвон колоколов, — подхватывает Боб. — ГУМ открывается. Звучит величальная в честь высокой торгующей организации. Группа дружинников фотографируется на фоне Лобного места. Возвращаемся в колхоз... Некоторое время сцена пустует... Возникает знакомая мелодия. Музыка навевает элегические, но вполне оптимистичные мысли о том, что все противоречия в конце концов будут разрешены именно неантагонистическим путем...

— Внезапно вбегает знатная доярка Вероника, — предлагает Эрик.

— Правильно, — соглашается Боб, — за ней вбегает рыжая корова Анжелика...

— За ней гонится пастух-ударник Ильюша...

— За кем? За коровой?

— Нет, за дояркой...

— Вдали в лугах слышно голодное мычание, — скороговоркой продолжает Боб. — Это оставленное без присмотра стадо наиболее характерным для себя способом передачи информации жалуется, что Ильюша в личных целях бросил свой производственный участок... Из сельсовета высыпает нарядно одетые члены правления. Лица их радостно возбуждены — они только что приняли решение. С юношеским задором становятся они в пары. Льет плавная музыка. Мелодия ненавязчиво, как бы исподволь, доносит до нашего слуха содержание принятого решения. Гармонично звучит тема результатов голосования. Ансамбль скрипок укрепляет в нас догадку о том, что оно было, по всей вероятности, единогласным. При одном воздержавшемся — в партитуре это место обозначено глухим рокотом барабана. Задумчив и увлекателен неторопливый хоровод членов правления. Согласованность их движений наводит на мысль, что план будет не только выполнен, но и... Впрочем, не будем забегать вперед и договаривать в нашем кратком либретто каждую мысль до конца. Оставим простор для домысла и воображения зрителей... Конец первого акта.

— Увертюра ко второму акту, — начинает Эрик, — выражает сгустившиеся противоречия. Тревожные звуки литавр напоминают о невыполненных обязательствах...

— Тем временем тракторист Андрюша, у которого бездействует трактор, влюбляется от нечего делать в знатную доярку Веронику, — вступает Боб. — Вероника растеряна: Ильюша или Андрюша? Выручает паде-труа, то есть танец маленьких телят...

— Исполняют учащиеся первого класса хореографического училища, — сообщает Эрик.

— В телячьих судьбах, — продолжает Боб, — видит Вероника разрешение всех своих сомнений. Теперь ее танец бодр и жизнерадостен. Одновременно Вероника берет дополнительные обязательства — вырастить не только всех колхозных телят, но и также всех козлят, утят, цыплят, индюшат, поросят, гусят, жеребят и даже верблюжат...

— Отвергнутый Андрюша неистовствует, — подхватывает Эрик. — Земля горит у него под ногами, он не хочет работать на тракторе без запчастей... Заключительный танец Андрюши развязан и дик. Прыжки его высоки, но выше трактора не прыгнешь... Отчаянные пируэты Андрюши выражают известную народную мудрость: как пируэты ни крути, а план выполнять все равно надо...

— А из полей тем временем возвращается лучшая бригада, — говорит Боб. — Снова задумчивый танец перед сельсоветом. Шуршат колосья и злаки, падают с неба снопы, непрерывно растут на фоне силосных башен стога и копны, противоречиво, но неудержимо ползет вверх кривая удоев...

— Конец второго акта, — говорит Эрик. — В начале третьего акта противоречия сгущаются еще сильнее. В колхозе очень плохо обстоит дело со сдачей кефира и ацидофилина...

— Третьего акта не надо, — говорит Руфа, — пора разъезжаться, ребята. У родителей сегодня много гостей будет. Я вместе с вами в город поеду.

...Вот вам, уважаемый товарищ Голованов, репортаж о начале каникул в великосветском обществе на даче у Руфы, написанный вашей спутницей по экскурсии в музей Изольдой Ткачевой... Интересно, если судить по этому репортажу, получится из меня журналистка? Как ты думаешь?.. Эрик и Боб с их склонностью к юмору, сатире и гротеску наверняка станут фельетонистами. А мы, что будет с нами?.. Очень хочется как можно быстрее начать работать и ускорить приближение нашей взрослой жизни.

Одним словом, не только вы там у себя на берегах Волги набираетесь журналистского опыта. Мы тут в Москве тоже делаем пробу пера, хотя и шутиливую. Но, что поделаешь — других впечатлений пока нет... Очень хочется поговорить, Тим... О многом. Жду тебя.

Изольда».

8.

Павел Пахомов и Тимофей Голованов возвращались в Куйбышев. Очерк о лучшем экскаваторщике был написан и отправлен в редакцию.

В последний раз шли Пашка и Тимофей по улицам Жигулевска. Морозные дымки поднимались над крышами домов. С вершины горы Могутовой доносился грохот камнедробильного завода. Слышались вздохи и удары невидимых в тумане копров на перемычке. Над котлованом будущей гидростанции, над клубами пара, огнями электросварки, как всегда, гремела музыка Бетховена.

На центральной площади, возле здания управления строительством, где Павел и Тимофей рассчитывали пристроиться на какую-нибудь попутную машину, идущую на левый берег, было пусто. Павел и Тимофей целый час простояли на площади — ни одна машина не проехала мимо. Все сильнее и сильнее становился мороз. У Пашки с его элополучными сапогами начали мерзнуть ноги.

— Скажите, пожалуйста, а почему сегодня машин совсем нету? — обратился Тимофей к вышедшему из здания управления человеку в белом дубленом полушубке.

— А вам куда ехать?

— На тот берег.

— Не уедете, — уверенно сказал человек в полушубке.

— Почему?

— Сегодня все машины брошены на перевозку бетона. Мороз увеличивается, сорок градусов к вечеру будет. Твердеет бетон на зазоде.

— А рейсовый автобус?

— Отменен, холодно... Если вам срочно нужно на тот берег, идите к самому спуску и ждите почтовую машину. Она скоро должна пройти.

Человек в полушубке посмотрел на Пашкины сапоги и покачал головой:

— Впрочем, в такой обуви ехать сегодня на левый берег я вам не советую. Опасно.

Поскрипывая толсто подшитыми валенками, он ушел. Тимофей вопросительно посмотрел на Пашку.

— Вернемся в гостиницу?

— Иногда, — бодро сказал Пашка, постукивая сапогом о сапог. — Из-за каких-то паршивых сорока градусов возвращаться? Удачи не будет. Пошли на спуск.

Пройдя несколько кварталов, они вышли на берег Волги. Улицы были пустынные, словно вымерли. Мороз разогнал жителей города по домам.

Стояли на спуске еще минут двадцать. Пашка прыгал на месте, поджимал ноги, выбивал чечетку. Тимофей хмуро наблюдал за ним.

В конце улицы показалась идущая к Волге крытая брезентом полупортка с белой почтовой полосой наискосок на борту.

Пашка и Тимофей вышли на дорогу и подняли руки. «Почта», не останавливаясь, мчалась прямо на них. Тимофей сделал шаг назад.

— Не отходи, — сказал Пашка, не опуская руки, — а то не остановится.

Полупортка, дребезжа и подпрыгивая, была уже совсем рядом. Пашка твердо стоял на самой середине улицы.

Машина резко затормозила.

— Чего надо? — заорал шофер, высовываясь из кабины. — Уйди с дороги!

— Айда в кузов! — крикнул Тимофею Пашка и побежал вокруг машины.

Он бросил в кузов свой рюкзак и схватился за задний борт. Тимофей тоже бросил в кузов рюкзак, но в это время машина, взревев мотором, тронулась с места.

От неожиданности Пашка выпустил борт. Машина запрыгала по дороге.

— Садись на ходу! — закричал Пашка Тимофею.

Машина уходила вперед.

— Куда же он? — кричал на бегу Тимофей. — Там же наши вещи!

Рванувшись, Пашка в два прыжка догнал грузовик и снова вцепился в кузов. Шофер со скрежетом переключил скорость, и «почта» убистрила движение.

Пашка оглянулся. Тимофей бежал в тяжелых валенках в двух шагах от него, широко открывая и за-

крывая рот. Пашка отцепил одну руку от борта и протянул ее Тимофею. Группкомсорг Голованов ухватился за Пашкин рукав.

Машина шла под спуск все быстрее и быстрее. Пашка притянул Тимофею к борту.

— Хватайся за кузов! — крикнул Пашка.

Тимофей, выпучив глаза и судорожно держась за борт, волокся на заплетающихся ногах за машиной. Он уже не мог бежать (никакой ширины и быстроты шагов не хватало, чтобы удержаться за полупортку). Машина почти тащила Тимофею по земле.

Пашка, подтянувшись на руках, кувыркнулся в кузов, и тут же, свесившись за борт, схватил Тимофею двумя руками за воротник пальто.

Грузовик бешено несся под спуск. Пашка, напрягшись до боли в животе, оторвал Тимофею от дорожки. Группкомсорг оказался тяжел на весу. Пашка изо всех сил тащил его к себе в кузов. Тимофей висел в воздухе, колотаясь лицом, головой, руками и ногами о задний борт. Пашка чувствовал, что еще секунда — и он выронит лучшего друга из рук, и Тимофей, ударившись о дорогу, разобьется на таком ходу насмерть.

Всклипнув, Пашка рванул Тимофею на себя и вдруг с ужасом почувствовал, что Тимофей выскальзывает из пальто: голова Тимофея уходила в глубину ворота.

— Пашка! Пашка! — полузадушенно захрипел Тимофей. — Что ты делаешь?!

— Да лезь же ты сам! — отчаянно завизжал Пашка, понимая, что еще секунда — произойдет непоправимое...

Ни Пашка, ни сам Тимофей потом так и не могли понять, что же произошло... Но в последний миг, почувствовав, что он вываливается из пальто, Тимофей, вонзившись ногтями пальцев (перчатки он уронил) в деревянный борт машины, невероятным усилием не рук и вообще не тела, а каким-то диким порывом всего своего естества рванул вверх, перелетел через борт и, сбив Пашку, покатился вместе с ним по дну кузова.

«Почта» на ураганной скорости мчалась вниз по крутому волжскому откосу. Вылетев на лед и ни на секунду не притормаживая, она понеслась по ледовой дорожке вперед, в мглистое морозное марево. Кузов швыряло на выбоинах из стороны в сторону. Какие-то брезентовые мешки, запечатанные большими свинцовыми пломбами, катились по кузову справа налево и слева направо. Пашка и Тимофей, не пытаясь даже сопротивляться, обессиленные и безразличные ко всему на свете, катились вместе с мешками по днищу, больно ударяясь друг о друга.

Так прошло минут десять. Придя наконец в себя и собравшись с силами, Пашка приподнялся и с ненавистью посмотрел на кабину грузовика. Окно кабины было наглухо забито досками и зарешечено.

— Тим, что же это? — хрипло крикнул Пашка. — Что он делает?

Тимофей лежал с закрытыми глазами. Лицо его было изранено, в нескольких местах виднелись большие кровавые ссадины.

Кузов бросило вверх. Пашка упал на мешки. Тимофею швырнуло на Пашку.

Еще бросок. Безвольно мотнувшись, Тимофей ударился головой в борт.

— Сволочь! Гад! Преступник! — захрипел Тимофей. — Останови его, Павел! Он же убьет нас!

Пашка пополз к кабине. Но она была недосягаема. Каждый раз после очередного швырка кузова Пашка оказывался отброшенным назад. Он пробовал еще и еще раз, перебираясь через Тимофею, приблизиться к кабине, но все попытки были напрасны.



И в Пашке проснулась злость. Та самая, которая родилась в его сердце однажды на баскетбольной площадке в «матче века», когда «ню-хива» начала проигрывать команде мастеров.

Непонятно как, но все-таки вскочив на ноги, Пашка бросился вперед на кабину и схватился руками за решетку на окошке. Очередной бросок кузова тут же свалил его с ног, но решетку Пашка не выпустил из рук. Приспособившись к толчкам и швырякам, Пашка улучил минуту и грохнул несколько раз кулаком в забранные решеткой доски.

Взвизгнули тормоза. Машина прошла несколько метров юзом и остановилась. Хлопнула дверца. Голос откуда-то сбоку:

— Кто в кузове? Выходи!

Пашка и Тимофей поднялись и, пошатываясь, дви-

нулись к заднему борту. В двух шагах сбоку от машины стоял шофер. В руках у него было ружье.

— Ах, это вы! — с перекошенным от злости лицом крикнул шофер. — А ну, вниз! Живо!

Похоже было, что он действительно не знал, что в кузове у него оказались пассажиры.

— Что вы делаете? — хрипло заговорил Тимофей. — Зачем вы так быстро гоните? Вы же искалечите нас...

— Прыгай на землю, падла! — еще сильнее перекосился лицом шофер. — Кому говорят?

— В чем дело? Чего орешь? — слабым голосом спросил Пашка, с недоумением глядя на шофера. Шофер выругался и передернул затвор.

— Прыгать! Немедленно! Стрелять буду!



Пораженные этой нелепой угрозой и еще ни о чем не догадываясь, Пашка и Тимофей перелезли через задний борт.

— Послушайте,— начал было Тимофей, но шофер тут же перебил его:

— Руки на голову! Кто такие? Беглые? — частил он свирепой скороговоркой.— В мороз отвалить реши-ли?

И тут Пашка понял, что он принимает их за убежавших из какой-то колонии осужденных.

— Ты что психуешь? — с ненавистью заговорил Пашка.— Мы из газеты, журналисты. У нас докумен-ты есть...

Он сделал шаг вперед и хотел было сунуть руку за пазуху, но шофер вскинул ружье.

— Руки! Не подходи! Стрелять буду, сволочь!

— Мы никакие не сволочи,— глухо сказал Тимофей, напряженно глядя на прыгающий в руках шофера ствол,— мы студенты Московского универ-ситета...

— Студенты? — скрипнул зубами шофер.— Не та-кие ли студенты, как вы, шофера на соседней строй-ке убили?!

— Да не дури же ты! — не выдержав, сорвал с головы шапку Пашка.— Разуй глаза! Видишь воло-сы? Разве осужденные с такими волосами ходят?

— У вас, сволочей, и за проволокой придурков волосатых полно!

— Ну, проверьте в конце-то концов наши доку-менты! — отчаянно крикнул Тимофей.

— Я проверять, а ты мне нож в горло?.. У меня трое детей, падла бездомная! У меня в машине поч-

та, деньги, переводы!.. Оружие есть? Бросай на землю!

— Нет у нас никакого оружия,— устало сказал Пашка.— Нечего бросать.

— Не хотите? — ощерился шофер.— Дело ваше... К машине не подходит! А еще раз на ходу влезете — пристрелю! Без предупреждения!

— Что вы делаете? — испуганно сказал Тимофей, показывая на Пашку.— Посмотрите, он же в сапогах... У него же ноги отмерзнут!

— Из-под проволоки лез, о ногах не думал,— усмехнулся шофер,— а теперь забеспокоился, да? Волю почуял?

— Неужели ты вольных от беглых отличить не можешь? — со злостью спросил Пашка.— Кто тебе только, дураку, оружие дал?

Шофер, ничего не отвечая и не опуская ружья, пятился к кабине. Потом, все так же стоя лицом к Пашке и Тимофею, влез на ступеньку, поставил ногу на педаль газа, взял ружье в одну руку, а второй рукой и свободной ногой завел мотор.

— У нас вещи в кузове! — закричал Пашка.

— Не подходи! Стрелять буду!

— Стреляй, гад! — рванулся вперед Пашка.

Шофер вскинул карабин и выстрелил в воздух. Одинокое эхо глухо лопнуло над огромным пространством скланной льдом Волги, покрытой морозным туманом.

Тимофей схватил Пашку сзади за плечи, дернул к себе.

— Не надо, Павел, не надо! Он же ненормальный! Он убить может!

— Тимка! — дрожал всем телом Пашка.— Там же все наши блокноты, все записи!..

— Не надо, Паша, не надо! — дрожал, как и Пашка, Тимофей.— Мы все потом вспомним, все восстановим в памяти!..

«Почта» с белой полосой наискосок на борту двинулась с места.

— Назад идите! Года по три накинута за побег, не больше! — кричал шофер, по-прежнему стоя одной ногой на ступеньке, держа в правой руке ружье.

— Отвечать за нас будешь, негодяй! — закричал Пашка и ткнул в сторону машины кулаком.

— Вы людей убивать будете! — кричал шофер.— А потом жалости просите? На слезу жмете? Урки проклятые, жулье чертово, бандюги, рецидивисты!

Он быстро нырнул в кабину, и полторка, взревев мотором, рванулась вперед.

Пашка и Тимофей, не сговариваясь, бросились за «почтой», но бежать было бесполезно. Машина, стремительно набирая скорость, уходила в туман и вскоре совсем растворилась в нем — только стук мотора доносился еще некоторое время из белесого морозного марева, а потом затих и он.

Павел Пахомов и Тимофей Голованов стояли одни посреди застывшей в белом ледяном безмолвии Волги.

— Блокноты жалко, — сказал наконец Пашка.— Столько писали, писали, и вот...

Тимофей, опустив голову, молчал.

— Пошли, — сказал Пашка.

— Куда? — понуро спросил Тимофей.

— Обратно, в Жигулевск... До того берега, наверное, в два раза дальше...

— Как твои ноги?

— Нормально, — сказал Пашка, постукивая сапогом о сапог.

— Хочешь, надень мои валенки?

— А ты как же?

— У меня-то ноги все время в тепле были.

— Спасибо, Тим, не надо.

Они вышли на дорогу и двинулись обратно. Бельный туман обступил их со всех сторон. Легкая поземка крутилась вокруг ног, заматавая дорогу. Тишина вокруг была вязкая, вечная, абсолютная. Казалось, что весь земной мир плотно прижат сверху свинцовым прессом пустого стилого неба.

...Они прошли минут десять, и Пашка начал все чаще и чаще постукивать сапогом о сапог. Потом он пробежал несколько метров вперед и вернулся обратно.

— Мерзнут? — спросил Тимофей, глядя на Пашкины ноги.

— Есть немного.

Мороз усиливался. Туман густел, оседал, давил на голову и плечи. Спина деревенела от монотонных однообразных движений.

Тимофей, потерявший перчатки, шел сгорбившись, нагнувшись вперед, глубоко засунув руки в карманы пальто. Он все время сжимал и разжимал пальцы рук. А Пашка, наоборот, двигался, неестественно выпрямившись, откинувшись назад, сильно и почти безразлично выбрасывая перед собой сапоги. О ногах он вроде бы уже и не думал. Вначале, на каждом шагу стараясь напрягать и расслаблять ступни, Павел ощущал каждую ногу от колен и до самых кончиков пальцев, но потом идти таким способом стало трудно, и он, «потеряв» колени, только слабо шевелил иногда пальцами, а потом и пальцы «ушли» куда-то...

Начало задувать. Туман потемнел и наполнился густоющей фиолетовой изморозью. Ветер лез в рукава и за шиворот цепким цинковым холодом.

Пашка сделал шаг за Тимофеем и вдруг не почувствовал под собой ноги — дорога исчезала. Пашка выкинул вперед вторую ногу — дороги не было. Пашка упал.

— Тимка! — слабо позвал Пашка.— Тим!..

Тимофей, не оборачиваясь, уходил вперед.

— Тимка!! — изо всех сил закричал Пашка.— Тимка!!

Тимофей остановился, прислушиваясь. Медленно повернулся и, увидев лежавшего на снегу Пашку, пошел к нему. Не вынимая рук из карманов пальто, Тимофей опустил к Пашке согнутую в локте руку. Пашка схватился за Тимофея и выпрямился.

9.

Свет двух автомобильных фар возник из тумана, как два белых пристальных зрачка нереального, неземного желтоглазого призрака.

Машина — крытая брезентовым каркасом полторка — затормозила. Из кабины выпрыгнул человек в черном овчинном полушубке и, энергично скрипя валенками по снегу, подошел вплотную к Пашке и Тимофею.

— Вы откуда? — тревожно спросил он.— Кто такие?

— Мы журналисты, корреспонденты из областной газеты, — забормотал Тимофей, — нам нужно на левый берег...

Тимофей полез под пальто и вытащил командировочное удостоверение. Человек в черном полушубке подошел к фарам, бегло прочитал бумагу.

— Ладно, потом разберемся. Полежайте в кузов. Тимофей показал на Пашку.

— Ему нужно в кабину. У него ноги отморожены.

— В кабине женщина с грудным ребенком. Лезьте скорее в кузов. Там полно всякого тряпья. Сними с него сапоги, закутай ноги. Пускай потерпит.

Если стоит сам, значит, не очень поморозил, только прихватило.

Он обошел вместе с Пашкой и Тимофеем, подерживая Пашку под руку, вокруг машины.

— Сергунь! — зычно позвал шофер.

Полог над задним бортом откинулся, и показалась бородатая голова в лохматой шапке с опущенными ушами.

— Тут я, — бодро ответила бородатая голова.

— Помоги людям подняться. Тут обморозился один. Разуй его, тряпок наверти на ноги.

Бородатый Сергуня, старик лет шестидесяти, протянул вниз руки и без труда поднял в кузов сначала Пашку, а потом и Тимофея.

— Оба здесь! — крикнул он шоферу, уже пошедшему к кабине. — Оба два! Трогай!

В темноте крытого кузова сначала ничего нельзя было разобрать. Ощущалось лишь рядом сытое, чесночное, немного хмельное дыхание старика Сергуни и кислый овчинный запах, шедший от его тулупа.

— Где ноги-то у тебя, браток? — хлопотал Сергуня, стоя около Пашки на коленях. — Ага, вот они. Ну-кося, давай сапожок твой сьемем... Так, теперича в тряпицы ее обернем... Давай, вторую... Есть вторая. Мотай на ее побольше, тряпья хватает... Суй под меня ножонки. Сунул? Теперича терпи, я на их сидеть буду.

— Может, растереть сначала? — спросил Тимофей.

— Сами разойдутся. Ты гуляй, парень, пальцами, шевели ноготками. Слышишь ноги-то?

— Нет, не слышу, — сквозь зубы ответил Пашка.

Сергуня снял рукавицы и, достав Пашкину ногу из тряпья, цепко взял ее крепкими шершавыми руками.

— Э, парень, холодный ты здорово, — забеспокоился старик. — Тогда вот чего: лезь ногами ко мне под куфайку, клади их на пузо, оно теплое.

Машина быстро шла по дороге, подпрыгивая на оледеневших снежных ухабах. Тимофей, двинувшись в темноте вдоль борта, неожиданно наткнулся еще на чьи-то ноги в валенках. Вглядевшись, он различил в углу кузова человеческую фигуру, закутанную с головой в бараний тулуп.

— Тут еще кто-то есть, — удивленно сказал Тимофей, усаживаясь около валенок.

— Да это баба, сноха моя, — объяснил бородатый Сергуня. — Две их со мной. Одна в кабине с дитем, а эта тут угрелась. Родить тоже скоро будет. Мужики-то, сыновья, на заработках, а я с бабами в деревне кручусь.

Он толкнул Тимофея рукой.

— Ты подваливай к ней, она тоже теплая. А брюхо у нее поболее моего будет.

Сергуня радостно засмеялся.

— Настёна, — позвал он сноху, — погрей человека, не убудет от тебя.

Фигура в тулупе не шевелилась.

— Ты сделай доброе дело, Настя, — продолжал старик, — на сносях бабам положено добро чужим людям оказывать, от этого ребенку польза бывает.

Пашка лежал в полузабытьи, на спине, касаясь затылком вороха соломы. Он не совсем ясно представлял, что происходит с ним и вокруг него. Нервная вспышка во время столкновения с водителем почтовой машины — ружье, угроза стрелять, — все это отключило в голове какие-то предупреждающие об опасности центры. Тупое шагание по замерзшей Волге через метель усугубило подавленное состояние. Мелькнула страшная мысль: если с ногами действительно будет плохо, тогда прощай сразу все — и

факультет, и баскетбол, и журналистика. Ах, как это было все глупо, нелепо, бездарно, неосмотрительно — влететь с размаху в первую попавшуюся, чужую, совершенно незнакомую машину! Какое мальчишество, какой детский сад!

Случайная встреча со второй машиной на замеченной пургой дороге, среди снега, ветра и льда была не похожа на правду. Правдой была почтовая машина, искаженное злобой лицо, дуло ружья, направленное прямо в грудь, выстрел в воздух и робкое, испуганное эхо, слабо лопнувшее в тумане... Вторая машина была несерьезна, нереальна, сказочна, она была из прежней жизни, в которой все кончается хорошо, все разрешается благополучно — вовремя приходит спасение, выплывает из тумана желтоглазая помощь, уверенные руки поднимают тебя в кузов, разуваяют, кладут твои мерзлые ноги к себе на живот...

Да, все это было из прежней жизни, лопнувшей винтовочным эхом в тумане. Новым оказалось понимание, что все может внезапно и непоправимо перемениться — это начиналось с выстрела над Волгой.

Неуправляемые эти мысли зигзагами молний метались перед Пашкой, погружая его в зыбкую пелену отчаяния, слабости и полусна. Сознание тревожно витало над ним чужим косматым облаком.

...А над Тимофеем журчал веселым родником голос старика Сергуни:

— У нас в деревне женщины, когда в положении ходят, всегда нищим кусок подают. Примета есть такая среди баб — ежели слабому или убогому от себя на сносях помощь окажешь, значит, ребеночек твой в добром здравии родится. От многих бед будет в жизни спасенный. А ежели баба скупится на сердце, пока дите в себе носит, тогда плохо дело. Злыдня родит, или непутевого, или невезунка. Сама с ним намеется, и от людей, когда подрастет, добра не жди. Примета эта проверенная, точная. Спокон веку блюдется.

Тимофей слушал, засыпал, просыпался от толчков, нежился в тепле сладкой усталости. Он лежал на днище кузова на груде тряпья. Головой Тимофей устроился на валенках снохи Настены. От валенок пахло жилим — избой, коровой, молоком, печкой, хлебом... Сама Настена за всю дорогу ни разу не изменила положения. Похоже было, что она тоже уснула. Сквозь стойкий дух резина едва уловимо веял на Тимофея от снохи Настены слабый аромат чего-то женского — чего именно, Тимофей разобрать не мог.

— А еще на свадьбу примета есть, — продолжал говорить Сергуня. — Идут молодые, скажем, из женихова дома или в невестин дом входят... Тут в строгости надо смотреть, чтоб никто промеж них с дурным глазом не встрял. Потому как суются многие, особенно ребятишки. Ежели мальчонка, скажем, сяди между женихом и невестой пробежит, надо его споймать и по затылку треснуть. Заплачет — лить невесте слезы, смолчит — будет в доме мир и порядок. А ежели девочка промеж молодых пролезет — надо ее одарить. Кладешь перед ей конфету и ленту. Чего первое возьмет? Ленту — муж гулять вскорости от молодухи начнет; конфету — не будет у мужа никого на свете слаще, чем законная супружница.

Тимофей посмотрел на Пашку. Он лежал навзничь перед Сергуней. Старик засунул Пашкины ноги себе под стеганую ватную фуфайку и нательную рубаху и, прижимая их локтями с двух сторон к себе, грел Пашкины ступни у себя под мышками. Лицо у Сергуни было благостное, шапка-ушанка съехала на затылок, старик почесывал бороду и улыбался.



— А перед войной был у нас в деревне такой случай. Пошел один мужик с кумом на пруд карасей рыбалить. Раз прошлись с неводом — пусто. Второй раз — опять пустыря тянут. А как завели в третий раз — глядь! А в сеть нечистая сила попала. Кум невод бросил и без порток в кусты. А мужик энтот, про которого я рассказываю, страсть какой жадный был. Жалко ему стало сеть, он ее из рук и не выпускает. Нечистая сила невод на себя тянет, в глыбы, а мужик на себя, к берегу... Кум кричит из кустов: «Лукич, отдай ему невод, душу спасай!» А Лукич крепкий был, как бугай. В молодые годы мешки на мельнице таскал, потом в кузне с кувалдой лет десять жарился... Как рванул сеть на себя, так нечистая и вылезла из пруда... Водяной! Весь в перьях... Кум со страху вдарился через кусты. А у Лукича руки-ноги отнялись — ни бечь, ни

кричать не может... Выпустил он невод, нечистая — хлюп! — и ушла в воду вместе с неводом. Да-а... Приходит Лукич в деревню, ищет кума. А тот на печи сидит, забился в угол... Лукич говорит куму: давай заявлению в милицию напишем, пускай ловят водяного, отбирают у него нашу сеть. Кум только отмахивается — какая милиция? Они с нечистой не знают... Тогда Лукич к попу за десять верст пошел. Так и так, говорит, требуется молебен отслужить об отнятии у сатаны невода. Поп его за ворота. Но Лукич, конечно, упрямый был мужик, как гусеничный трактор. Решил он сам нечистую изловить. Взял ружье и пошел с ночи на пруд. Чтоб, значит, на заре водяного энтото подкараулить. Они в ночи, неумытые, известное дело, по дворам шастают — ведьмачут, то есть христианские души с панталыку сбивают, а на зорьке к себе вертаются, в омут...

Вот ходит наш Лукич ночью, ходит вторую, ходит третью. Никого нет. Ходит неделю — пустой номер. Еще неделю — все тихо. В деревне над ним уже смеются. Лукич-то, говорят мужики, за неумытиком охотится, а к его бабе по ночам сосед в окно скребется — у него с нечистой договоренность имеется. А днем, пока Лукич спит, сосед водяного отрубями с берега кормит, благодарит то есть. Да-а... Но все же Лукич своего часу дождался. В одно утро сидит он на пруду, а водяной — вот он, выплывает около камышей. Опять же весь в перьях. Ручища огромные, в разные стороны растопыренные, и сеть Лукичеву в руках держит. А в сети рыбешка мелкая поблескивает. Пока, значит, Лукич его по ночам караулил, он его неводом ершей себе на уху ловил. Лукич приложился — бах! Нечистая крутанулась и в глыбь ушла. Не пондразилось... На другое утро опять выплывает с неводом на том же месте и опять в перьях. Лукич его с обоих стволов медвежьим жаканом. А тому хоть бы што. Нечистая, она и есть нечистая. Ушел в омут. Лукич зовет



с собой мужиков, которые посмелее. Пошли. Хотели кума с собою взять. Потому как он был первый свидетель. Да тот с печи не слезает, заикаться стал. Да-а... Приходят. Ждут. Выплывает. В перьях. С неводом. Из себя весь зеленый. И ручища волосатые, на три метра в стороны раскиданные. Будто объять всех хочет и за собой утянуть. Мужики, конечно, бегом обратно в деревню. Теперь уже поверили, потому как своими глазами видели. Ну, понятное дело, пошли разговоры по всей округе. А пруд был у нас не один, их несколько было, и все друг с дружкой соединенные, проточные. Три деревни на этих прудах стояло. Да-а... Из соседней деревни говорят — мы тоже, мол, видели водяного. Он у нас утят да гусят таскает. Дошло дело до района. Приезжает комиссия. Прочли, конечно, лекцию — бога нет, черта нет... Как же нет черта, говорят мужики, когда он у нас в пруду живет? Бабы белье полоскать на пруд бояться ходить. Требуется меры... Ну, комиссия идет на пруд. Стояли, стояли — никого нет. Нечистая, конечно, притаилась. С комиссией связываться не пожелала. Боязно: в районе, понятное дело, народ грамотный, не то что в деревне. Так ни с чем и уехала комиссия... Лукич собрался было уже в область писать, в пожарную охрану, чтобы защитили православный народ и невод вернули, но тут приезжает к одной нашей деревенской старушке внучок-морячок с товарищем на побывку. Послушали они все разговоры про водяного и говорят: а мы его поймаем. И что вы думаете? Через три дня поймали...

— И кто же это был? — неожиданно громко спросил Пашка Пахомов.

— А-а, обмороженный, — засмеялся Сергуня. — Ожил? А была это огромная щука. Двести лет жительства ей потом в музее определили. Как она к нам в пруды попала — никто объяснить не мог...

— А какие же у щуки могут быть руки? — спросил Тимофей. — Да еще волосатые? Да еще на три метра в стороны раскиданные?

Сергуня, как опытный рассказчик, сделал паузу.

— А это была не простая щука, а особенная. Сидел у нее на спине мертвый орел. Видать, он ее сверху в пруду разглядел, когда она в наших краях объявилась, кинулся, вцепился когтями в спину, а подняться вверх не сумел — тяжелая щука была, старая. Сил у орла на нее и не хватило. А когти вытащить уже не смог, так сильно вонзился ей в спину. Ну, щука и утащила его на глубину. Сильнее орла оказалась. Он у нее на спине с раскинутыми крыльями захлебнулся и окостенел. И наматалась на эти крылья разная чепуха — растения всякие, водоросли, а потом и лукичевский невод. Два года щука с мертвым орлом на спине плавала, из музея потом сказали. Поначалу, видно, отлеживалась на дне, раненая была, да и тяжело с непривычки было такой груз на себе возить. А потом пообвыкалась и всплывать начала — утят и гусей таскать. А тут и Лукич со своим неводом подоспел...

— Как интересно, — сказал Тимофей. — Один хищник напал на другого хищника, а получилось...

— А получилась нечистая сила, — сказал старик Сергуня. — Промеж людей тоже так бывает.

Потом долго ехали молча.

Тимофей ни о чем не спрашивал у Пашки с той самой минуты, когда Сергуня сказал: «Клади ноги на пузо, оно теплое». С этой самой секунды Тимофей Голованов понял: ему не надо больше заботиться о Пашке. Забота о нем перешла в более опытные, а главное, более мудрые руки.

И еще Тимофей твердо поверил в ту минуту, что с ногами у Пашки будет все в порядке. Если бы Пашке грозила опасность, Сергуня сразу почувство-

вал это, остановил бы машину, развел костер и спас Пашкины ноги. Но он этого не сделал. Значит, он знал, что с ногами все будет в порядке.

Машина остановилась.

— Эй, корреспонденты! — крикнул водитель. — А вам куда?

— Их тоже ко мне вези, — быстро сказал Сергуня. — Куды им деваться в таком виде? Подлечиться надо немного, обогреться.

— Ну, лады, — сказал водитель и пошел к кабине.

— Нам вообще-то в Куйбышев надо, — тихо сказал Пашка.

— Куда тебе, милоч, сегодня в Куйбышев, — усмехнулся Сергуня. — Сейчас мы ножонки твои проверим, на свету на их поглядим.

— А вы где живете? — спросил Тимофей.

— В деревне у себя живу.

— А до Ставрополя от вашей деревни далеко?

— Рядом. Да вы не сумлевайтесь. Переночуете, а завтра Митрий, — старик кивнул в сторону кабины, — заедет и отвезет вас к автобусу.

Взревев мотором, полуторка начала подниматься с ледовой дороги вверх, на волжский берег. Теперь машина шла медленнее, делала повороты, часто сигнажила. Наконец, остановилась.

— Прибыли, — удовлетворенно сказал Сергуня. — Настена, просыпайся — деревню проедешь.

Валенки под головой Тимофея зашевелились. Тимофей сел, потом встал на колени, выпрямился.

— Слышь, браток, — обратился к нему старик, — друга твоего мы здесь обувать не будем, сапоги на его сейчас не влезут. На руках в избу снесем. Ты ему ножонки-то обмотай тряпьем.

Водитель Митрий откинул задний борт. Сергуня помог сойти на землю снохе Настене, похожей в своем тулупе на копну, потом сказал Пашке:

— Садись на самый край. Сымать тебя сейчас будем.

— Да я сам дойду, не беспокойтесь, — хорохорился Пашка.

— Сам с самой у меня в хлеву сидит, — строго сказал Сергуня. — А ты делай, чего говорят.

Сергуня и Митрий отнесли Пашку в дом и посадили на лавку. Изба была большая, разделенная перегородками на несколько комнат. В центре возвышалась огромная белая печь, вся уставленная многочисленными горшками и чугунами.

Сноха Настена и вторая сноха, вылезшая из кабины с завернутым в одеяло ребенком, быстро разделались и начали греметь около печи чугунами и ухватками. Сергуня и шофер Митрий носили из машины в сени какие-то большие и, видимо, тяжелые мешки. Тимофей помогал им. С непривычки Тимофей споткнулся о высокий порог и чуть было не уронил первый же доверенный ему мешок, но потом приноворился и таскал мешки довольно прытко, будто занимался этим делом всю жизнь.

Машина уехала. Сергуня вошел в избу, сбросил полушубок, телогрейку, шапку-ушанку и оказался могучим кудлатым стариком в ситцевой рубашке в синий горошек. Он сел на табуретку напротив Пашки и положил Пашкины ноги к себе на колени.

— Ничего особливо страшного у тебя нету, — сказал Сергуня, ощупывая Пашкины пальцы и пятки, — я это сразу понял, как только ты мне их на пузо положил. Но береженого бог бережет. Отдельные места может захватить. Сейчас мы тебе все жилы обглядим, все проверим... Настена! Угли готовые?

— Готовые, батюшка, несую! — откликнулась от печки беременная сноха Настена.

Она положила на пол перед Сергуней большой металлический самодельный противень, густо усыпанный мигающими угольками.

— Молодцы у меня бабы,—удовлетворенно сказал Сергуня, оглаживая бороду,—сами все сделали, без лишнего приказа. Понял, каким лекарством я тебя буду лечить?—Он разровнял кочергой угли на противне и решительно сказал Пашке:—Ставь ногу!

Пашка размотал тряпки и хотел уже сунуть ногу на противень, но в последнюю минуту раздумал.

— Что так-то?—удивленно спросил Сергуня.—Боишься?

Пашка поставил ногу на угли, но держал ее ровно одну секунду и тут же отдернул.

— Ха-ха-ха!—засмеялся Сергуня.—Живая нога-то, понял? Главная жила цела. Ставь вторую.

Пашка поставил вторую ногу и сразу отдернул ее.

— И вторая жива. Плясать можешь. Теперича пальцы надо обмазать, на всякий случай... Настена! Прими угли, давай аптеку!

Сноха Настена унесла противень и принесла большую плетеную корзину с разнокалиберными пузырьками и склянками. Сергуня открыл одну из них, зацепил корявым пальцем большой кусок мази и стал смазывать пальцы на Пашкиных ногах.

— Самодельное зелье, на травах,—объяснил старик,—я сам варил. Старуха моя, когда жива была, по оврагам травки собирала, а я варил. Такую лекарству в городе с фонарем не найдешь.

Закончив врачевание, Сергуня поднялся.

— Все, парень! Вставай смело на ноги и шествуй. Пальцы твои останутся целые. Правда, кожа кое-где по одному разу сойдет и два-три ногтя слезут, но зато все остальное будет в целости. В танцоры можешь записываться.

Сергуня унес «аптеку», вымыл руки под висящим около печи умывальником, расчесал голову и бороду и спросил у снохи:

— Настена, а где мои рыбацкие валенки?

— Здесь они, батюшка. Я уже принесла.

Она поставила на пол огромные, вручную, видно, скатанные валенки с самодельными калошами.

— Надевай,—сказал Пашке Сергуня.—Между прочим, тоже самодельные. В запрошлую зиму, на рождество, как раз я их и сваял. И калошками, видишь, какими красивыми обклеил. Обувка — первый класс. Я в них зимой на Волгу за судаками хожу. Цельный день на льду сижу, и хоть бы что. Ноги — как у Христа за пазухой. И не стынют и не мокнут.

Пашка просунул ноги в валенки. Были они такого размера, что в каждом совершенно свободно уместилось бы еще по одной ноге.

— Не маловаты? — улыбнулся Сергуня.— Не жмут?

— Жмут, конечно,—улыбнулся в ответ Пашка,—но ничего, потерпим.

Снохи позвали ужинать. Сергуня, Пашка и Тимофей сели в кухне за маленький неудобный столик, под который нельзя было поставить ноги. Снохи стояли около печи.

— А вы разве с нами не будете? — вежливо спросил Тимофей у женщин.

— Они потом будут, с ребятишками,—сказал Сергуня.—Ну,—Сергуня поглядел на Пашку.—бог к тебе на этот раз смиростивился. Но больше так не шути и в сапожках зимой на Волгу не вылазь. Потому что два раза бога за бороду дергать нельзя. Он этого не любит. Старик строгий... Гневить не надо, может осерчать.

Закусывали солеными груздями, мороженой клюквой, вареной картошкой и салом. Потом сноха Настена поставила на стол большую железную миску с тремя огромными кусками мяса.

— По мясам,—торжественно объявил Сергуня и первый и взял кусок из миски.

Снохи сноровисто принимали со стола пустую посуду. Сергуня быстро разделался со своим куском, истово грыз кость, потом выколотил ее на стол, сгреб вареный мозг левой рукой на правую ладонь и отправил в рот.

Сноха Настена аккуратно собрала со стола все растерзанные кости и понесла их во двор собакам. Вторая сноха обносила мужчин глубокими глиняными мисками с дымящимися щами.

— Большое вам спасибо,—сказал Тимофей,—за гостеприимство, за угощение, за помощь...

— Чего там спасибо,—огладил Сергуня бороду.—Кажный человек другому помощь оказывать, ежели чего случается. На том вся земля стоит и род людской держится.

Сергуня хлебал щи неторопливо, прожывая каждую ложку от миски ко рту куском хлеба снизу. Доев щи, Сергуня облизал деревянную ложку и положил ее на стол.

— Молочка кислого не желаете? — спросил он у Пашки и Тимофея.

— Нет, спасибо большое,—сказал Пашка, посмотрев на Тимофея.—Мы уже и так сыты. Спасибо.

— А я выпью,—сказал Сергуня, улыбувшись.

Сноха Настена подала ему литровую крынку, и Сергуня одним махом осушил ее.

— Ну, вот и слава богу,—как бы подвел старик итоги прожитого дня.—Все сытые, здоровые — чего еще надо?

Он встал из-за стола и пошел к печи. Пашка и Тимофей повернулись к снохе Настене.

— Спасибо за обед,—почти в один голос сказали Пашка и Тимофей.

— И вам спасибо,—поклонилась им Настена, тяжело сгибая свою располневшую фигуру.

— А нам-то за что?—удивленно спросил Пашка.

— За то, что хлеб-соль нашу кушали,—объяснила Настена,—не побрезговали деревенским.

Пашка посмотрел на Тимофея и ничего не ответил. Первый раз в жизни хозяева благодарили Павла Феоктистовича Пахомова за то, что он исправно и прилежно ел их еду.

— Слышь, ребята,—позвал от печи Сергуня,—идите-ка сюда.

Пашка и Тимофей подошли к печке.

— Значит, так,—сказал Сергуня,—на печи будем спать втроем. Вы к стенке лезьте. А я с краю лягу. Там тулуп есть — вы им накройтесь.

Пашка и Тимофей залезли на печь. Тимофей лег у самой стены, Пашка рядом. Сергуня не ложился. Он сел около печи на лавку, достал моток дратвы и начал протягивать ее.

Пашке была видна вся кухня. Снохи, убрав за мужчинами, вывели из горницы к столу ребятишек. Детей было пятеро — два мальчика и три девочки. Сидели за столом они все тихо, а если кто-нибудь начинал громко просить хлеба или ложку, сноха Настена показывала пальцем на печку, а потом прикладывала его к своим губам.

Печь дышала снизу теплом. Пахло крестьянскими запахами — молоком, хлебом, сеном, овчиной. Старик сидел около печи на лавке. Женщины кормили за столом детей. Конструкция извечного человеческого бытия во всей своей исчерпывающей законченности предстала вдруг перед Пашкой Пахомовым настолько полной, настолько не нуждающейся ни в каких дополнениях, что у него даже защемило в глазах.

— Тим,—тихо сказал Пашка,—завтра в Куйбышеве будем...

Тимофей не отвечал. Он уже привык сразу засыпать на новом месте.

ПЕТР
БЕГИН



Капуста Циолковского

На столе у купца —
семга, сало, грузди...
Он живет для того,
чтобы есть да пить.
В огороде гения растет капуста —
надо что-то есть, чтобы жить...
Ах, Калуга, луговая, захолустная!
Выживем, придумаем что-нибудь.
Млечный Путь над головой —
огород капустный.
Под ногами огород —
Млечный Путь!
Гений сыт звездами.
В трубах телескопов
капустные созвездия — гости в дом.
Еще вся Россия — огород невоскопанный.
Нынче огород — скоро космодром.
Гений ест капусту, а купцы — пузаты.
Судьба себя как хочет, так и ведет.
...Долгий след ракеты, как рукоять лопаты,
всаженной
в космический
огород...

Убей в себе зверя

Охотник выходит, проверив ружье,
тайгу подчинив глазомеру.
Постылое, трижды остынет жилье —
он вышел на дикого зверя.

В нем кровь горяча и весел азарт,
в нем страсть мехового дохода.
А медные кедры ему говорят:
«Куда ты, опомнись, охотник!

У каждого зверя, как и у людей,
своя красота, своя вера.
Не будь изувером и не убей.
Охотник, убей в себе зверя!..»

Убей в себе зверя! —
я вторую тайге,
речь кедра достойна примера.
Мечтаю о друге — не о враге.
Убейте, враги, в себе зверя!
Зачем в тебе волчье, человек,
сгрызает Гомера!
Великий мой век,
безумный мой век,
убей в себе зверя!

Я женщину больше свободы любил —
красивые волчьи очи.
Зачем я ее избавить решил
от атавистической порчи!

Простите мне, люди, прости меня, век,
такое и не приснится —
как в женщине

вскинулся
человек,
собой заслоняя волчицу!

Я к ней прихожу.
«Добрый день!» — говорит,
улыбчива и надменна.
Но вижу я — в ней волчица сидит
и воет по убиенной...

Большую водой проходят года.
Шагренева жизни материя...
Себя или зверя убью я, когда
решусь убить в себе зверя!

Шарик для дочки

Вот шарик тебе, дочка,
вот чудо голубое,
подобие глоточка
свободы и покоя.

Вы с ним чисты кристально,
он оживлен тобою —
твое дыхание стало
для шарика душою.

Ах, что это за сила —
быть с чистою душою,
раз рвется шарик синий
обняться с синевою!

Того гляди — взвоется..
А наш бесценный шарик,
который ты только-только
начинаешь открывать для себя,
с восхищением тараща
свои шмелиные глаза,
наш единственный,
неописуемо-прекрасный

старый шарик,
того гляди — сорвется
с незримой ниточки орбиты
и рухнет в тартарары...

Давай с тобой привяжем
твой синий шарик, дочка,
к чему — не так уж важно:
к трубе или кусточку,

вдруг сможет он такое,
чего никто не может
и шарик земному
он уцелеть поможет,

поможет удержаться,
ведь ты вдохнула душу...
О доченька, пожалуйста,
спаси и хлябь и сушу!

☆☆☆

От дочери светло, как от свечи.
Еще мала, как ёлочная свечка,
но свет ее

позволил различить
таинственные лики человечества.

Прожектора, лучина или звезда
не светят так, как этот безупречный
свет дочери —
жизнь без нее пуста,
как без свечи серебряный подсвечник.

В стремлении к будущему подобрать ключи,
что я сумел!

Одно, по высшей мерке —
мир стал светлей на свет одной свечи.
Все остальное требует проверки...

☆☆☆

Не нашлось у рябины силы
удержать на весу красоту,
надломила тяжелые крылья,
крылья красные на лету.
Что ж ты помощи не просила?
До морозов не дождала...
Красота не только красива,
красота еще и тяжела...
А ты — сильная!
Очи зимние
смотрят горестно и любя...
Лучше б ты была некрасивой,
я б спокоен был за тебя.
В этот год високосный снова
безысходно душа болит.
Ты стоишь под рябиной споманной,
и в глазах от рябины рябит...

Два самолета

Два самолета в небе ночном
встречные — огоньками мигают.
Женщина в белом — в одном, а в другом —
в красном. Они друг о друге не знают.
Мысль об одном и том же — о нем —
их объединяет.
Женщина в красном:

«Подонки и шваль,
чтоб ему пусто было...»
Женщина в белом:

«Любимый, как жаль,
что я так поздно тебя полюбила...»
Он же лежит, виноватый как черт
перед одной и другою.
То ли он выживет, то ли умрет,
миг — и его пополам разорвет,
словно за каждый тот самолет
крепко привязан душой.

☆☆☆

Хранительница очага,
ты разрушаешь очаг.
Синий огонь кипит в отчаянных очах,
Войтельница в любви, что драма тебе,
что срам!
И ты разрушаешь дом, чтобы построить храм.
Ты столько скопила сил в затишье своей души!
В твоей разрушительности —
таинство творчества.
Но прежде чем строить храм, приходи и сокруши
каменное мое, языческое одиночество...

Запрещенная любовь

1.

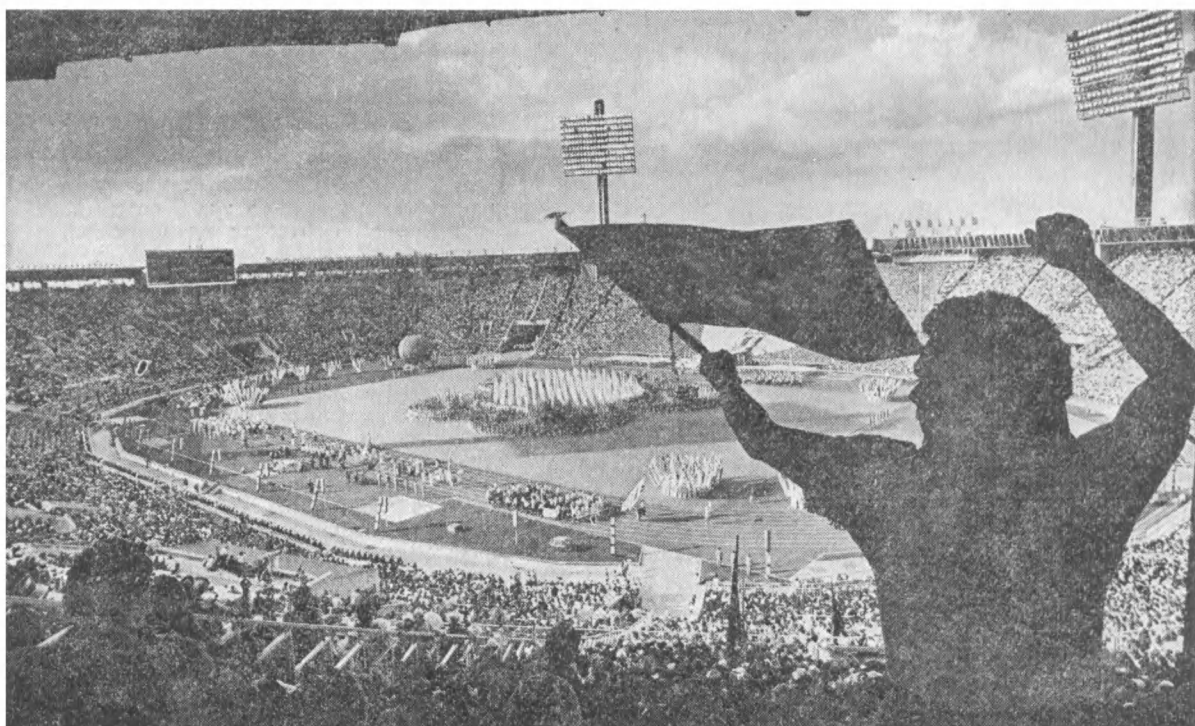
Мне глаза твои заказаны.
Мы с тобой запрещены,
мы в плену у этой сказочной,
этой страшной тишины.
Старый мир зовет покаяться.
Что он ведает про нас!
Синеока нелегальщица,
нелегальщик кареглаз.
Соловьи зимой не щелкают,
их для нас на свете нет.
Не любовью запрещенною
нарушается запрет.
И над нашими кочевьями,
тени в стороны гоня,
бесконечное свечение
незапретного огня...

2.

Да здравствует огонь,
в котором дыма нет!
В котором нам с тобой
предсказано гореть!
Он не огонь, а огонь!
Погибелью грозя,
он переплавить смог
в «разрешено» — «нельзя».
Над обжигом души
трудись, огонь, светлей!
И в ледяной глуши
теплей, теплей, теплей...

Преступление и наказание

Не каторжную тайгою,
где лучше не жить,
меня наказали тобою —
приговорили любить.
Я вскрою скорее, чем скрою,
причину не затемняя —
за прожитое не с тобою,
за пройденное без тебя.
Мне дали тебя, не сказали,
чем я нагрешил,
живое мое наказание.
Но я тебя заслужил!
И вовсе не во искупление
скажу перед высшим судьей:
«Да здравствует то преступление,
за что наказали тобой!»
И если такими путями
прийти суждено к просветлению,
да здравствует преступление,
да сбудется наказание!



Позади фестиваль, двенадцатый Всемирный. Позади жаркие споры и дискуссии. Дружеские встречи, полные радости и веселья. Новые выступления, новые знакомства. Новые взгляды на события, происходящие сегодня в мире... Разъехались участники и гости фестиваля, унося в сердце уверенность в завтрашнем дне планеты — уверенность, которая у многих родилась и окрепла в эти незабываемые дни.

*Фоторепортаж
Л. Шимановича*

МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ



Открытие фестиваля
на Центральном стадионе
имени В. И. Ленина.

«Мы за мир!» — эти слова
на всех языках планеты
звучали в праздничной Москве.

Международный парк искусств
радушно принял гостей
из разных стран.

На улицах фестивальной
столицы.



ВЛАДИМИР
МОРОЗОВ

Ж

мало изобретений тормозится на стадии внедрения. «Мой собственный печальный опыт,— пишет нам инженер Л. Зиман из Кишинева,— говорит о том, что внедрить прогрессивную разработку чрезвычайно трудно». Об этом же повествует не менее печальный опыт других наших читателей.

В официальном письме Госкомитета по делам изобретений и открытий,

КАК ВЫГОДНОЕ СДЕЛАТЬ... ВЫГОДНЫМ

«Почему выгодное невыгодно» — так назывался очерк Владимира Морозова, опубликованный на страницах нашего журнала в № 5 за 1984 год.

В нем шла речь о трудной судьбе изобретений известного астраханского новатора Александра Стаханова и о проблемах технического творчества вообще.

Публикация вызвала большое количество откликов. С некоторыми из них мы познакомили читателей в январском номере «Юности» за 1985 год.

Но затронутая журналом тема продолжает волновать людей, и прежде всего молодежь.

Письма от них идут и идут. Из последней почты мы выбрали наиболее характерные, посвященные проблемам внедрения, и решили сосредоточить свое внимание на них.

бретений и открытий, присланном в редакцию, о внедрении говорится немного. Основным средством улучшить положение там считают «повышение ответственности организаций, предприятий и учреждений за уровень разрабатываемых технических решений». А как повысить эту ответственность? Что конкретно нужно сделать? На эти вопросы ответов не содержится. Жаль также, что на приглашение редакции принять участие в обсуждении проблем технического творчества пока не откликнулись ни Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, ни одно из министерств. Им наверняка было бы что сказать. В этом убеждает обильная читательская почта. Определенная часть авторов писем склоняется к необходимости ввести жесткие административные меры. Ход мысли приблизительно такой: если кто-то не хочет заниматься внедрением, надо его заставить. Каким образом? Н. Аникина из Севастополя считает, что «надо ввести в план новый показатель, который отражал бы, как то или иное предприятие внедряет изобретения и рационализаторские предложения». Нет сомнения, что письмо продиктовано искренней заботой о пользе дела. Но велика ли будет польза? Ведь работники предприятий и без того жалуются на чрезмерное количество плановых показателей. Стремление регламентировать все стороны деятельности трудового коллектива лишает людей самостоятельности и инициативы, сковывает силы. Проводимый сейчас широкомасштабный экономический эксперимент предусматривает сокращение планируемых сверху показателей.

А вот что пишет А. Клименко из Фрунзе: «Пусть Госкомизобретений не только выдает авторские свидетельства. Надо дать ему такие права, чтобы он мог обязать и заставить министерства и предприятия внедрять изобретения. Все без исключения, которые у нас зарегистрированы. Тогда будет толк!»

Будет ли? Давайте подумаем.

Внедрять все подряд вряд ли нужно, а порой и невозможно. Какая-то часть изобретений так и останется на бумаге. Но это вовсе не значит, что труд авторов пропал напрасно. Их изобретения пригодятся при создании изобретений нового поколения.

Вообще когда дело касается экономики, то «заставить и обязать» не так-то просто, как это может показаться с первого взгляда.

Продитируем еще одно письмо. Его автор О. Татевосян из Еревана считает, что «в деле внедрения слишком мало строгости, не хватает настоящей требовательности. Надо почаще проверять деятельность



людей и организаций, отвечающих за этот участок работы. И поостроже с них спрашивать». В поддержку своего мнения он приводит акцию «Социалистической индустрии»: редакция этой газеты совместно с Госкомитетом по науке и технике, Госкомизобретений, Центральным советом ВОИР и ВДНХ СССР взяла под контроль внедрение одиннадцати крупных научно-технических разработок.

Но может быть, спросим мы, есть какие-то иные пути? Да, есть. По мнению авторов некоторых писем, — это фирмы внедрения. Одно дело, когда использование изобретений пытаются наладить сами предприятия, для которых главное — план, другое — специализированная организация, основная задача которой — внедрение.

С. Федоров из Новосибирска считает, что, «находясь на хозрасчете, такие фирмы до минимума сведут бумажную волокиту, в несколько раз ускорят использование изобретений». Спорить с этим автором не приходится. Его правоту подтверждает практика таких фирм, как бакинский «Новатор», таллинский «Эффект» и других. К их услугам охотно прибегают многочисленные организации и предприятия и получают при этом немалую выгоду. Фирмы разрабатывают технический проект, изготавливают саму новинку, помогают «вписать» ее в действующие цеха. То есть берут на себя все те заботы, на которые у самих производителей, как правило, не хватает сил и времени. Например, одна из таких фирм — опытное предприятие «Энерготехпром» — за сравнительно короткий срок внедрила на пятидесяти семи заводах новые технологические линии.

Достоинства фирм бесспорны, экономический эффект их деятельности велик. Но, к сожалению, в тех министерствах и ведомствах, которым фирмы подчинены, этим опытом не очень-то дорожат. Так, Министерство энергетики и электрификации СССР все более загружает «Энерготехпром» выпуском обычной серийной продукции. Лишь одна пятая часть потенциала фирмы используется сейчас на внедренческих работах. Существующая система оценочных показателей ставит на одну доску и обычный завод и опытно-экспериментальное предприятие. В результате у последнего остается все меньше времени «на опыты и эксперименты» — нужно выдавать план.

Очевидно, что для более плодотворной работы внедренческие фирмы должны иметь особый организационно-правовой статус, который ограждал бы их самостоятельность, не давал бы, так сказать, сбивать их с курса. Разработать такой статус — специальное положение об опытно-экспериментальных и других подобных организациях — задача непростая. Но ее решение позволило бы значительно улучшить использование изобретений.

Внедренческие фирмы — дело сравнительно новое. И поэтому интересно, какими читатели их себе представляют. По мнению того же С. Федорова из Новосибирска, «фирмы внедрения по масштабу должны быть сравнимы с такими гигантами индустрии, как «Уралмаш».

Но целесообразно ли создание «гигантов внедрения»? Кстати, сам-то «Уралмаш», как и другие крупные предприятия, меньше всего нуждаются в услугах внедренческих фирм. На гигантах индустрии действуют сегодня мощные научные подразделения и другие отряды специалистов, которые обеспечивают достаточно быстрое использование изобретений. Фирмы внедрения нужны в основном для обслуживания средних и мелких предприятий.

На совещании в ЦК КПСС (в июне 1985 г.) по вопросам ускорения научно-технического прогресса говорилось о необходимости «придать новый им-

пульс всей работе по развитию сети крупных научно-производственных объединений, которые должны стать подлинными форпостами научно-технического прогресса...»

Эффективной формой интеграции науки, техники и производства являются и комплексные межотраслевые научно-технические центры, создаваемые в составе Академии наук СССР по опыту Института электросварки имени Патона и других учреждений.

Важным условием успешной деятельности хозрасчетных фирм С. Сидоров и некоторые другие читатели считают оптимальную систему материального стимулирования, при которой выгодное для государства станет выгодным и для предприятия и для каждого отдельно взятого труженика. Все правильно. Разумная система стимулирования улучшит не только деятельность фирм, которых пока еще очень немного, но и многочисленных НИИ и КБ, заводов, комбинатов, объединений.

Хорошо известно, что реконструкция действующего предприятия значительно выгоднее, чем строительство нового. Эту истину надо помнить и в нашем случае: разница лишь в том, что у нас речь идет не о технической перестройке, а о «реконструкции» системы материального стимулирования, совершенствовании хозяйственного механизма вообще.

Необходимость такого совершенствования назрела давно. Это лишний раз доказывает приведенная недавно в газете «Правда» беседа с генеральным директором Ивановского производственного объединения В. Кабаидзе, о котором писала и «Юность». Блестящие успехи ивановцев широко известны. За их продукцией буквально стоит очередь, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. Как удалось этого добиться? На этот традиционный вопрос генеральный директор ответил довольно своеобразно: несколько лет пришлось потратить на то, чтобы в министерстве махнули на нас рукой и не мешали делать то, что мы внизу считаем нужным. За этой шуткой весьма грустная картина, знакомая, увы, многим производственным.

Речь, в частности, идет все о той же навязшей в зубах мелочной регламентации, которая по рукам и ногам связывает трудовой коллектив. О том, что слишком мало прав и возможностей имеют те люди, от которых непосредственно зависит успех дела. Такой порядок вещей должен быть и будет изменен — так ставит сейчас вопрос партия. «В целях ускорения научно-технического прогресса, — говорилось на июньском совещании в ЦК КПСС, — должна быть поднята роль основного производственного звена — объединения и предприятий, куда нужно перенести центр тяжести всей оперативно-хозяйственной работы...» И далее: «Нам нужен механизм, реально обеспечивающий преимущества трудовым коллективам, добивающимся успехов в ускорении научно-технического прогресса. Нам нужен механизм, который делал бы выпуск устаревшей... продукции невыгодным».

«Создание такого механизма, — пишет рабочий-строитель И. Скоробогатов из Иркутска, — поможет нам изменить часто встречающееся положение, когда обувщик не заинтересован в изготовлении хорошей обуви, текстильщик — в выпуске модной добротной ткани, инженер — во внедрении ценного новшества». Скоробогатову вторит москвич И. Архаров: «Намечаемый партией критический и комплексный пересмотр на государственном уровне всех составляющих хозяйственного механизма: систем и показателей планирования, материально-технического снабжения, ценообразования, заработной платы, премирования, уровня хозяйственной самостоятельности предприятий и т. д. даст нам возможность решить десятки назревших проблем».

Меры по совершенствованию хозяйственного механизма встречают живой и заинтересованный отклик «снизу». Обращает на себя внимание то, как оба автора сходным образом используют местоимение «нам». Нам — советским людям, нашему государству. Такая всеобщая заинтересованность — надежный залог успеха осуществляемой перестройки.



ГЕОРГИЙ
ДОЛГОВ

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ В ЧЕРНОЙ НОЧИ

Председатель профкома чувствовал себя неловко. Его смущал кот. Огромный рыжий зверь с белыми подпалинами сидел на полу и, прищурившись, неодобрительно поглядывал на нас узкими желтыми глазами. Проходя мимо него с очередными порциями бумаг, председатель каждый раз делал страшные глаза и угрожающе шипел. Кот на угрозы внимания не обращал. Он был старый и умный. Пока я листал папку со списками членов бригад, кот окончательно обнагдел: свалился на бок, вытянулся во всю длину и уснул. Председатель с этим безобразием смирился и перестал обращать на него внимание.

Но, рассказывая о становлении и развитии бригадного движения на предприятии, он все же изредка поглядывал на рыжего кота. И не столько, по-моему, осуждал, сколько восхищался его мудрым презрением к суеде окружающей жизни. По словам Эдуарда Васильевича, так звали председателя профкома, выходило, что с бригадами у них все обстоит вполне благополучно. Охвачено ими почти 80 процентов работающих, в большинстве коллективов успешно применяется коэффициент трудового участия. В общем, все хорошо. Примерно это я и ожидал услышать, поскольку успел заранее собрать кое-какую информацию о Петровском механическом заводе. По всему получалось, что с редакционным заданием удастся справиться довольно быстро. Дня через два можно будет проститься с этим городком, а вернее, поселком городского типа, где и гостиницы-то приличной нет.

— Так на ком остановимся?

— На ком хотите.

— Ну, все-таки... Может, возьмем самую первую бригаду? Она еще существует?

— А что ей сделается? Только лучше другую взять. У нас сейчас много хороших.

— Поменялась вся, что ли, первая-то? Или случилось чего?

— Да всего понемногу. И поменялась и случилось... И зачем вам электрики-наладчики? Лучше уж с основного производства, верно говорю. В том же первом механическом и найдем.

Основное так основное. Может, так оно и действительно лучше, им тут виднее. А с первой бригадой, значит, у них что-то не так. Бывает, дело житейское. Кто это ее возглавлял? Ага, Валерий Богорад. И, кроме него, еще три человека в бригаде. Негусто, прямо скажем. Пожалуй, действительно не стоит с ними связываться, хлопот потом не оберешься, а они мне нынче ни к чему. Задача совсем другая: оптимистическая и сугубо положительная. За пару дней, если нормально взяться, я ее раскручу и с радостью покину эту страну рыжих, лохматых зверей.

Вот и Эдуард Васильевич доволен моим решением. Пусть и ему будет хорошо. Пусть всем будет хорошо. Много ли человеку для счастья надо?!

Первый механический только так красиво называется, как у больших. На самом деле это длинное одноэтажное здание кирпично-барачного типа. Когда-то оно было выкрашено в зеленый цвет, а еще раньше — в розовый. Оба этих периода безвозвратно миновали, и теперь здание стоит, являя миру разноцветные заплатки своих стен. Внутри в нем невесело. Вовсю стучат старенькие автоматы, пол за долгие годы промаслен так, что двигаться по нему хочется на гусеницах. Делают здесь разную мелочь — от крошечных шайб до заготовок к металлическим пуговицам. Номенклатура, видимо, осталась от промкомбината, который и был реорганизован в завод. Но дело тоже нужное. Не всем же создавать атомные ледоколы и гигантские турбины. Кто-то должен делать и пуговицы.

У входа в цех высоченная, до потолка застекленная витрина. На ней разукрашенные цветными завитушками социалистические обязательства бригад и цеха, экран соревнования с ежедневым подведением итогов. Правда, в последние полторы недели их почему-то не подводили. Может, итогов не было, а может, соревноваться перестали, замирились на время. Дальше можно бы и вообще не ходить, потому что все мне будут обязательно называть и эти фамилии и эти цифры. Вот,

к примеру, бригада Муханова, которая мне нужна. Нормально идет, уверенно. Хотя в прошлом месяце ее и оставил некто Царев. А вот и Богорад. Тоже вполне прилично выглядит бригада. И чего они ее стесняются? Ладно, пусть сами разбираются.

Я пошел искать Муханова, героя моего, пока незнакомого. Спросил у парня, который работал на крайнем автомате, тот махнул рукой куда-то вдаль. Тогда я еще спросил, может ли он назвать бригаду, которая в прошлом месяце заняла первое место в социалистическом соревновании в цехе. Парень на секунду оторопел, потом так затряс головой, будто хотел, чтобы она оторвалась. Обычная история. Чем ярче и красочнее стэнд, тем меньше на него обращают внимания. В день, когда обновляют его содержание, народ, может быть, еще и посмотрит, просто из любопытства, а на второй уже забудет. Это проверено. Если то, что написано, лично человека не касается, он в голове держать не будет.

По пролету я скользил осторожно, стараясь на неожиданных виражах не хвататься за движущиеся части станков. Парень с первого автомата долго смотрел мне вслед. Видимо, вопрос поразил его в самое сердце. Подобного у него еще никто никогда не спрашивал. Наверное, он был убежден, что информационный стэнд является просто частью цехового интерьера, как, например, окна или потолок, и об его конкретной и сугубо утилитарной пользе он никогда не задумывался.

А Муханова все не было, все никак не мог я до него добраться. Вот уже и участок их токарный в самом конце цеха. Вот и станок его удалось обнаружить. Но станок не работал. Подошел сосед, человек совершенно неопределенного возраста в огромных защитных очках. На нем была щегольская тирольская шляпа и спедовка, замасленная до такой степени, что в электрическом свете она переливалась радужными полосами. Он прокричал в ухо, что Муханов отлучился по делу и сейчас должен подойти. После этого человек сверкнул своей радужной челуей и тоже пропал.

Я еще потоптался у пустого станка и отошел в сторонку. Там, в торце здания, была дверь с табличкой «электрики-наладчики». Я ее толкнул и очутился в маленькой комнатенке. Вдоль стен на узких стеллажах лежало разное электрическое барахло. В центре деревянный стол, и за ним сидел широкоплечий парень, чуть рыловатый. Полное лицо его дышало незамутненной уверенностью в себе и спокойствием. Он поднял голову от каких-то бумаг и равнодушно посмотрел на меня.

— Вы Богорад? — спросил я.

— Ну.

— Хотел с вами немного поговорить. — Я представился.

— О чем?

— О работе, о вашей бригаде.

— А вы что... — Он вдруг оборвал фразу на середине и уже резко продолжал: — Какие могут быть разговоры? Я занят. Смена идет.

— Хорошо. Давайте после смены поговорим.

— Не знаю я. Пусть начальство само решает. А то скажешь, а потом... Не знаю я, — повторил он еще раз и демонстративно уткнулся в бумаги.

Я еще постоял чуть-чуть и вышел. Богорад давать интервью не рвался. Почему? Славой, что ли, закормлен? Не похоже вроде. Вот ведь какой скромный и даже застенчивый. Впрочем, он мне и не нужен. Это я так, от скуки, от нечего делать в дверь заглянул. Я Муханова жаду, и вот он наконец появился. Хороший человек Николай Петрович, сразу

видно. Со всем соглашается, никаких у нас с ним проблем нет. Договариваемся встретиться после смены в профкоме. Там спокойно, тихо, уютно, там рыжий кот на полу спит.

Муханов пришел в назначенное время, не опоздал. Он уже переоделся и был весь из себя чистенький, аккуратненький, в полосатой рубашечке и пиджачке сереньком. Лицо у него не старое, но цвета какого-то земляного, в глубоких морщинах. А глаза темные, глубоко спрятанные, и волосы цвета алюминиевой проволоки, на косой пробор сваленные. Он достал сигареты «Астра», щелчком выбил одну из пачки, закурил.

— Ну, что?

Тут мы и начали беседовать. Разговор у нас какой-то странный пошел. Хотя вообще-то и не странный, обычный. Такой чаще всего и приходится вести. Беседа заключалась в том, что я говорил, а Муханов соглашался.

— Значит, ваша бригада существует уже больше года? — бодро заводил я.

— Ага. Больше года.

— В ней шесть токарей и вы все время вместе работаете?

— Ага. Работаем.

— С какими трудностями пришлось столкнуться, когда создавалась бригада?

— Ага. Трудности были.

— Какие? — не унимался я.

Николай Петрович долго молчал, закурил еще одну сигарету и после долгого раздумья сказал:

— Разные.

Такой вот у нас замечательный диалог происходил. Я понимал, что Муханову он дается трудно. И дело вовсе не в том, что ему нечего рассказать. Просто Николай Петрович совершенно искренне старался вспомнить не то, что было на самом деле, а то, что, по его мнению, мне нужно сообщить. Не он один так делает. Очень многие люди, с которыми приходится говорить по работе, придерживаются такой же манеры вести беседу. Почему-то им кажется, что они знают, что именно мне нужно услышать. А поскольку все обстоит как раз наоборот, то все беседы на этом начинают буксовать. Мне-то позарез нужно то, что Муханову кажется несущественным и не заслуживающим внимания или даже вредным. В преодолении этих противоречий мы и продолжаем общаться.

Бригада у них, кажется, «липовая». Создана по чисто формальным признакам и существует единственно ради парадной отчетности. Станочников вообще сложно собирать под одной крышей. Эффективность бригадной формы проявляется в полной мере тогда, когда конечным результатом труда коллектива является некий продукт. Не обязательно готовый тепловоз или атомный реактор. Это может быть и какой-то блок, узел, объем, как в добывающих отраслях промышленности. Это может быть безукоризненная работа линий, станков, механизмов, химических производств, как бывает у наладчиков или эксплуатационников на химических предприятиях. Но их работа тоже реализуется в конечном продукте, который производит обслуживаемая техника.

Можно, конечно, и станочников объединить. Но для этого требуются некие специфические условия. Хорошо, если люди заняты производством деталей больших серий, тогда их конечный результат можно определять по общему объему и качеству. Если же общего конечного продукта у коллектива нет, то его, на мой взгляд, можно с большим трудом называть бригадой — в том смысле этого слова, который

мы сегодня в него вкладываем. И совсем уж почти невозможно ожидать от такой бригады каких-то сдвигов по повышению эффективности производственной деятельности. Именно так и обстоит дело у Муханова.

Выпускают они всякую всячину, малыми сериями. Часто выполняют разовые заказы. Месячные объемы работы заранее, естественно, неизвестны. Что скажут, то и делают, лишь бы нарядов к концу месяца набралось побольше. Вообще после объединения в бригаду жизнь токарей, как я понял, не претерпела больших изменений. Получали они примерно столько же, так как по существующему положению каждому члену бригады должен быть обеспечен уровень заработка не ниже тарифной ставки. Они и обеспечивали.

Раз в месяц бригада собиралась на собрание, вроде как для определения коэффициента трудового участия — КТУ. Процедура эта не должна была отнимать у них много времени. Судя по справке, которую мне дали в бухгалтерии, в бригаде Муханова за все время ее существования КТУ всегда и у всех равнялся единице. И я подумал, что показатель этот был вполне объективным. Народ у Николая Петровича подобрался опытный, толковый. Явных и дерзких нарушений трудовой дисциплины они скорее всего действительно не совершали. Остальные же факторы, которые могли повлиять на снижение или повышение КТУ, просто не учитывались. Да и невозможно это сделать при их системе работы.

К тому же многие вообще смутно представляют себе, что это такое бригадный хозрасчет и какая от него может быть польза им, рабочим. Муханов, например, очень уклончиво отвечал на этот вопрос. И тут я понял, что на сегодня ему хватит разговоров. Жалко стало человека.

Нам с Николаем Петровичем по пути, и мы идем не спеша по улице, вдоль маленьких, в три окна по фасаду, деревянных домиков. В палисадниках густо растут сирень и акация, рябины качают на легком ветру розовыми еще кистями. Сзади домов крохотные огородики, садики. Во дворах кое-где ходят могучие пестрые куры под водительством невообразимо красивых петухов.

Мы идем и беседуем уже неофициально о том и о сем, Николай Петрович всю свою жизнь прожил в Петровске, за исключением армейской службы. Работал в колхозе, который здесь раньше был, а последние десять лет на заводе, или, как он его по привычке называет, на промкомбинате. У него тоже есть небольшой домик, доставшийся от родителей, куры есть, поросенок. Жена в городской столовой работает, а дочь замуж вышла и живет теперь в далеком городе Надыме. Муханов у нее гостил и отзывался о жемчужине тюменского газового ожерелья неодобрительно. По его словам, городок такой же почти, как Петровск, только каменных домов больше и зима холоднее.

Как-то незаметно разговор наш снова возвращается к заводу, к делам производственным.

— А как остальные-то бригады работают? — спрашиваю я. — Богорада, например?

— Валерика-то? — отвечает Николай Петрович. — Нормально. Димыч им немного подпортил со своей лошадкой, да ведь с кем не бывает! А так, все путем у них.

— С какой лошадкой?

— Да была у них история.. — начинает Муханов и вдруг останавливается на полуслове: — Я-то толком ничего не знаю, в отпуске был. Вы лучше у начальства поспрашайте.

— Мне рассказывали, но вкратце, — беззастенчиво вру я, — хотел просто ваше мнение услышать.

— Какое у меня мнение, — смеется Николай Петрович и с облегчением вздыхает. Моя лож сняла камень с его совести. Он, наверное, решил, что проговорился, но сейчас уже успокоился: раз начальство меня ввело в курс дела, значит, и он может говорить. И все-таки осторожничают: — Вы бы лучше с ребятами потолковали.

Городок потихоньку втягивается в вечер. Это заметно по тому, что на улицах становится все меньше прохожих пожилого и среднего возраста и все больше молодежи, подростков. Одни добрались, наконец, с работы домой, занялись своими делами. Другие наоборот, от дел освободившись, вышли на прогулку. Все правильно.

Гуляют они, правда, как-то однообразно, статически, что ли. Стоит группа ребят, окружив своего же товарища на новеньком мотоцикле. Разговаривают негромко, в основном междометиями. Каждого прохожего внимательно разглядывают и потом долго еще смотрят ему вслед. Неприятно.

На перекрестке двух улиц сложена груда бревен. Тут компания побольше и пошумнее. Магнитофон орет. Не обращая на него внимания, несколько гитар потренькивают. Отдыхающие разговаривают на повышенных тонах, иначе друг друга и не услышать. Похоже, что большинство «под балдой», что-то дискуссия очень уж жаркая. Звонкие девичьи голоса солируют в общем хоре. Ну и лексика! Дотошные одесские биндюжники даже и не подозревали о таких богатствах родного языка. Темные потоки что были. Особенно по сравнению с современными девушками, имеющими обязательное среднее образование. (Диковинные все-таки иной раз плоды вырастают на ниве просвещения.) Прохожие мимо этих бревен проскакивают боком, стараясь смотреть в другую сторону. Показалось, что в этой толпе мелькнуло сытое лицо Богорада. Вряд ли очень уж компания молода.

Что же все-таки произошло в его бригаде? Почему-то на этот вопрос все стараются не отвечать. И при чем тут лошади, о которых обмолвился милейший Николай Петрович? Куда они скачут и кого несут в своих седлах?

На следующий день я «прокачивал» токарей из бригады Муханова. Все они были чуть похожи на своего предводителя. Способные, знающие себе цену станочники. Белая кость, голубая кровь машиностроения. И такие же «разговорчивые». Впрочем, в немногословных их высказываниях какие-то крохи интересного все-таки попадались. Их я и подбирал.

Никаких особых откровений о деятельности бригады ждать не приходилось. Ее, собственно, и не было. Убедился в этом еще раз утром, в кабинете директора завода Михаила Ивановича Гудкова. Руководит он этим «гигантом индустрии» лет уже двадцать. Успел за это время что-то сделать, чего-то достичь. Разных модных кампаний пережил неимоверное количество. Привык к ним, притерпелся, выработал свои средства защиты. Его уже ничем не удивили, в том числе и бригадами.

Похоже, заводу был спущен план по проценту охвата коллективными формами организации и оплаты труда, и Гудков как хозяйственник опытный через пару недель отапортовал о его выполнении. Все документы по этому поводу на заводе в идеальном порядке: протоколы, решения, списки — все, что требуется любой комиссии. Наверное, его еще и похвалили за оперативность. Справка, которую завод отправил «наверх», составлена толково. Картина

в ней нарисована яркая, сочная. Пожалуй, она и мне пригодится.

Могла бы она, впрочем, быть и еще лучше, во всяком случае, реальнее. В разговоре с директором выяснилось, что на заводе есть условия для создания настоящих, полноценных бригад. Их было бы поменьше, чем сейчас, но зато эффективность была бы выше. А то получается, что бригад много, а роста производительности труда нет. Зачем же тогда, спрашивается, огород городить? Но чтобы добиться реальной отдачи от реальных бригад, необходимо было менять организацию производства, планирование, обеспечение. Хлопотно очень. Поэтому и пошли по формальному пути. А может, просто не верили, что бригады — это серьезно. Отнеслись, как к очередной кампании.

Все это я выяснил еще утром и поэтому никаких откровений от токарей бригады Муханова не ждал. Говорили мы с ними про разные производственные различия, про жизнь и про все такое прочее. У каждого я пытался что-то выяснить про бригаду Богорада. И каждый на этом вопросе «срезался», как двоечник на экзамене. Замолкал — и все. Замолкал, смотрел в окно и бурчал себе под нос, что это не его дело и он знать ничего не знает.

Некоторую ясность внес секретарь парткома завода Сергей Степанович Серегин. Внешне он немного напоминал директора Гудкова. Такой же грузный, седой, с тяжелым, усталым лицом. Говорит медленно, спокойно, каждую мысль старается иллюстрировать, вернее, подтвердить соответствующим документом. Это сильно удлиняло разговор, но я не торопился. Только на вопрос о бригаде Богорада он ответил без ссылки на документ. Просто сказал, что один из ее членов, Дмитрий Нефедов, совершил уголовное преступление и понес за это наказание, определенное народным судом. Поэтому администрация и общественные организации решили какое-то время этот коллектив не «показывать».

— А что он сделал-то?

— Да глупость! — с сердцем сказал Сергей Степанович. — Украл лошадь, загнал ее до смерти, да еще на конюху напал. Пацан был, вот и дурил сверх меры.

Напал, значит, украл и загнал... Свое получил. Печальное событие, но чего в нашей жизни не бывает? Поэтому и вокруг бригады такая темнота царит, что с прожектором не пробьешься. Начальство, понятно, почему темнит. Не хочет ЧП признавать. А рабочие? Им-то чего опасаться? Тем более случай такой, что к беседе располагает. Нынче машины угоняют, а тут — лошадь. Вымерший, можно сказать, промысел. Вот ведь какой шустрый мальчик оказался. Тут в Петровске вообще животных, как я понял, любят. Кто котов, кто лошадей.

Тему эту Сергей Степанович продолжать не захотел. Сказал только, что в принципе бригада Богорада работает по-прежнему хорошо, состав ее почти не изменился, за исключением выбывшего Нефедова, и они уверены, что в скором времени бригада снова займет свое достойное место в заводском соревновании.

Такая формулировка мне понравилась. Приятно было узнать, что коллектив самой первой на предприятии бригады, несмотря на временные трудности и осложнения, остался здоровым и самоотверженным.

Днем я заглянул к ним в комнатеку. Там сидел все тот же Богорад, все за тем же столом, все с теми же бумажками. Он молча смотрел на меня. Глаза у Богорада были светлые, пустые и какие-то напряженно-злые. Я понял, что разговора не получится

ни в официальных кабинетах, ни в дежурке электриков-наладчиков. Оставался у меня только один шанс, чтобы как-то прояснить всю эту историю. Один шанс и один человек.

В отделе кадров мне дали его адрес, а старушка вахтерша объяснила, как пройти к его дому. Николай Заглазеев, восемнадцать лет, электрик-наладчик. Коля, Колюн, как зовут его в цехе. Последний из бригады, на глазах которого все произошло, а может, и при его участии. Последний, который должен все знать и которого я еще не видел. Живет он далековато по местным понятиям, минутах в пятнадцать ходьбы от проходной.

Дом с виду просторный, пятистенки. В ухоженном палисаднике цветы на клумбе, тюлевые занавески на окнах, мощенная камнем дорожка к крыльцу. Дверь открыла пожилая женщина в пестром платочке, с лицом веселым и лукавым. Почему-то молча глазами показала на дверь. Я постучался и вошел. В просторной комнате стояла у окна невысокая девушка в ладно сидящих джинсах, в тоненьком белом свитере.

— Вы к Коле? Он сейчас придет, посидите. А я его жена — Лариса. — Она с некоторым смущением назвалась, видимо, еще не привыкла к своему новому званию.

Я присел на стул у двери. Мы молчали.

— Это ваш дом или Николая? — наконец спросил я.

— Что вы! Мы просто комнату здесь снимаем. Колины родители в деревне живут, а мои вообще в другом городе. Мы тут одни.

В это время в сенях послышались шаги, и в комнату вошел Коля. Был он высоким и стройным парнем, с лицом симпатичным и совсем юным. Чем-то они с Ларисой были похожи. Коля поставил на пол сумку, из которой выглядывала пачка макарон.

— Вы ко мне насчет Димыча? — спросил он, усаживаясь рядом, когда мы познакомились.

— Хотел вообще поговорить, ну и про Диму Нефедова тоже.

— Валерик вас вычислил. Он меня сегодня предупредил, что, наверное, вы придете, и чтобы я лишнего не болтал.

— А лишнего и не надо.

— Да пошел он, Богорад! — неожиданно резко сказал Коля, Лариса испуганно посмотрела на него и зачем-то выглянула в окно.

— Я просто хочу знать, что у вас случилось и как. Вот и все. Пытался что-то узнать у Тимофея, но, честно говоря, неудачно.

— Он, Тима, и правда, толком ничего не знает. Не до того ему. Тима денюгу сколачивает. Он дома у отца плотничать научился и по столярному делу немного. Сейчас этим и пользуется. У нас же тут дефицит на таких специалистов. А городок деревянный. Кому крышу надо поправить, кому стену, кому забор починить, кому сарай поставить. Потребность у людей большая, и деньги есть, а делать некому. Вот Тимка и заполняет пустоту.

— Он и за мебель берется, — неожиданно вставила Лариса. — В новых домах стеллажи двоим делал. — Берется. Хотя и халтурит откровенно, а все равно к нему люди идут. Другого-то нет. Тимка это знает и пользуется. Зашибает он прилично, сам хвастался. И заводские дела его не волнуют. Лишь бы смену отстоять. Вот, говорит, после армии заживу по-настоящему, как захочу.

— И заживет, — уверенно сказала Лариса.

— Коля, а у тебя самого какое мнение по поводу того, что случилось в бригаде?

— У меня? — Коля замолчал и стал смотреть в ок-

но, возле которого сидела Лариса. В комнате стало тихо. Слышно было, как где-то во дворе гремит ведрами квартирная хозяйка с плутовским лицом на-смешливой колдуньи.

— Мне Димыча жалко,— сказал наконец Коля.— Не по делу он сгорел.

— Себя лучше пожалей! — Лариса резко встала и подошла к нам.

— Ладно ты! — отмахнулся Коля.— Надоело! Сидим, как суслики в норе. Пропади оно все пропадом!

— Ты лучше Расскажи, как Валерик тебя воспитывал, суслик!

— Еще чего!

— Тогда я расскажу. Да, ладно, не смотри на меня, пусть знают.— Лариса положила сцепленные руки на стол. Пальцы у нее были длинные, тонкие, сухой кости.— Такая вышла история. Заболела я однажды. Коле пришлось утром врача вызывать, в аптеку бегать. Ну и опоздал он на смену. Богорад сразу ему ничего не сказал, а когда возвращались с работы, он Колю избил.

— Не избил. Только раз ударил.

— Этого что, мало? Домой пришел — все лицо в крови.

— За что ударил-то? — спросил я.

— За опоздание. Когда бригаду у нас хотели сделать, Валерик об этом раньше всех узнал и велел Димычу его предложить на бригадира.

— А вы?

— Что мы? Согласились, конечно. Тимке — тому все вообще до лампочки. Димыч с Валериком в контакте был, ну и я не возражал. Валерик — он же самый старший среди нас, самый опытный. Армию уже отслужил. И в поселке в большом авторитете. Ну вот. А потом пришел начальник цеха и с ним какой-то мужик, вроде из завкома. Стали объяснять насчет бригады. Хотим, мол, ваше мнение знать. Димыч тут все и сказал, как ему Валерик велел. Те даже вроде обрадовались. И сделали из нас бригаду. Валерик потом, когда мы одни остались, сказал, что у нас будет лучшая бригада на заводе и все премии будут нашими. Только чтобы мы его не подводили, иначе он с каждым сам лично разберется. А премии, правда, пошли прямо косяком. То по соревнованию, то по новой технике, то еще за что-то. Раньше мы их не видели, а тут чуть не каждый месяц, Валерик говорил, что он их у начальства из горла вырывает. Наверное, так оно и было. Он вообще-то это умеет: сидит в подсобке и что-то пишет, пишет... Ну, угощали мы его всегда с премии.

Судя по Колиному рассказу, Богорад оказался парнем на редкость шустрым и сообразительным. Он сразу смекнул, какую реальную пользу можно получить от бригады. И получал. Став бригадиром, на линию он выходить вообще перестал, непосредственно ремонтом занимался теперь только его подчиненные. Богорад же все силы и время тратил только на составление отчетности да выбивание для бригады разных благ, премий, поощрений, благодарностей, вымпелов. Похоже, ему это неплохо удавалось. Он быстро сообразил, что при существующей на заводе системе организации работы бригад, их деятельность будет оцениваться исключительно по внешним признакам: отсутствию нарушений трудовой дисциплины, претензий со стороны рабочих по обслуживанию станков и автоматов, участию в общественной жизни и т. д. Добиться приличного уровня этих показателей не так уж трудно. И Богорад избрал самый верный способ. Свою бригаду он просто зажал в кулак. С цеховыми то-

же не особенно церемонился. Здесь, видимо, не последнюю роль играло и то обстоятельство, о котором говорил Коля. В поселке Богорад был «в авторитете». Сначала это очень простую вещь. Его боялись. И не зря.

Был, например, случай, когда Тимофей второпях что-то при наладке напутал. Хозяин неисправного автомата возник было с претензиями. Тогда к нему пошел бригадир. О чем-то недолго они поговорили, и претензий не стало. Тимофею тоже досталось. Богорад прямо в дежурке в буквальном смысле слова надрал ему уши так, что те стали похожи на два больших пельменя...

— Ничего особенного тут нет,— сказала Лариса.— У нас и не такое случается. Вон, подруга моя, Верка, в детсаду вместе работаем, пошла на танцы в ДК. И то ли толкнула кого-то, то ли просто кому-то не понравилась. А только вошла в туалет, а ее сзади — шмяк по голове, сбили на пол и исколошматили ногами. Наши же петровские девчонки и били, пьяные только все. Верка потом две недели на больничном была. С Валериком-то ребятам еще повезло,— неожиданно продолжила она.— Он хоть сам бьет, зато чужим не позволяет. До бригады Николку раза два били на улице, просто так, ни за что. А в третий раз привязались, он и говорит: «Я от Валерика», — они тут же отстали. Боятся.

— А что же милиция, дружина? — спросил я.

— Да ну! — отмахнулся Коля.— У нас же не город. Полтора милиционера, которые здесь есть, разве могут за всем уследить? Да как бы та же Верка пожаловалась? Били в женской уборной, не знаю кто, не знаю за что. Смешно.

— Смешно, конечно,— согласился я.— Только очень грустно.

— Куда уж там! — Лариса отбросила назад волосы.— Заберут Николку в армию, дня здесь не останусь.

— К родителям переберешься, а там видно будет.— Коля говорил уже спокойно, свободно, не сдерживая себя, и я потихоньку возвратил его к началу нашей беседы, к бригаде, к случаю с Димой Нефедовым.

Коля был на суде, и там все случившееся выглядело примерно так: поздно вечером Богорад встретил Нефедова сильно пьяного. Тот сказал, что пойдет сейчас достанет лошадь и прискачет на ней в поселок. Богорад его от этого всячески отговаривал, но Нефедов не слушал. И все-таки пошел. Для того, чтобы предотвратить беду, Богорад пошел за ним. По дороге к конюшне все пытался остановить его, но Димыч якобы на уговоры не поддавался. Нефедов вошел в конюшню, предварительно погасив свет. Там у входа есть небольшая комнатка, где хранится упряжь, а по ночам сидит сторож. Богорад пошел за ним и чтобы как-то нейтрализовать Димыча, сам попросил у сторожа лошадь прокатиться. Тот сказал, чтобы они шли отсюда, и потянулся к ружью, в темноте было видно, как оно блесло стволом на стене. Тогда Нефедов бросился на сторожа и ударил головой в живот, сбил его с ног. Нефедов побежал в конюшню, открыл все стойла и выгнал лошадей. Потом выбрал себе одну — светлой масти, почти белую, сел на нее и поскакал к поселку. Богорад побежал за ним, но догнать не смог. Потом оказалось, что Димыч, не доезжая до Петровска, свернул в перелесок и там лошадь привязал. Наверное, хотел покататься на ней на следующий день.

Но на следующий день их бригаду как лучшую и передовую отгнали налаживать оборудование в филнале. Они пробыли там четыре дня. А на пя-



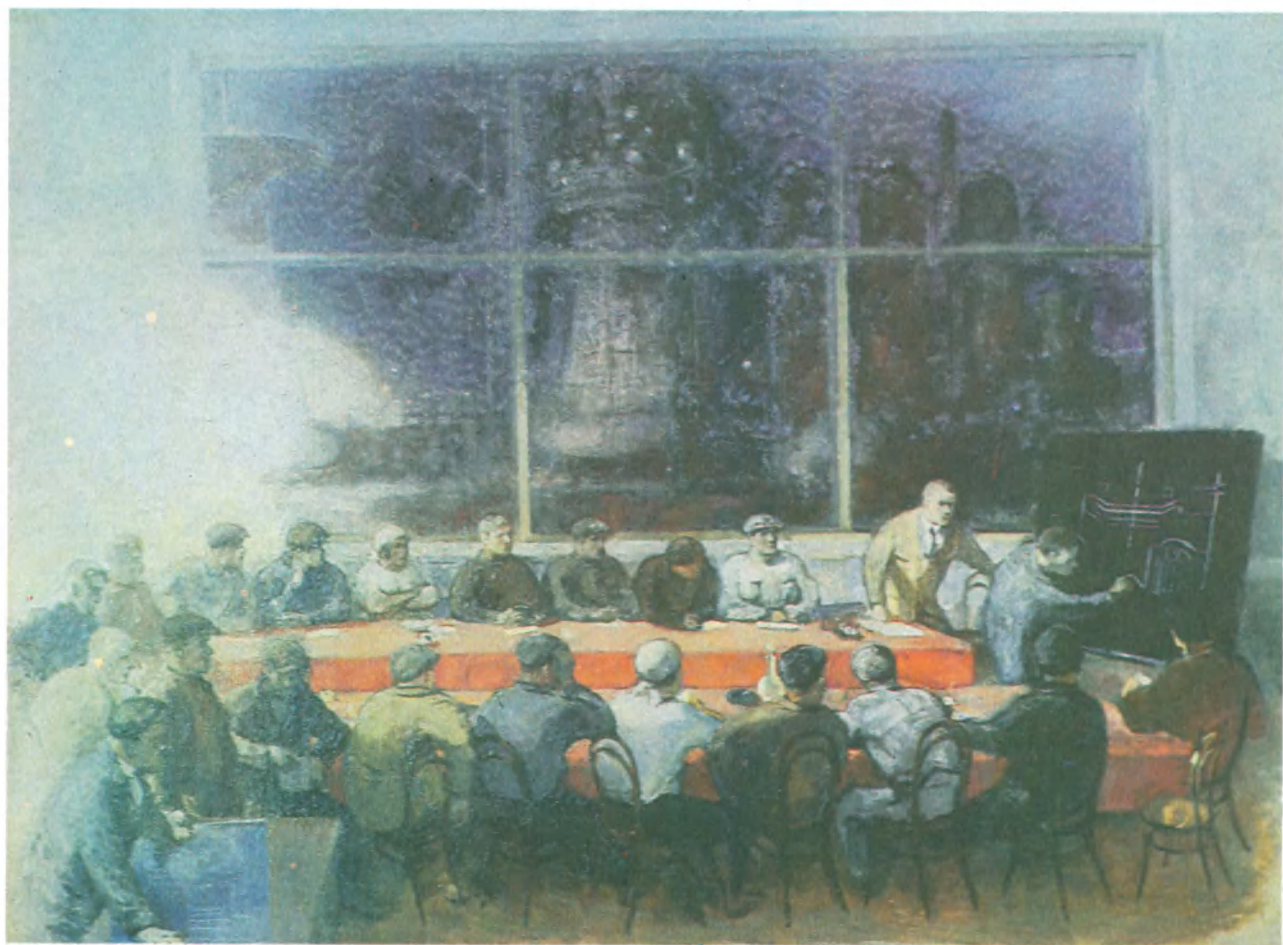
В. ПЕРЕЛЬМАН. Синяя блуза. 1926 г.

По залам выставки
«МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ»
Из собрания Государственной Третьяковской галереи.
Посвящается дню рождения Ленинского комсомола.

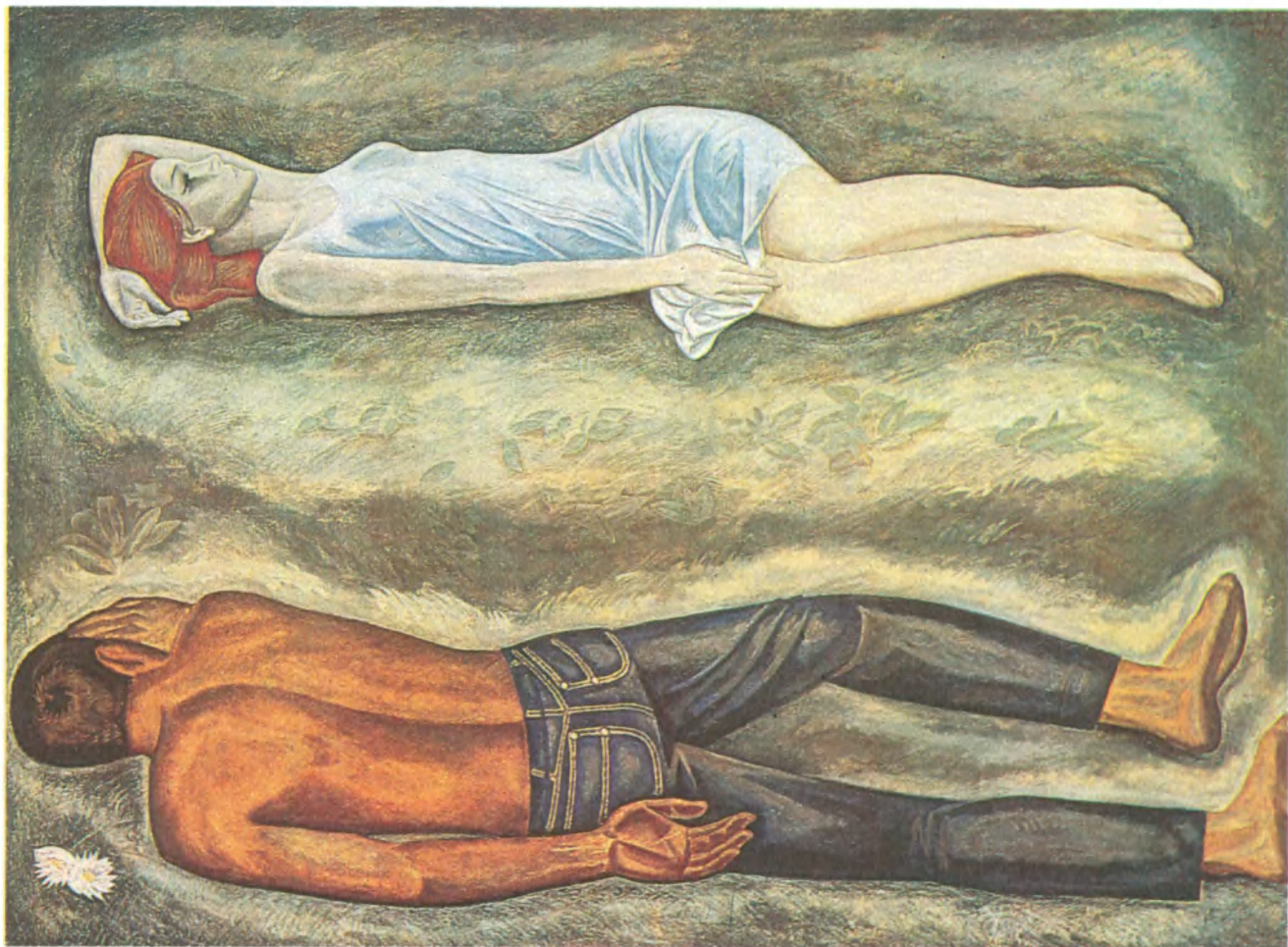


А. ДЕЙНЕКА. На стройке новых цехов. 1926 г.

А. ВОЛКОВ.
Девушки
с хлопком.
1932 г.



А. ЛОБАНОВ. Подготовка кадров на Магнитострое. 1932 г.



В. ПОПКОВ. Двое. 1966 г.

тый, после возвращения, Нефедова и Богорада забрали в милицию. Лошадь за время их отсутствия сдохла от голода и жажды. Был конец марта, в лесу ни травинки и ни глотка воды. Она обглодала всю кору на березе, к которой была привязана, потом легла на землю и больше уже не встала. Так ее и нашли. Потом состоялся суд, на котором Нефедов был обвиняемым, а Богорад свидетелем.

Коля рассказывал все это, как-то похмыкивая, выражая полное недоверие к тому, что говорит.

— На суде Димыч все признал. И свидетели подтвердили. Только все это не так.

— А как?

— Понимаете, Димыч не мог сам придумать про лошадь. Сделать мог, а придумать нет. Другой он был парень. И потом, как это Валерик не мог его удержать? Смешно даже!

— Мало ли чего не бывает... Все-таки следствие шло, суд, разбирались. Там же тоже люди не с улицы работают, знают свое дело.

— Дело-то они свое знают, правильно. Только Валерик им это дело на блюдечке поднес, в нем и разбираться-то не пришлось. Димыч все признал, сторож подтвердил, еще человек пять свидетелей, ребят из поселка, тоже подтвердили. Чего там разбираться? Факты сходятся, показания сходятся, виновник признался. В чем разбираться-то? В том, что Димыч врет на себя?

— Это Валерик его затасил на конюшню, точно! — горячо вступилась Лариса. — А потом на него же все и свалил. Он такой.

— Скорее всего, — согласился Коля. — Только ведь не докажешь.

— А почему на заводе-то про это никто говорить не хочет? — спросил я.

— Зачем? Кому нужно лишнее пятно? Как говорит Валерик, мы сейчас в тину залегли ненадолго. Все скоро уляжется, все забудется, все будет по-прежнему. Так к этому и идет. Начальство к нему хорошо относится, потому и не хотят прошлое ворошить.

— Куда же от него денешься, от прошлого? — спросил я.

— Кто куда. Алена будет с ним жить, а Валерику это прошлое ни к чему, его будущее заботит: премии, льготы, награды. Вот и все.

— Какая Алена?

— Девчонка, с которой Димыч ходил. Они пожениться собирались, только вот не успели. Она сейчас из дома почти не выходит, ни с кем не разговаривает. Вы к ней, пожалуйста, тоже не ходите.

— Почему?

— Не надо, — твердо сказала Лариса. — Плохо ей сейчас, совсем плохо. Никому не верит, всех боится. Не берегите ей душу, только хуже сделаете. Она была у меня с неделю назад, плакала. Знаете, что Димыч сказал ей в день суда? «Я сделаю все, чтобы ты меня дождалась. Если даже ты этого не захочешь, все равно дождешься. Я плачу за это большую цену». Она не поняла, что он имел в виду, и теперь ей кажется, что и она в чем-то виновата. Мучается.

Мы еще немного поговорили, и я отправился к себе. Молодежь отдыхала на улицах городка так же «содержательно и разнообразно», как и вчера. Можно было, конечно, ее морально осудить, но... А куда ей деваться, молодежи? Фильм в клубе идет старый, все его уже видели, танцев сегодня нет. Самодеятельность, спортивные секции, кружки «умелые руки»? Наверное, все это есть в Петровске. В отчетных ведомостях наверняка даже есть. Составлять отчетность здесь умеют. А им, молодым,

хочется и раскованности, и веселья, и чего-то настоящего, необыкновенного. И своя компания нужна каждому, где бы тебя понимали и принимали таким, какой ты есть, без галочки в отчете. Улица в этом смысле — универсальное место. Только она все ценности названушку выворачивает. И лидером там чаще всего становится не самый умный и благородный, а самый хитрый, сильный, жестокий. За ним идут, ему подражают. Недостатки начинают считаться достоинствами, и наоборот. Создается своя атмосфера, свое общественное мнение, маленькое, узенькое. И нельзя с ним не считаться человеку, который живет здесь и работает. Тут свои ценности, своя социальная иерархия, скрытая от посторонних, но устойчивая, живучая. Сломать ее можно, конечно, но взамен нужно предложить что-то такое же прочное, понятное, привлекательное и, самое главное, неформальное. А что? И вообще улица — не закономерное ли она продолжение отношений, сложившихся в цехе?

Так я размышлял по дороге в гостиницу и незаметно подошел к дому, где жил Димыч: Коля объяснил, как его найти. В окнах горел свет. Я поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь открыл не старый, еще крепкий мужчина в синей майке. Был он слегка навеселе. Оказалось, что это отец Димыча, Нефедов-старший. Узнав, в чем дело, не удивился, толкнул дверь в узкую длинную комнату при сенях, где стояла у стены узкая тахта, на самодельных полках поблескивал никелем магнитофон, стопками лежали коробки с кассетами.

— Здесь он жил, Димка-то, — сказал Нефедов. — Попросился отдельно чтобы, я вот и соорудил ему пристройку. Все музыку слушал, — добавил он, помолчав.

Наверное, при хозяине комната выглядела более живописно. Сейчас здесь было все чисто и аккуратно прибрано. Над столом висела фотография девушки. Снимок делали летом. Девушка стояла, прислонившись к березе, и темные волосы ее плескались по белому стволу. Девушка смотрела прямо в объектив.

— Это девчонка, с которой Димка гулял, — объяснил Нефедов. — Недалеко от нас живет с матерью. В школе они вместе учились.

Я увидел над тахтой еще одну картину, вернее, репродукцию, вырезанную из журнала. Белая лошадь свободно и легко мчалась мимо черных, без единого листа, каких-то проволочных деревьев. Грива ее трепетала на ветру, распустившийся хвост был отброшен назад и в сторону. Над деревьями висело темное, сумрачное небо, чуть светящееся на далеком горизонте. Непонятно было, куда и зачем мчитесь эта белая лошадь. И какое-то неясное, тревожное напряжение чувствовалось в картине. Я отвел глаза.

По дороге в гостиницу я думал о Диме, и у меня не вязались две вещи. Если он не виновен, то зачем на себя наговаривал? Не мог же его до такой степени застрашать Богорад? Да и чем застрашать? Побоями? Посулить деньги? Все это не то. В такую петлю парень бы не полез. А если он действительно во всем виновен, то что означает фраза, которую он сказал Алене?

Ни до чего путного я так и не додумался. У входа в гостиницу остановился на секунду, обернулся, чтобы бросить сигарету в урну, и вдруг увидел на противоположной стороне Богорада. А, может, это был и не он, потому что человек, которого я за него принял, мгновенно исчез.

Следующий день был днем расставания. Работа закончилась. Бригада Муханова «лежала» у меня в блокаде вместе со всеми своими сверстниками, по-

бедами, глубокими мыслями и относительными трудностями. Обычно из Петровска люди уезжали автобусом, который отвозил их до ближайшей железнодорожной станции. Автобус был утренний и вечерний. Я выбрал второй, а пока решил прогуляться.

Утро стояло солнечное, ясное и тихое. Еще не проснувшиеся дальние леса кутались в прозрачную дымку. Асфальт на шоссе, по которому я шел, был влажным от росы. Шагать по нему пришлось не очень долго. Не прошло и часа, как справа открылись постройки хозяйственного двора колхоза имени Чапаева. Ближней к дороге стояла конюшня.

Мне повезло, потому что ночной сторож еще не ушел. Он сидел на скамейке у ворот, маленький, в темном ватнике и в замечательной фиолетовой кепке из синтетики, мохнатой, как собачья шапка. Семен Ильич Никандров и был тем человеком, который подвергся разбойному нападению Нефедова и Богорада. Узнав, зачем я пришел, он очень оживился.

— Это, видишь ты, здесь все и случилось, — показывал на конюшню. — Сижу я ночью, хомут починаю. Вдруг слышу, кто-то ворота открыл, и тут же свет погас. И в комнату ко мне входят. Я, видишь ты, испугался маленько и спрашиваю: кто, дескать, пожаловал? Молчат. Потом один говорит, давай, мол, лошадь. Я ему — сейчас такую лошадь дам! И к ружьишку потянулся. Есть у меня старенькое, казенное. Поучить решил, оно солью заряжено. Но тут, видишь ты, осечка вышла, уронили меня.

— Вы видели, кто вас ударил?

— Не видел, темно же было. Но одного я узнал. Здоровый такой бугай, петровский. Я его там видел, нахальный парень. Зайдешь в магазин, так он всегда без очереди лезет. Про него я сразу милиции-то и сказал. Так бугай этот сбоку от меня стоял и маленько сзади. А второй, который все молчал, тот напротив. На суде говорили, что он на меня и бросился, в живот ударил.

— А вы сами не помните?

— Хрен его разберет, — в большой задумчивости сказал Никандров. — Вроде и бросился. Только он почему-то на меня свалился, тяжелый парень. Это я еще помню. А упал я будто бы раньше. Сдается мне, видишь ты, что сбоку мне по морде врезали. Очень потом вот здесь вспоминалось. — Семен Ильич потер подбородок.

— На суде вы об этом говорили?

— Как скажешь? Мне вроде примстилось чего-то, а у них там все факты проверенные, все один к одному сходятся. Да и без разницы мне-то. К тому же, поганец этот, молодой, правда, мне на пузо упал, так что...

Сторож, между прочим, рассказал, что конокрадство в районе последние годы стало делом обыкновенным. Только в их колхозе имени Чапаева это четвертый случай. Раньше обычно угоняли с выпаса, и найти виновников почти никогда не удавалось. Находили иногда только лошадей, до последней степени загнанных. А иной раз и лошадей не находили. Видимо, их перегоняли в соседнюю область, благо тут близко, и там бросали. Поскольку в тамошнюю милицию сигналов об угоне не поступало, лошади считались бесхозными. Здесь их тоже не было, на том дело и кончалось обычно.

Воруют лошадей, по словам Никандрова, не деревенские. В селе уважение к этим безотказным труженикам сохранилось еще в полной мере. Ни один сельский подросток никогда бы себе не позволил загнать лошадь до смерти. Да и смысла им нет воровать. Во-первых, работать приходится на лошадях, особенно летом. Во-вторых, можно просто попросить,

если уж захотелось прокатиться, не откажут. Конокрадством занимаются посторонние. В основном подростки и молодые ребята из Петровска и других таких же городков-поселков. Дуреют они, видимо, от безделья и сытости, говорил Семен Ильич, вот и балуют.

Выяснилась в разговоре с ним и еще одна любопытная деталь. Украдено в ту ночь было две лошади, а не одна. Снежка — лошадь светлой, почти белой масти, которую и нашли потом в перелеске, и каурый мерин Тенор, прозванный так за то, что единственный из всего табуна имел он привычку с детства ржать часто, подолгу и не к месту. Но Тенор вскоре вернулся; кроме конюхов, этого никто не заметил, и они не стали об этом никому говорить. Посчитали, что раз пропажи нет, то и не стоит лишний раз занятых людей тревожить.

Все по тому же шоссе, уже подсохнувшему на солнце, возвращался я в Петровск. По обочинам дороги росли коротко подстриженные тополя. В густых и плотных кронах оживленно гомонили птицы. Темной мартовской ночью мимо них мчался на Снежке парень. Тогда тополя стояли голые, без листьев. Прямые и упругие их ветви чуть серебрились в тусклом лунном свете. Как в той репродукции картины над тахтой в его комнате. И, наверное, так же тревожно и страшно было скакать по этой дороге, и теплый, пахнущий талым снегом ветер бил в лицо и пушил гриву Снежки...

Что произошло в тот вечер и ночь? По всей видимости, знают это только Богорад и Нефедов. Ясно, что Богорад уговорил Нефедова взять вину на себя, чем-то он его припугнул. Но вот только чем?

На этот вопрос я ответить не мог. И никто мне на него не ответит. Дело закрыто. Никаких натяжек в судебном заседании, как я понимал, не было.

На заводе я никому не стал рассказывать о том, что выяснил. Мы распрошались с Эдуардом Васильевичем очень мило. Рыжий профкомовский кот все так же нахально валялся посреди кабинета. На прощание я погладил его по тугому, пушистому боку. Кот дернул хвостом, но даже глаз не приоткрыл. Эдуард Васильевич предложил поискать для меня машину, я отказался.

На автобусной остановке народу было немного. Трое пожилых дядек в мохнатых фиолетовых кепках солидно курили на лавочке под навесом павильона. Рядом стояла баба с грудой корзин и мешков, которые она все время подвязывала, подправляла. И тут я увидел Богорада. Он вышел из-за павильона и направился ко мне.

— Уезжаете?

— Да.

— Все узнали?

— Все, что хотел.

— Вера будет другим словам, а те, кто их скажет, у меня вот здесь, — Богорад вытянул вперед сжатый кулак. И тут я догадался. Богорад, наверное, пригрозил, что уведет Алену или еще какую-нибудь пакость с ней сотворит. А если Димыч примет его версию ночного преступления и будет ей следовать, то он, Богорад, позаблится, чтобы Алена честно ждала Димыча. Стала понятной фраза, которую Димыч ей сказал в день суда. Димыч хорошо знал своего бригадира и не сомневался, что тот сдержит обещание. Это его и сломавало.

Подождал автобус. Бабка с причитаниями стала запрягать в него разнообразную свою поклажу. В салоне было свободно. Я вошел последним и сел у окна. «А может, не только это?» — думал я. Автобус не спеша пробирался по тихим улочкам Петровска. Опускался вечер. На углу двух улиц сидели на бревнах ребята.



РОСТИСЛАВ
СВЯТОГОР

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Полина Демидовна Данилицкая-Титкова

Снимок 1945 г.

Я сошел с электрички и для верности уточнил маршрут у кассирши на платформе: налево, вдоль путей до зеленого забора, «а там спросите, и вам покажут...» Подмосковье. Снег скрипел, морозный солнечный день слепил, домики среди заснеженных сосен и ельника походили на сказочные избушки... Но идти по бугристой насту не очень удобно, и, когда сзади зашумел мотор «Волги», я, отступив на обочину, взмахнул рукой. Впрочем, тут же двинулся дальше, разглядев, что в машине уже есть пассажир. «Волга» все же тормознула, стекло со стороны пассажира-женщины припустилось.

— Вам куда? — В тоне вопроса, в выражении лица не участливость, а скорей деловая, нетерпеливая требовательность.

Я объяснил: примерно до зеленого забора, а впрочем, это так недалеко, что... Но женщина извиниться не дала: «Садитесь.— И, оглянувшись на заднее сиденье, уже к водителю:— Поставь ящик на ящик, и поехали».

Секунд через тридцать нагнали идущего в ту же сторону человека. Пропуская машину, он, не оборачиваясь, сошел на обочину. «Стой, стой! — схватила женщина водителя за рукав.— Вот он где, а я его ищу...» — Грузно, с усилием вылезла из машины. Пока они разговаривали, водитель, молодой парень, дотянувшись до зеркала заднего вида, начал приводить в порядок свой пробор.

— Сейчас она ему задаст... — с беззлобным удовлетворением прокомментировал он.

Вот и получилось, что некоторый авантюризм, с которым я отправился на встречу без традиционной «предварительной договоренности», уже двигал действие по законам неожиданностей: женщина и оказалась тем человеком, к которому я ехал, — директором дома отдыха «Болшево» Полиной Демидовной Данилицкой-Титковой.

Другой на ее месте мог бы вполне резонно дать мне «отбой»: не договаривались! Дела! Но с Полиной Демидовной оказалось проще: «Ну, раз вы уж добрались сюда, время потратили...» Немного посмеявшись над обстоятельствами нашей встречи и моей удачей («Если бы шли пешком — точно не застали бы; я ведь через десять минут планировала в исполком, только за бумагами вот хотела заскочить...»), она, уже в кабинете, позвонила и раз, и два, и три, дала кое-какие неотложные распоряжения своей заместительнице Лидии Николаевне, предупредила секретаря, что на час-полтора ее «ни для кого нет, ушла». И она действительно ушла, и с нею я — сначала на расчищенные аллеи дома отдыха с высокими, в рост, отвалами снега по бокам, а потом — все дальше, дальше, в иное временное измерение, — туда, где в разрывах вставала дыбом земля, кололся кирпич и бетон, падали бойцы, ее товарищи-пограничники...

Великую Отечественную Полина Титкова встретила военфельдшером 94-го пограничного отряда в Закарпатье. Последние обескровленные заставы этого отряда ушли с границы по приказу только 28 июня.

«Раненые стонут лишь от невыносимой боли, — говорит мне Полина Демидовна. — Вся осталь-

ная боль на войне не считается». И я, невоевавший, пытаюсь припомнить, когда же я сам в жизни испытывал такую боль, чтоб не мог не стонать?.. Нет, не припомню, ведь под рукой есть лекарства, уколы, анестезирующие препараты...

— Первое мое потрясение...— да, потрясение, до всех основ, до нутра!— это первый раненый. Еще на границе. Глубокое полостное ранение, большая, страшно большая потеря крови. Как сейчас вижу,— Полина Демидовна приподнимает голову, словно вглядываясь,— висо-о-кий, большой такой парень, лицо в конопушках. Я над ним—и так и этак, что только не делала. Бойцы, ребята, подходят, хмурятся, вздыхают: «Перестань, Полина, не жалец он уже, разве не видишь?» А я все не верила, не могла! Да как же так, такой здоровый, сильный! И умер, конечно... Ох и убивалась я над ним, накричалась, наплакалась, по родному не всякий так убивается.— Она качает головой, горько улыбається.— Даже фамилию его помню, так с ней я сама умру. Фирсов... Да... И все ж это еще не настоящее боевое крещение было. Настоящее — чуть позже, под Попельней...

Но бой у станции Попельня — только в середине июля 1941 года. А до этого отступление с боями: занят Львов, враг рвется к Бердичеву, Житомиру, Киеву. Пограничники иногда отбивались от наступающих механизированных частей одним стрелковым оружием, связками гранат; взрывали за собой мосты, часто оставляя на сопредельном берегу прикрывавших переправу товарищей,— война есть война...

Бывший тогда начальником десятой заставы 94-го пограничного отряда Михаил Паджев (один из немногих уцелевших начальников застав) в своих воспоминаниях «Через всю войну» пишет: «С 22 июня по 10 июля 1941 года, ведя большие и малые бои, прикрывая отход частей 13-го стрелкового корпуса, мы прошли от Карпат до Сквиры около семисот километров...»

Семьсот — с боями! С каждым боем увеличивалось число раненых, все чаще среди разрывов танковых снарядов, мин раздавались крики: «Сестра! Скорей!» И Полина Титкова бросалась на зов, переползала из окопа в окоп, быстро оказывала первую помощь, тяжело раненых вместе с воефельдшером Павлом Бойко (он погибнет через два месяца) оттаскивала подальше от окопов, от линии огня — в овраг, в воронку от снаряда... «Ни пуль, ни разрывов в это время я как бы не замечала... не поверите — не видела даже, что творится там, перед нашими окопами,— танки или цепи стрелков; даже мысли не было — сомнут нас сейчас или отобьемся. Все — на раненых. Станешь или разрежешь сапоги, перебинтуешь быстро ноги одному и оттащишь его подальше, а из окопов, из двух, из трех мест уже кричат: «Сестра! Полина! Скорей!..» И тут не смотришь ни на что — где бежишь, где ползешь. Ведь страшно иногда даже не само ранение, а потеря крови, заражение; до госпиталя, до операционного стола надо еще дожить...»

Попельня... «Вот здесь сутки продолжалось то, что можно по человеческим понятиям назвать адом. Да, да — адом...» Слушаю то неторопливый, то нервно-сбивчивый рассказ Полины Демидовны, и старая мысль оживает под ее речь: немало есть мест на русской земле, названия которых,— возникшие бог весть когда, не отличаясь примерным благозвучием, что ли,— приобрели со временем особый смысл и особую значимость. Название подмосковной деревеньки Бородино уже более полутора сотен лет ни у кого не ассоциируется с мужиками-бородачами, а несет в своем звучании высокий смысл русского патриотизма, воинской доблести, — только коснись, и эта

струна зазвучит в душе каждого. Такой же нарицательный, высокий смысл получила после 10 июля 1941 года далеко не всем доселе известная станция Попельня.

Было же вот что. В результате неожиданного глубокого прорыва фашистских отборных частей создавалось весьма опасное положение на подступах к Киеву: образовался так называемый «житомирский коридор» шириной до семидесяти километров, свободный от наших войск. В него и устремились танковые и моторизованные дивизии генерала Клейста. «Коридор» будет «заделан» нашими войсками через два-три дня — к Киеву начнут подходить переданные Ставкой из резерва свежие стрелковые дивизии. Но это лишь через два-три дня! А сегодня, 14 июля 1941 года, против острия броневое танкового клина — передовых частей 9-й танковой дивизии Клейста — шестьсот пограничников и примерно столько же бойцов внутренних войск, педдерживаемых тремя (!) орудиями и двумя (!) легкими танками.

«Густо рвались снаряды, шипели и свистели осколки мин,— пишет М. Паджев в своей книге об этом непрерывном бое длиной почти в день.— Это была сплошная какофония: звон, свист, скрежет... летели комья земли, ревели моторы машин, лязгали гусеницами танки... Как во время затемнения почернело, а потом и вовсе потухло закрытое дымом и пылью солнце... Вижу, как переползают от окопа к окопу фельдшер комендатуры Павел Бойко и его помощница Полина Титкова. Подхватывая то одного, то другого раненого, они переносят их в тыл подальше от этого ада. («Видите, и Паджев не нашел другого слова, кроме как «ад»,— говорит Полина Демидовна, когда я — а мы уже сидим в ее кабинете — зачитываю эти строки.) Действовали наши медики бесстрашно,— продолжает М. Паджев,— словно сами были застрахованы от пуль и осколков... Наши ряды, однако, редели. Снаряд разорвался в рядом с окопом капитана Гладких. Вижу, на руках его словно скальпелем содрана кожа, обильно сочится кровь. Но он кричит: «По фашистским гадам — огонь!..» Из-за ельника появляются Бойко и Титкова... Вот уже Полина бинтует капитану Гладких руки, затем Бойко уводит его в тыл...»

Пограничники стояли насмерть. К тому времени, когда из-за угрозы окружения был получен приказ под прикрытием заслонов отходить («Погибло четырнадцать начальников застав! Какие люди!..» — в голосе Полины Демидовны извечные горестные бабы нотки), ранеными были заполнены восемь вагонов узкоколейного состава. В задачу Полины Титковой входило сопроводить раненых в тылы, в Белую Церковь. Поезд шел, а в это время оставшиеся под Попельней заслоны еще косили врага из пулеметов, подрывали фашистские танки связками гранат, бросались врукопашную. Не многие из них остались живы. «Вы только представьте, что пережили эти люди,— говорит Полина Демидовна (в то время как я пытаюсь представить, что она пережила),—ведь еще до начала боя стало известно, что эшелон с эвакуировавшимися семьями пограничников разбомблен... Что дальше с пограничниками? О, это долгий рассказ. Скажу только, что, когда я сдала раненых в госпиталь и отправилась на попутной машине на сборный пункт в Канев, пограничники 94-го отряда держали такую же героическую оборону под селом Елисаветовка, держали до последнего патрона, ходили врукопашную. От тысячи с лишним человек меньше трехсот осталось. Там сейчас обелиск,— такой же, как и под Попельней...»

Дальше? Дальше она — в составе наших стрелковых частей, удерживавших мост через Днепр. Потом

Полтава, Харьков... Под Харьковом и первое ранение — в ногу. «Повезло. Могло быть и хуже».

Почему? Ответ прост.

— Знаете такое высказывание: «Пехотинец больше трех раз в атаку не ходит»? Или убит — или ранение. Медсанбат или госпиталь. Про это уже и в книгах писано. А военфельдшер, сестра — та же пехота, только не впереди всех, а сзади. Передо мной, где-то за двести метров — гранаты в ход, рукопашная, линия схватки; а сколько не добежали до этой линии, лежат, кровью истекают... Вот я и колдую над ними, где пригнувшись, где лежа, оттаскиваю из-под огня. И все скорей, скорей, на последнем, кажется, дыхании, из последних сил... Но повезло в тот раз...

Она и вправду уверена в каком-то своем особом везении. Сколько раз смерть была совсем рядом, в миллиметре. Даже в сорок пятом, на пути к победе. Артиллерийская колонна, следующая по восточному берегу Одера, попала под налет вражеской авиации. «Налет был неожиданный, да... Поутюжили нас крепко». Титкова находилась в радиной машине (машине связи), и при первом же пикировании «мессершмиттов» пулеметные пули ожегли волосы надо лбом, продырявили шапку, ватные брюки в нескольких местах, изрешетили пол кабины. Но — жива! Под бомбовыми разрывами, под вой пикировщиков вытаскивала из горящих машин раненых, бросалась в самое пекло — спасать, спасать! И снова — жива!

А баня — там же, на восточном Приодерье? В период затишья присмотрели бойцы на самом берегу невест как уцелевший бревенчатый домик, оказалось — баня. Целехонькая, только протапливай и мойся. Доложили кому надо, подбросили идею: а что, днем тихонечко протопить, а ночью помыться — мечта солдата! Подумав, начальство дало «добро». С обеда баньку осторожно протапливали, а к вечеру — готово, начиная! Целый праздник! Поскольку из представителей женского пола налицо оказалась одна Полина Титкова, мужская половина уступила ей право первенства. И в ранних сумерках, как можно незаметнее (на другом берегу — враг!) Полина по тропинке спускается к баньке, входит, начинает обычный, но такой сладостный в походной солдатской жизни ритуал. И вдруг единственное, что услышала, — вой снаряда; затем удар и темнота. Оказалось, банька была давно с того берега пристреляна и возня около нее замечена, догадались... От баньки — один щебень да обгорелые бревна, а она, Полина, среди этого дыма, гаря, порохового чада — цела!

«Ну, разве не везенье?» Так что первое ранение тогда, под Харьковом (а всего за войну Полина Титкова перенесла три ранения), воспринималось ею с досадой. Оно и отчеркнуло новый, второй — как она сама его определяет — этап ее военной жизни. Оказалась в Москве, в сортировочно-эвакуационном госпитале СЭГ-290, — не зная еще, что на добрые полтора года застрянет в нем. Медики, особенно такой закалки, нужны были и здесь: по выздоровлении ее оставили в госпитале старшей медсестрой 4-го хирургического отделения — отделения ранений конечностей. Спротивлялась, просилась на передовую, в медсанбат — а оказалось, что здесь не легче, чем на передовой: враг из последних сил рвался к Москве...

— Октябрь сорок первого был очень, очень тяжелым, — говорит она, с особым усилием ударяя на слове «очень». — Налеты, бомбежки без конца; а что значит в госпитале бомбежка? Всех раненых — в подвалы! Отбой тревоги — опять всех наверх. И так раз по десять за сутки... Был такой трудный период — шестнадцать суток без сна. Кто бы мне до этого сказал — не поверила бы ни за что: какие-то минуты удавалось придремнуть, то прислонясь к сте-

не, то на табуретке, а то и стоя — научилась... Да, да, секунды, минуты... Как же спать, когда налет за налетом, раненые прибывают каждый час — оборона Москвы, столицы! Во дворе горы окровавленных шинелей, телогреек — госпиталь принимал раненых с шести вокзалов сразу!..

Порывшись в книжных стеллажах кабинетной стенки, Полина Демидовна извлекает на свет десятый номер журнала «Знамя» за 1956 год. Журнал осыпательно потрепан, старательно подклеен — берегает.

И вот читаю строки из воспоминаний Вильяма Ефимовича Гиллера, начальника СЭГ-290: «Люди буквально валились с ног. Вообразите себе операционную. Ночь. Налет. Бомбежка. Гаснет свет. Открываю дверь операционной — тьма кромешная. Это меня не удивило. Но поразила тишина, как будто в комнате никого нет. А я твердо знаю, что там должны быть люди. «Что за наваждение? — подумал я. — Может быть, в темноте не в ту дверь зашел?» Но тут же наткнулся на знакомый умывальник... И вдруг мой слух уловил храп спящих людей... Я был настолько ошеломлен, что забыл об электрическом фонарике и зажег спичку. Передо мной предстала картина... Спали врачи, спали сестры, спали и раненые на столах. Я зажег вторую спичку: на других столах тоже лежали люди, а рядом кто-то в белых халатах, я сразу не разобрал, кто это: врачи или сестры. Одни из них сидели на табуретках, другие спали, по привычке вытянув перед собой сложенные в кулаки руки. Попробуйте сделать это вы, у вас руки долго не выдержат такого напряжения и тотчас упадут. А вот у нашего брата хирурга этот рефлекс вырабатывается долготелетней практикой. Хирург больше всего берегает от загрязнения руки, особенно пальцы... Кто-то присел на корточки к стене, видимо, не найдя себе стула. Операционная сестра спала, прислонившись к столу...»

После перебазирования под Вязьму, в Пыжовский лес, — Полина к этому времени уже была избрана освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ госпиталя, — надо было все создавать на голом месте, разворачивать, налаживать службы, полноценную работу отделений. Сначала палатки. Одновременно строились помещения, рывасы котлованы — госпиталь должен был уйти под землю — это диктовал опыт войны. Непосильная, почти невыполнимая (на сегодняшний взгляд) работа — из-за отсутствия необходимых строительных средств, материалов, а главное, рабочих рук. Здесь от секретаря комитета комсомола Полины Титковой потребовалось все ее организационное умение, духовная сила, способность увлекать, преодолевать неодолимые, казалось бы, трудности. Под руководством опытного комиссара госпиталя Георгия Тимофеевича Савинова Полина мобилизует все работоспособное местное население, легкораненых. И сами они — сестры, санитарки, сапуджиницы, свободные на какое-то время врачи — становятся архитекторами и прорабами, берутся за лопаты и домы, обшивают спецблindaжи материей, марлей, — ко всему добавлялась необходимость полнейшей чистоты и стерильности.

С учетом того, что число легкораненых составляло примерно пятьдесят процентов из общего числа, было решено совместить их лечение с боевой и физической подготовкой, а не отправлять в глубокие тылы, как делалось раньше. Задача командования была выполнена — сортировочно-эвакуационный госпиталь на пять тысяч (!) мест все больше приобретал облик военно-полевого хирургического комбината широкого профиля, превращался в основную госпитальную базу Западного фронта.

«Делегация союзников, прибывшая для обмена опытом медобслуживания раненых в полевых условиях и состоявшая из высоких авторитетов англо-американско-канадской военной медицины...» — пишет В. Е. Гиллер, — была попросту ошеломлена увиденным. Подземные сооружения, покрытые дерном, деревянные, хорошо замаскированные тротуары, узкоколейка... В палатах обилие света, кровати под белыми покрывалами, сверкающий белизной пол, тишина. Если бы не длинный ряд столбов и видневшиеся в перекрытиях железнодорожные рельсы, никто бы не сказал, что все это под землей. А оперативность служб, приемы ускоренной обработки раненых, методика и организация сортировки, лечения... Союзники только качали головами и прищелкивали языком. И было чему удивляться: подсчеты, сделанные после войны, показали, что только из СЭГ-290 на фронт (не считая получивших здесь необходимую помощь и отправленных в тыл) был возвращен целый корпус солдат и офицеров».

В марте 42-го, с группой награжденных сотрудников госпиталя, Полина Титкова получила свою первую награду — медаль «За отвагу». «Словно стремительный вихрь носилась она целыми днями, — пишет о Титковой В. Е. Гиллер. — Обучала девушек стрельбе. Присутствовала при закладке продуктов в котлы. Вела беседы в общежитии. Устраивала маленькие торжества по случаю дня рождения санитарки, сестры или швеи. Ездил к начальнику военторга фронта добывать флаконы духов для девушек. Устраивала елки для раненых... Вожак четырехсот сорока шести комсомольцев, всю свою канцелярию она ухитрялась уместить в командирской сумке...»

Как мало этих скупых слов, и как много за ними — для тех, кто знает, что такое полевой госпиталь. Беседы в общежитии, елки для раненых... А сколько раз, когда госпиталь был сверхперегружен, становилась она рядом с хирургом к операционному столу, подменяя обессиленную операционную сестру!.. Что она не перевидела: метания раненых, после шока еще не пришедших в себя, но уже чувствующих грызущую боль, от которой нет сил сдерживать стон, фанерные лубки на руках, ногах, поставленные там, на передовой задыхающейся медсестрой в грязной от земли и гари шинели, медсестрой из тех, кто шепчут: «Потерпи, родненький, потерпи, все будет хорошо...», — мертвенные маски лиц тяжелораненых — в голову, грудь, позвоночник... Проникающее ранение в область живота, глубокое повреждение плечевого сустава, осколочные повреждения спины в области позвоночника; контузия, многократные переломы в результате отброса взрывом на пятьдесят метров; рассеянные осколочные повреждения... Для них — врачей и сестер — это и был враг, которого надо победить. Один из хирургов госпиталя, еще в сорок четвертом, почти за год до конца войны, до победы, прикинул, что из металла, вынуженого только им одним из раненых бойцов, можно было бы отлить трактор...

А как помнятся бесконечные наставления Вильяма Ефимовича на утренних летучках — что делать персоналу у операционного стола на случай снаряда, бомбы, рухнувшей стены: «На разрез — салфетки. Но главное, главное — руки! Руки вверх! Вот так! Руки должны быть чистыми!.. Чистыми!..»

Этим рукам вскоре снова пришлось взяться за лопаты и топоры — госпиталь, в связи с наступлением 3-го Белорусского фронта, перебазировался ближе к передовой, в Шеревичи. Наступление — такое долгожданное! — пойдет на Витебско-Оршанском направлении, на очереди освобождение Борисова, Минская операция... Снова комиссар госпиталя Георгий Тимо-

феевич Савинов и Полина Титкова в минимально сжатый срок организуют строительство подъездных путей, приемников, подземных операционных. Лечение, оперирование, сортировка раненых идут под стук топоров и визг пил. Приказ командования — обеспечить бесперебойный прием раненых непосредственно из медсанбатов! И госпиталь обеспечил — принимали не только из медсанбатов, но прямо с передовой — наспех перевязанных, только из боя, в пропитанных кровью бинтах...

На организованном командованием Западного фронта совещании комсомольских работников Полины Титковой в нарушение строгого получасового регламента дали час с лишним — случай на фронтовых совещаниях исключительный, — но исключительно важным оказался ее опыт медсестры, комсомольского работника, организатора, умение преодолевать непреодолимое, воля к победе, проявленные комсомольцами госпиталя под ее началом, — почти восемьдесят процентов медперсонала СЭГ-290 составляли комсомольцы.

Отведенные Полиной Демидовой на нашу встречу «час-полтора» уже давно прошли, то и дело звонят телефоны, тормозят, забегая в кабинет, работники различных служб дома отдыха. У всех неотложное. Принимать ли на работу плотника, уж слишком много у него «всего» в трудовой книжке — не переговорите ли, Полина Демидовна, сами с ним? База срезала ассортимент продуктов по нашей заявке — не позвоните ли, Полина Демидовна? Местная школа напоминает о вашем выступлении перед учащимися, они ждут, рассчитывают. И опять, опять звонили из исполкома о... Извинившись, она быстро звонит, принимает, беседует, решает. Она нужна здесь всем.

Эти моменты дают мне возможность хорошо ее рассмотреть. Пытаюсь найти в лице Полины Демидовой черты особого склада, особой воли. Но нет, ничего особого. Ухоженное лицо с тончайшей, почти незаметной косметикой, несущее в себе черты прежней привлекательности. То строгие (от внутренней собранности), то улыбчивые (и тогда сразу добрые и простодушные) внимательные глаза. Опрятность и в одежде, сером шерстяном костюме. На левом лацкане алый флажок депутата поселкового Совета, на правом — нечто изящное, вроде банта из узких цветных лент с каплевидной подвеской, на которой — профиль женщины в белом халате. Так вот она какая, награда Международного Комитета Красного Креста — медаль имени Флоренс Найтингейл; её удостаиваются медицинские сестры, «отличившиеся в военное или мирное время храбростью и исключительной преданностью раненым...» В нашей стране сорок одна женщина имеет эту награду. «Это, — заметив мой взгляд, говорит Полина Демидовна, — уменьшенная копия, рабочий дубликат медали, ну, для повседневности, что ли. Оригинал, который хранится дома для «парадных» случаев, крупнее и наряднее», — в ее словах смущение, смешанное с гордостью.

После того фронтового совещания ей предложили остаться в политотделе фронта: хватит в госпитале, вот вам побольше масштабы... Но она рвалась на передовую — медсестрой. Хотя бы в медсанбат! Знала по опыту: от медсанбата до передовой положенные пять километров — только на карте, а на деле, в постоянно меняющихся условиях войны — часто один шаг. Так и получилось: уже будучи старшей медсестрой медсанбата, во время ожесточенных боев за Витебск, она вынесла из-под огня около двухсот раненых! И опять — санитарные палатки, день и ночь

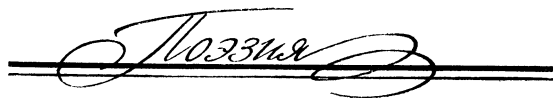
среди мечущихся, стонущих, бомбежки, второе ранение, госпиталь.

— Вот здесь новая — третья, можно сказать, вежа в моей фронтовой жизни. После госпиталя меня направили в сто сорок вторую артиллерийскую бригаду — запомните этот номер! С этой артбригадой, старшим фельдшером медсанчасти, я и дошла до Берлина. В артбригаде и получила третье свое ранение, — она выделяет слово «получила», словно речь идет о получении медали, — но очухалась быстро, рядом в медсанбате. Врачи поражались — вчера из головы вынули осколок, а сегодня я уже на ногах, требую выписки. Да здорова я уже, здорова, говорю... Ну что вам, сплясать?.. Я ведь там нужна!.. Несколько дней упрасивала, я ведь боевая была, упрямая, об этом даже Вильям Ефимович Гиллер пишет, — и отпустили все-таки в свою бригаду... А шестнадцатого апреля началось наступление Первого Белорусского на Берлин; началось, конечно, с артподготовки... Кстати, первый выстрел по Берлину произвела 152-миллиметровка именно нашей 142-й артбригады — под номером 3922, она сейчас в Центральном музее Вооруженных Сил... Но артподготовка! Это невозможно представить, какой грохот стоял! После нее я полгода плохо слышала... А второго мая на ступеньках рейхстага Русланова давала концерт для бойцов... Я, как и все, конечно, тоже расписалась на стене — а надписей, фамилий... сотни! Жаль, что стерли все потом...

Тогда, 2 мая 1945 года, она не знала, что ее ратный путь не окончен — пришлось дальше идти с войсками, которые ликвидировали южную группировку врага. (Демобилизовалась она в сорок пятом — старшим лейтенантом медицинской службы.) Не знала и того, что еще двенадцать с небольшим перерывом лет проведет в ГДР — уже вместе с мужем-военнослужащим. Награды? Орден Отечественной войны 1-й степени, много медалей. И среди них — самая памятная, первая, дорогая каждому солдату — «За отвагу». Ну и, конечно, эта — медаль имени Флоренс Найтингейл...

Мы снова идем по заснеженной аллее. Полина Демидовна молчит, углублена в себя, что-то нелегко думает. Потом долгий, изучающий взгляд на меня, будто прикидывает: поймет — не поймет?

— Знаете, у меня очень хорошая зрительная память, можно сказать, феноменальная... Так вот представьте и поверьте: почти каждый год я встречаю одного-двух человек, которых либо перевязывала, либо тащила из-под огня... либо из тех, что были в госпитале или медсанбате. Удивительно? Мне и самой удивительно. И все случайно — на встречном эскалаторе в метро, из окна трамвая или троллейбуса... И сначала так, только общее — помню, что тогда видела. Но где, где точно? — бывает, день-два все не выходит из головы. И вдруг — батюшки! — да это же под Витебском, под бомбежкой: тащила в кусты, в укрытие — тяжеленный, лицо очень мужественное, броское такое, и все кривился, то ли от боли, то ли от того, что я надрываюсь, а он мне ничем помочь не может... Вспомню — и обрадуюсь: жив, значит, остался! А потом даже всплакну, как навспоминаюсь... Разве можно все, что они пережили, передать?... Она замолкает, страдальчески морщит лицо — сестра милосердия.



НАТАЛЬЯ ВАРЛЕЙ



☆☆☆

С Новым годом, моя весна!
С Новым годом, счастливая песня!
Все на свете бессмысленно, если
Нам с тобой нелюбовь суждена!

☆☆☆

Спыхватываюсь...
Травы высоки,
Трудны шаги, а нити —
неприметны,
Разбросанные временем
и ветром,
И мне еще трудиться
беспросветно,
Их сматывая в светлые
клубки —
Клубочки счастья...
Памяти клубки...
Спыхватываюсь!..
Травы высоки.

Из цикла «Зоопарк»

Змея

Змея лежит, свернувшись, под стеклом,
Как подо льдом замерзшее растение.
А у змеи сегодня — день рождения,
Пятидесятилетие притом.
Глаза ее печальны, а не злы,
Как вы несправедливо полагали.
В ее мечтах — тропические дали
И баобабов крепкие стволы.

Лев

Рыдает лев
В большой железной клетке.
Над ним смеются воробьи на ветке,
И бойкие упитанные детки,
И старичок, на лавочку присев.
«Ну разве не потешно, в самом деле:
Такая слабость в этом сильном теле!
Царя зверей увидеть мы хотели!..»
...И плачет, плачет горделивый лев.

ФАИНА
ФУРСОВА

Фаина Петровна Фурсова — народный судья по делам несовершеннолетних Советского района г. Москвы, отличник народного просвещения РСФСР. На судейской работе с 1954 года — сразу по окончании юридического факультета МГУ.



СУДЕЙСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Признаюсь, что, завершив процесс, я никогда не могу сказать, что испытываю чувство удовлетворения. Даже если наказание назначено самое справедливое...

До сих пор не в силах привыкнуть, что приходится брать под стражу подростка. Прихожу домой и вижу, как его везут по улицам, как привозят в тюрьму, как стригут... И так несколько дней неотступно вижу его. Муж говорит, что так нельзя, что я излишне впечатлительна — говорить-то говорит, но он тоже юрист и прекрасно меня понимает.

Да, наказание — и порой строгое — необходимо. Но удовлетвориться вынесением наказания судья не вправе. И все, что в его возможностях, должен делать для того, чтобы как можно реже видеть несовершеннолетних (и не только несовершеннолетних, конечно, но в данном случае я говорю о своей практике) на скамье подсудимых, т. е. изучать причины преступности и заниматься профилактикой.

Обобщая судебную практику нашего района, хочу сказать, что пятьдесят процентов преступников из явно неблагополучных семей. И это неблагополучие порождено, как правило, алкоголизмом.

В последние годы возросло число пьющих женщин. Это очень опасный симптом. Недавно на заседании районной комиссии по делам несовершеннолетних я вдруг увидела в деле знакомую фамилию. Что такое? Тараканов-младший (и в этом случае и в дальнейшем приводить подлинные фамилии я не считаю возможным). Неужели?.. Его мать я лишала родительских прав лет десять тому назад. Свидетелем по делу шел старший сын, который был рожден, когда родители еще не пили. Я следила за его судьбой и знаю, что он вырос достойным человеком. Мне было известно, что у среднего сына — врожденная психопатия. А младший сын, как оказалось, уж совсем неуправляемый парень. Как видите, чем больше пили родители, тем губительнее это отражалось на вновь рожденных детях.

У меня было дело по лишению отца родительских прав. Мать этих детей умерла, и они остались с отцом-алкоголиком, который допился в конце концов до белой горячки. Его девятилетняя дочь вела дневник, который озаглавила «Жизнь в нашей квартире № 80», и этот страшный документ, который мне передали из милиции, избавил суд от необходимости допрашивать детей. Все было ясно и так.

Девочка вела дневник ровно месяц. Вот первая запись: «Папа обозлился на Таню, что она вместо воды холодной дала ему теплую. Он подошел ко мне, ударил и говорит, щяс как дам, так мозг из го-

Фото Л. Шимановича

ловы вытекет паружу». Следующая запись: «У нас заболела Таня, мы ушли в школу, а папа взял у бабушек из 64-й квартиры денег и сказал, что Танечке на молоко. А сам купил за 64 коп. какую-то гадость». И затем девочка день за днем записывает, сколько бутылок и какого вина (большей частью фруктового!) принес домой и выпил папа, как он ругался и дебоширил, как ночью гонял ее с братом на улицу за окурками...

И наконец, такая запись: «Ночью он не спал, в 2 часа ночи он разрезал внизу диван, якобы он поймал черта. И разбудил нас с Сергеем, и Сергей так скал ему тряпки, чтобы заткнуть дырку. И пошел вызвал милицию... Милиция приехала, и он при всех начал искать черта и разрезал весь диван. В общем, его взяли в больницу, у него белая горячка».

Как ни странно, уже через десять дней этого папу выпустили из больницы, и не вменяйся суд, все пошло бы по-прежнему. А что же стало с детьми? Читаем: «Все родные отказались от нас. Таню сдают в детдом, а нас в интернат...»

Надо ли говорить, как своевременна та непримиримая борьба с пьянством, которая развернулась сейчас у нас в стране. Но я бы хотела привлечь внимание вот к чему. Ясно, что количество дел по лишению родительских прав в ближайшее время в судах — скажем так — не уменьшится. А в алкогольных семьях, как правило, не один и даже не два ребенка... Кого-то возьмут родственники, но в основном эти дети будут воспитываться в детских домах, а там существует жесткая возрастная граница: до трех лет — в один детский дом, до семи — в другой, а школьников — уже в интернат. И очень часто братья и сестры надолго, а то и навсегда фактически разлучаются.

Девушка, отец и мать которой в свое время были лишены родительских прав, рассказывала мне, что у нее был брат, которого она почти не помнила и долго не знала даже, в какой детдом он попал. А когда выросла, принялась его разыскивать, долго разыскивала и, наконец, нашла, но они оказались уже чужими людьми.

А недавно ко мне пришел, ожидая найти понимание, мальчик, которому я оказалась не в силах, хотя звонила даже в Министерство просвещения. Трагическая история его семьи такова. Его родители получили наследство — рублей семьсот, кажется. В семье было трое детей, и старшего (он-то ко мне и пришел), который учился в ту пору в четвертом классе, пять дней не пускали в школу, обязав ухаживать за малышами. И он старался, как мог, — готовил еду даже младшей сестренке, которой и двух лет не было... А родители шли, с каждым днем все больше теряя человеческий облик. Мать утре кровью харкала — муж то и дело бил ее. На третий или на четвертый день мать, проснувшись и еще не выпив первую рюмку, сказала старшему сыну, что она, очевидно, скоро умрет, и дала ему двадцать рублей, чтобы он поехал в «Детский мир» и купил себе часы. И потихоньку выпустила его из дома, и он купил себе часы. А на пятый день мать действительно умерла, и экспертиза установила, что смерть наступила от жестоких побоев. Дети, как вы понимаете, остались одни — отец был осужден на длительный срок и лишен родительских прав.

Старшего усыновила тетя, а девочки были помещены в разные — в зависимости от возраста — детские дома. И мальчик пришел ко мне вместе с тетей и говорил, что сестренки его отвыкают друг от друга, да и ему не так просто постоянно ездить в два детских дома...

Как можно разлучать сестер и братьев?! Не берусь судить, как следует реформировать детские дома,

чтобы дети не теряли родственных связей. Ясно только, что эта проблема требует незамедлительного решения.

На каждое судебное разбирательство мы приглашаем педагогов. Лично я убеждена, что если ребенок растет в неблагополучной семье, то высшим авторитетом для него может стать школьный учитель. И если это так, то у парня, который оказался тем не менее на скамье подсудимых, уловив в глазах и стыд и раскаяние.

Но представьте учительницу (а бывает и так!), которая встает и говорит, что «этот, сидящий на скамье подсудимых, на уроках всегда вертелся и постоянно нарушал дисциплину... Я помню и другую учительницу, которая восклицала: «Да это же бандит какой-то, он убивать будет, если вы его не посадите». Может быть, посадить и надо, но настоящий педагог так говорить на суде не должен. Он должен страдать, видя школьника на скамье подсудимых.

Лет десять назад я слушала дело, в котором был замешан школьник Володя Н. Улица Красного маяка «пошла» на Чертановскую, и Володя тоже поучаствовал в этой драке. Начинается судебное разбирательство, а Володиной матери нет в зале — он рос без отца, а мать, как всегда, была в загуле... Дело несовершеннолетнего, как известно, не может рассматриваться в отсутствии родителей. И тогда Володя встает и говорит: «Но у меня же есть Генриетта Кузьминична. Она здесь. Это мой классный руководитель». И выяснилось, что сразу после драки Володя побежал домой к своей Генриетте Кузьминичне и все рассказал ей, а затем они вместе пошли в милицию...

Суд согласился, чтобы работник района заменил в процессе Володиму мать, а, по сути, мы целиком доверились Генриетте Кузьминичне, убедившись, что действительно классный руководитель была для мальчика больше, чем мать. Он всегда мог прийти к ней на чашку чая и обсудить все свои проблемы — мать редко бывала дома, а у Володи был младший брат...

Этот процесс, в котором Володя был второстепенной фигурой, длился долго, а Генриетте Кузьминичне надо было уезжать с ребятами в пионерский лагерь. И перед отъездом она постоянно атаковала меня: «Ну скажите, что будет? Ну хотя бы глазами скажите: посадите или нет?» Заседатели уговаривали меня: «Ну давайте скажем, что может спокойно уехать...» Но судья же не может так поступить. Уж не знаю, поняла ли она по моим глазам, что мы намерены ограничиться условным сроком?..

А Володя, окончив школу, получил хорошую профессию, счастлив в семейной жизни, растит сына. И недавно, что очень интересно, я, рассказывая в педагогической аудитории, каким воспитателем может быть настоящий учитель, вспомнила эту историю, и вдруг поднялась молодая учительница и воскликнула: «Это наша Генриетта Кузьминична! А Володя — мой одноклассник...» И было ясно, что учительскую профессию эта девушка избрала отнюдь не случайно.

Я сама выросла в семье педагога. Моя мама преподавала сухой предмет — математику, но мое детство — ежевечерние мамнины ученики, полон дом ее учеников. Я до сих пор помню их фамилии. Я же видела себя только на сцене, и театр для меня до сих пор — некое священнодействие. Но по окончании школы, на большом семейном совете, было решено, что мне следует получить широкое гуманитарное образование, а именно юридическое. Мама ужасно бо-

ялась, что вот я пойду в актрисы, а у меня не обнаружится подлинный талант... Все студенческие годы я занималась в театральном коллективе МГУ и, даже став судьей, не сразу рассталась с любительской сценой. Но другое свое увлечение — педагогику — я нашла возможность совмещать с судейской работой. Да, было время, когда я металась, придя к выводу, что мое призвание — идти по стопам мамы, но и от работы в суде уже не в силах была отказаться. Поначалу, изыскивая свободные часы, я стала читать лекции, стремилась почаще встречаться со школьниками. И вдруг директор одной из московских школ предложил мне раз в неделю факультативно вести занятия по основам государства и права. Я загорелась, быстро нашла контакт с учениками, а вскоре этот предмет — в порядке эксперимента — был введен в десятки московских школах. Это было в 1974 году, а теперь у всех восьмиклассников — это обязательный предмет. И каждую субботу я по-прежнему спешу в школу. Эта работа очень важна для меня теперь. Человек привыкает к своей профессии — это закономерно. Но привыкнуть судить детей невозможно. И чтобы мир не был сплошь в мрачных красках, мне лично просто необходимо постоянно встречаться с детьми не только на скамье подсудимых. Одно дело — свои дети. Одноклассники моих сыновей постоянно бывали у нас дома. Я с ними даже спектакли ставила. Но, постоянно преподавая в школе, видишь, как из года в год дети в какой-то мере меняются. Четко понимать эти изменения подростковой психологии очень важно для меня и как для судьи.

Что я могу сказать о своих сегодняшних учениках? Уже в прошлом году на традиционный вопрос: «Всегда ли будет существовать государство?» — я вдруг услышала такой ответ: «Если жизнь на земле прекратится, если мы не отстоим мир, то не будет и государства...» Еще лет десять назад такого ответа я не могла и представить даже. Сегодняшний парень легко ответит на любой вопрос усредненным газетным языком. Чего проще — воспользоваться готовым стереотипом, которые в изобилии предлагаются средствами массовой информации. Но если достучишься до ума и сердца, разбудишь мысль, они готовы с жадностью обсуждать наисложнейшие проблемы.

В прошлом году мои школьники впечатляли меня нестандартными мнениями, когда мы обсуждали проблему наказания — как общество должно наказывать оступившихся людей? (Что касается моего мнения, то я стою на том, что ужесточение наказания — палка о двух концах, что наказывать следует строго индивидуально, и суд обязан находить эту меру.) А главным смягчающим обстоятельством чуть ли не все мои ребята называли раскаяние.

А что такое раскаяние?

Многие подсудимые говорят: да, виноват, больше не буду — и в слезы. В суде хочется плакать. Жалко себя. Да тут и мама сидит. На улице солнышко светит. А около тебя конвой... Но слышишь игнорно-прочувствованную речь и понимаешь, что несколько он в душе не раскаивается. И тогда я спрашиваю, допустим: «Хорошо спал сегодня?» — «Да!» — бесхитростно отвечает «раскаившийся». И все окончательно ясно.

Лучше ты молчи, но дай на деле понять, что раскаиваешься. Был у меня такой пример. На скамье подсудимых сидел парень, который однажды задержал напавшего на девушку преступника, а через месяц пошел с компанией... грабить. Идет процесс, его дружки пылко раскаиваются, но не забывают просить у родителей денег на тюремный ларек. А этот парень немногословен, а в последнем слове вдруг говорит: «Маленькая сумма — двадцать рублей. Мать на ларек давала, но я ничего себе не покупал. Вот

этой женщине — пенсионерке, которую мы обворовали, пока перечислите двадцать рублей. Буду гасить ущерб...»

Я замерла. Вот это и есть раскаяние, которого всегда ждешь.

У меня было четыре дела, при слушании которых я каждый раз вспоминала рассказ Владимира Тендрякова «Расплата». Ребенок год за годом терпит пьяные дебоши отца, видит, как он издевается над матерью, и однажды предел терпения исчерпывается... Сын (а в моем четвертом деле — дочь) убивает отца...

Невероятная, непостижимая ни умом, ни сердцем ситуация. А в основе ее — все то же губительное пьянство. Так хочется верить, что подобных дел я больше вести не буду.

Но одно из этих дел резко выделялось из остальных, и стоит того, чтобы о нем рассказать. С точки зрения следствия дело было очевидным — следователь был молод и неопытен и удовлетворился тем, что семнадцатилетний парень безоговорочно признал себя виновным в умышленном убийстве. Еще читая дело, я узнала: мальчик не один год уговаривал мать не расходиться с отцом, иначе, говорил он, отец умрет под забором. И только он мог успокоить пьяного отца, уложить его спать. И вдруг — умышленное убийство!?

Мы начали слушать дело. Обвиняемый, как убеждаем, не в состоянии отвечать на вопросы. Он говорит только: «Я негодай — убил отца. Судите меня и давайте как можно бóльший срок».

В тот день к нему пришли две одноклассницы, переписывали экзаменационные билеты. С них мы и начали допрос. Они рассказали, что продолжали переписывать билеты, когда в комнату вошел пьяный отец. А напиваясь, он любил поговорить на «нравственные темы». На этот раз он начал клеить молодежи — вот, дескать, магнитофоны вам только, джинсы... И нравования свои приправял, естественно, матом. Сыну стало стыдно, и он вытолкнул его из комнаты. Тот снова ворвался к ним, сын толкнул его посильнее и пьяный больше к ним не врывался! Девочки переписали билеты и ушли...

Эксперт доказывал в суде, что отец мальчика был настолько пьян, что любое падение — даже и от толчка сына — могло оказаться для него роковым... А сын продолжал говорить, что он во всем виноват, что, да, ему было стыдно перед одноклассницами, но все равно он не должен был толкать отца...

Мы освободили его из-под стражи, ограничившись условным наказанием, мать плакала от радости, а сын прямо из зала суда побежал на могилу отца...

Очищительные муки совести, как говорили в стародавние времена.

Клички, которые бытуют в среде подростков, как правило, очень меткие. Эти клички о многом говорят. Например — «Голодный Боб». Все ясно — мальчик из семьи алкоголиков. Все деньги в этой семье пропиваются, дети ходят голодными...

Другая кличка — «Ростовщик». На одном из процессов мы допрашивали парня, который обвинялся в воровстве, и на вопрос, на что он истратил украденные деньги, он ответил: «Ну, во-первых, ростовщику отдал долг...» Ростовщику? Я подумала было, что нашелся такой дядя... Нет, кличка «Ростовщик» принадлежала, оказывается, шестикласснику, который под хороший процент снабжал знакомых ребят деньгами, явно догадываясь, чем занимаются эти ребята... Мы пригласили «Ростовщика» и его маму на комиссию по делам несовершеннолетних. Мама — инженер

одного из НИИ — держалась лицемерно, не вызывала доверия. И лишь когда представитель с ее работы рассказал, что она постоянно предлагает сослуживцам что-либо «устроить», всегда знает, где и что можно выгодно купить, стало понятно, что мальчик, который воспитывается в атмосфере постоянного приобретательства, решил, естественно, и сам заняться заработком. И самое ужасное, что его стяжательство оставалось вне поля зрения школьных педагогов. В его дневнике были лишь записи, что вертелся на уроке, забыл тетрадь...

В другом деле у нас шел свидетелем ученик четвертого класса, купивший краденый альбом с марками. У этого мальчика кличка была «Кассир». Его классный руководитель, с которой у нас возникло полное взаимопонимание, ужасалась, что мальчика больше всего интересуют цены — он всегда знает цены на все товары и продукты, имеет собственные деньги и необычайно жаден. Вызываем маму. Наши вопросы удивляют ее. Она гордится, что ее ребенок так воспитан, что никогда не потратит деньги зря, она уверена, что он никогда не будет пить, не будет курить. По ее мнению, он добьется в жизни многого... Допускаю, что этот мальчик купил краденое скорее всего по незнанию и что дома его учат не преступать рамки закона. Но что касается нравственности, нашей коммунистической морали...

Сужу по собственному опыту, что до души ребенка из семьи алкоголика порой достучаться легче, чем до души «сытых», упитанных. Помню маму, которая принесла в суд своему сыну двести нажаренных ею котлет. («А что же, он будет есть вашу тюремную пищу?») Но это уже другая тема, другой разговор — о несовершеннолетних преступниках из «благополучных» семей, о тлетворном воздействии на подростков цинизма, бездуховности, меркантилизма.

Недавно я получила письмо:

«Фаина Петровна, хочу сразу попросить у Вас прощения за свое поведение на суде, поймите меня правильно, но дело в том, что в ночь перед судом я почти не спал и плохо себя чувствовал.

Признаться, я очень боялся встретиться с Вами на суде второй раз, а сейчас понял, что мне очень повезло, что я попал именно к Вам. Фаина Петровна, Вы многое для меня сделали, надеялись на меня, верили, а я на самом деле оказался «дерьмо», извините за выражение, но лучшей формулировки для себя не нахожу...»

Так начал свое письмо Саша Н., историю которого я хочу рассказать. В пятнадцать лет он окончил восьмой класс школы интерната для сирот; родственников, которые бы взяли его опекать, не нашлось. В таких случаях опеку берет на себя — часто формально — один из преподавателей интерната, парню дают комнату и устраивают на работу. Мне представляется, что сложившийся порядок недопустим. Восемь лет мальчик жил в коллективе и теперь остается один. Как он распорядится своей судьбой? Может быть, коллективную опеку над ним должна брать общественность того предприятия, куда он поступает работать? Тут еще нужно думать...

Сашу поселили вместе с братом (человеком не совсем полноценным), который чуть раньше окончил ту же школу-интернат. На заводе они попали в женский коллектив, где их жалели — сироты. Женщины из их бригады оклеили им комнату обоями. Подобной жалостью все и ограничилось. А братья наши дружков, после работы собирались стойкой и по магазинам, по автомобилям шарили...

Саша получил срок, а, возвратившись, пришел к нам в суд и попросил помочь ему с жильем. Комна-

та его была уже занята, без прописки же его не брали на работу... Мы приняли участие в его судьбе. Одна из моих заседательниц звонила в Моссовет и она же поддержала Сашу деньгами. А я написала письмо на завод, чтобы его приняли на работу пока без прописки, заверяла, что скоро прописка будет. И все у него уладилось. Он пришел, поблагодарил. Больше не появлялся, но я понимаю, что лишний раз приходить в суд, где тебе дали срок, не очень приятно. Это естественно.

И вдруг мне приносят дело, и среди обвиняемых — тот самый Саша. У меня сердце екнуло. Адвокат говорит, что Саша боится вновь со мной встретиться, что попал вроде бы случайно, что места себе не находит. Что же произошло? Вернулся из колонии парень, с которым Саша в школе-интернате учился. У этого парня тоже родителей не было, и бывшие одноклассники позвонили Саше, который на следующий день должен был идти в армию, и сказали, что надо встретить человека. Поехали на квартиру в Чертаново, выпили — правда, немного. Возвратившийся парень стал говорить, что надо чего-то сделать. Саша попытался его образумить, но тот принялся его подначивать: «Чистым стал, да? Своих уже не понимаешь?» И все вместе пошли шуровать по машинам. А потом тот парень угнал мотоцикл и принялся всех катать — тут их и взяли. «Я понимаю, что делаю подлость, — говорил на суде Саша, — но я поддавался общему настроению... А вообще-то он и говорить толком на суде не мог — не поднимал глаз на меня.

Я переживала страшно. Потом спустилась в конвойную, что обычно никогда не делаю, и сказала Саше: «Мне не очень хочется с тобой говорить. Ты сам подумай, как ты распорядился своей судьбой! А меня сомневаться заставляешь, стоит ли таким, как ты, добрые дела делать?» Он слушал меня молча, со слезами в глазах...

Он получил три года — ведь у него уже была судимость. И вот теперь прислал письмо, в котором сообщает, что записался на курсы шоферов, и заверяет меня, что, отбыв заслуженное наказание, уже никогда не оступится.

Если ты прочитаешь этот журнал, Саша, то знай, что я верю тебе, очень хочу верить.

Я вообще верю, что многих, очень многих оступившихся можно исправить. И судебный процесс стремлюсь вести так, чтобы уже здесь, в зале суда, был сделан первый шаг к перевоспитанию.

В фильме «Соучастники» следователь пьет чай с парнем, дело которого он вел. Этот чай, как говорится, клюква. Разве в том дело, что я приглашу того же Сашу к себе домой пить чай?! Судья должен всю душу в процессе выкладывать, а, написав приговор, осмотреться вокруг — что еще можно сделать?

СЕРГЕЙ
КОШЕЧКИН

ДО СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА ОТНОСЯЩЕЕСЯ

Из записей разных лет

*Слова
«До Сергея Есенина
относящееся»
были написаны
на моей первой тетради,
куда я заносил самые
различные сведения
о жизни
и творчестве поэта.
В 1957 году ее увидел
Всеволод Александрович
Рождественский и спросил,
сам ли я сочинил
такую надпись.
Я ответил,
что использовал слова
из письма Владимира
Галактионовича Короленко
от 11 июня 1887 года:
«С этих пор уже все,
до этого лица относящееся...»
Это письмо
было впервые
опубликовано в 1936 году.
«Странно,—
заметил Рождественский,
— но, как мне помнится,
такого же характера фразу
я слышал от
Сергея Александровича
Есенина:
так он называл папку
с вырезками
заметок и статей
о его стихах. Видите,
как у вас удачно
получилось».
Записи разных лет под этим
в определенном смысле
знаменательным заголовком
я и предлагаю читателям
«Юности».*

На снимке. Сергей Есенин.
1923 год.

ПЕСНИ МАТЕРИ

К

ак-то рассказывал я Екатерине Александровне Есениной, старшей сестре поэта, о своей поездке в Тарханы. Она слушала со вниманием и вдруг спросила:

— Экскурсовод был толковый?

— Очень. Мы ее заслушались.

— Ну тогда она и о песне говорила. О материнской песне... Знаете?

Я догадался, что имела в виду Екатерина Александровна. И с небольшими неточностями воспроизвел по памяти запись юного Лермонтова: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услышал ее, она произвела бы прежнее действие. Ее пела мне покойная мать».

— Верно, верно,— произнесла Екатерина Александровна.— Это будто и про нас, и про нашу мать сказано.

На миг возникла картина: молодая крестьянка склонилась над колыбелью. Сумерки, лампа еще не



зажжена; пение — тихое, ласковое, тронутое грустью...

Есенин любил пение матери. Уже в зрелые годы он с большой радостью слушал ее и в Константиново, где она постоянно жила, и в Москве, куда изредка навещалась. «...Споет она,— вспоминала писательница Софья Виноградская,— а он говорит: «Вот это песня! Сестры так не умеют, это старая песня».

Приехавшую из деревни сестренку Шуру, лицом и голосом похожую на Татьяну Федоровну, он просил: «Ты запой мне ту песню, что прежде напевала нам старая мать...»

И не думой ли о тех незабвенных днях под отчим кровом рожден просветленный вздох поэта:

Эх, песня,
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?

СЛУШАЯ ЧАСТУШКУ...

В рязанских селах короткие (в две или четыре строки) песенки называли еще припевками, побасками, канавушками, страданиями. Исполнялись они под аккомпанемент балалайки или гармошки (талянки, ливенки).

— Помню,— говорил в беседе со мной ровесник Есенина Сергей Николаевич Соколов, уроженец села Кузьминского,— как и у нас и в соседнем Константинове молодежь увлекалась частушками. Бывало, в погожий летний вечер пристроится на какой-нибудь завалинке гармонист, соберутся вокруг парни с девчатами — и начнется... Взмахнет самая бедовая платочком, притопнет каблучком — посыпятся припевки одна другой задорнее. За день-то наработались, устали, да куда там: до утра готовы гулять... И мы, мальчишки, конечно, возле крутимся, нам тоже интересно, особенно Есенину...

И позже, приезжая в Константиново, он любил слушать частушки. Спросит, бывало: «Знаешь, кто частушки поет?» На мой ответ скажет: «Пойдем, может, споют нам». Приходим, слушаем, а он нет-нет да что-то запишет в книжечку...

Есенин знал частушек великое множество. Пел он их, по словам друзей, по-простецки, с деревенским однообразием, но иногда, дойдя до яркого образа, внезапно подчеркивал, выделял его.

Охотно пел Есенин и частушки собственного сочинения, особенно на литературные темы. К примеру, о Сергее Митрофановиче Городецком, приветившем юного поэта по приезде его в военный Петроград:

Сделала свистулекку
Из ореха грецкого,
Веселее нет и звонче
Песен Городецкого.

Один из первых своих сборников Есенин предполагал назвать «Рязанские побаски, канавушки и страдания». Издание не состоялось, но мысль о публикации накопленного материала не оставляла поэта. В 1918 году в московской газете «Голос трудового крестьянства» Есенин напечатал несколько подборок, куда вошли частушки как записанные, так и сочиненные самим поэтом.

Жизненность тем, образность языка, отточенность, сжатость, звучность — эти качества частушек, воспринятые Есениным с детства, не забывались и ценились им в течение всей его жизни.

ДОРОГА К ЛЮДЯМ

Стихотворение, которым открывалась первая книга подготовленного самим Есениным трехтомника, начинается такой строфой:

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

«Я стою у дороги...» Как любого русского человека, его с детских лет влекла к себе дорога.

Сергей Городецкий, в квартире которого жил несколько месяцев по приезду в Петроград в 1915 году Есенин, рассказывал мне: «Юный гость быстро освоился в моей библиотеке и без труда доставал нужный том. Помню проникновенное чтение гоголевских строк о дороге».

Вот они, знаменитые строки из «Мертвых душ»: «Какое странное и манящее и несущее и чудесное в слове: дорога! и как чужда она сама эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... Кони мчатся... Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога!.. Сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!..»

Дорога, так вдохновенно воспетая Гоголем, путь, тропа — образы, проходящие через многие произведения Есенина. Начиная с самых ранних стихов: «По дороге идут богомолки...», «протянулась тропа деревень...», «кольцо дорог», «пройдет проселочной дорогой...», «пролегла песчаная дорога», «о красном вечере задумалась дорога...», «пробирались странники по полю...»

И себя новый поэт чувствует странником, решившим постигнуть «счастье ближнего... в звенящей рожище борозде». Понять «земли глагол», душу живую узнать до глубин — его мечта.

«...Тянусь я к людям», — сказал поэт. И его стихи — дорога к дружеским сердцам человеческим. Он мог бы повторить слова своего мудрого современника Михаила Пришвина: «...Я шел путем всех наших крупнейших писателей, шел странником в русском народе, прислушиваясь к его говору».

СЛОВО В СТИХЕ

Слово в есенинском стихе прочувствовано и осмыслено до каждого звука.

«Не видать конца и края...» Сколько простора в этих открытых «а», как бы постепенно тающих где-то далеко-далеко с легким, едва уловимым звуком: «Только синь сосет глаза!»

Корова «думает грустную думу о беломом телеке». Пять гласных «у» в трех словах делают «думу» животного не только горестной, но и долгой.

У лисицы «к о л ы х а л а с я в глазах лесная тонь». Именно — «колыхалася»... Почти физически ощутима какая-то тревожная медлительность.

И тот же несколько видоизмененный глагол в иной эмоциональной атмосфере звучит по-другому: «Все равно — глаза твои, как море, голубым к о л ы ш у т с я огнем».

Хвальбишка и трус Лабутя («Анна Снегина»)

...голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляном
Ссудите на четвертак...»

«Тянул...» Его слова иначе и не произнесешь.

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Действие выявляется в слове Видите, как «золотая... голова» за-про-ки-ну-лась и потом о-тя-же-ле-ла...

О стихотворцах с холодными сердцами Есенин говорил: «Все они думают так: вот — рифма, вот — образ, и дело в шляпе: мастер. Черта лысого — мастер... А ты сумей улыбнуться в стихе... вот тогда ты — мастер!»

Сам он в стихе умел не только улыбаться.

РАССКАЗЫВАЕТ СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Расспрашиваю Сергея Городецкого об отношении Есенина к поэтам-классикам, народному творчеству. Он рассказывает:

— В 1915 году Есенин несколько месяцев жил у меня. В моей библиотеке любого поэта он мог читать и читал в лучших изданиях.

Помню, как читал он вслух тютчевскую «Весеннюю грозу» с ее заключительными строками:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Над этой строфой Есенин и подтрунивал: дескать, хорошо, только почему на русских небесах — греческая богиня Геба? Говорил, а сам улыбался...

Много и горячо Есенин говорил о частушках. Он их начал записывать еще в деревне, и ко времени приезда в Петроград их набралось на книжку. Я собирался издать сборник есенинских записей, но выполнить это намерение по разным причинам не удалось. Частушки он любил, кажется, больше всего из народной поэзии, пел их в дружеском кругу охотно. Не всем тогдашним литераторам это нравилось: многие частушку считали ерундой, примитивом. Есенин терпеть не мог неодобрительных слов о частушке, и всегда в споре правда была на его стороне.

СМЫСЛ СТРОКИ

«Дай, Джим, на счастье лапу мне...» — начинается стихотворение «Собаке Качалова». И вот уже, казалось, шуточный разговор с ласковым щенком исподволь переходит в размышления о сложностях жизни, человеческих отношений:

Ведь ты не знаешь, что такое жизнь.
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Произнося вторую часть последней из этих строк, чтецы, как правило, делают логическое ударение на слове «стоит». Но верно ли это? Насколько богаче становится смысл строки, если ударение делать на слове «что» — «что жить на свете стоит», т. е. каких переживаний, душевных мук стоит это «жить на свете».

ЗЕЛЕНО-ЖЕЛТОЕ ПОЛЕ

Августа Леонидовна Миклашевская. Годы берут свое, но следы былой красоты видны и на лице, и в посадке головы, и в осанке. Голос мягкий, ясный.

— Я познакомилась с Сергеем Александровичем в конце лета 1923 года. Он только что вернулся из поездки за границу и был счастлив, что снова слышит вокруг русскую речь, видит знакомые лица. Рассказывал, как тосковал на чужбине.

Во время наших встреч — они чаще всего происходили в кафе — Есенин читал мне новое стихотворение. Слова он произносил тихо и проникновенно, глядя мне в глаза, положив на мою руку свою. Некоторые строки он повторял; было видно, что они ему нравятся. Так, по несколько раз он читал из стихотворения «Ты такая ж простая, как все...»:

Что ж так имя твоё звенит,
Словно августовская прохлада?

А в стихотворении «Ты прохладой меня не мучай...» ему особенно нравилась строфа:

Мне пока горевать ещё рано.
Ну, а если есть грусть — не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

На экземпляре «Москвы кабацкой», присланной мне, Есенин написал: «Милой Августе Леонидовне со всеми нежными чувствами, выраженными здесь».

Перед отъездом на Кавказ говорил, что в Баку его ждут друзья, что он хочет пожить в атмосфере восточной поэзии. Вспоминал Гете, восхищался его стихами о Востоке... Рассказывал о посещении дома Гете в Веймаре, удивлялся скромности, с какой обставлена спальня великого немца. «Одеяло из разноцветных лоскутков, как у моей бабушки, — подумать только!» — восклицал он, взмахивая руками...

— Когда я думаю о двух последних годах Есенина, — говорила она мне в другой раз, — то очень хочется представить их в виде ромашкового луга. Помните у него: минувшие годы «шумят, как ромашковый луг»... Но ничего у меня не получается — не возникает ромашковый луг...

— А что же возникает? — поинтересовался я.

— Видится мне зелено-желтое поле — зеленое-зеленое, потом желтое, потом опять зеленое... И цветы, яркие, свежие, вперемежку с блеклыми, увядшими... А небо то голубое-голубое, ясное; то затянутое мглой — тревожной, недоброй...

На мой вопрос о том, какая черта в характере Есенина казалась ей наиболее привлекательной, она ответила:

— Мягкость в обращении с людьми. Именно эта черта, на мой взгляд, особенно заметно проявлялась тогда, когда он находился, как говорится, «в полном здравии». В болезненном состоянии он, случалось, «срывался», бывал резок даже с друзьями, раздражался по пустякам. В первую же нашу встречу я, по какому-то поводу вспомнив свою мать, сказала, что она не выносила запаха ни вина, ни пива. «И вы пошли в нее», — заметил Есенин, и потом при мне не появлялся даже слегка под хмельком...

Незадолго до ее кончины мы сидели за чаем в уютной комнате на втором этаже большого нового дома. Провожая меня, у двери Августа Леонидовна грустно улыбнулась.

На мой вопросительный взгляд она ответила, слегка зардевшись:

— Как-то неловко и говорить, но, знаете, я все чаще и чаще думаю вот о чем... — немного помолчав, добавила: — о том, что я тогда напрасно не соединила свою судьбу с Сергеем Александровичем...

О РИФМЕ

В первой строфе «Песнь о собаке»:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ошенила сука,
Рыжих семерых щенят. —

рифму «закуте — сука» по звучанию вряд ли можно назвать удачной. Так же, как в других строфах, поэт мог бы зарифмовать эти строки более, как в народе говорят, «складно». Однако переделывать эти строки он не стал. Думается, дело здесь в стремлении сохранить самые существенные детали именно в такой последовательности и в такой логической связи. Строки срифмованы с правдой, и это для Есенина важнее всего.

Своеобразную рифму Есенин использовал в «Руси бесприютной»:

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история —
История об Оливере Твисте.

Как мне рассказывал Василий Васильевич Казин, он заметил Есенину, что рифма «в горе я — история» «попахивает Маяковским».

На это Есенин ответил:

— Не Маяковским, а Некрасовым.

Казин пожал плечами: такой рифмы он у Некрасова не встречал.

Но такая рифма у Николая Алексеевича Некрасова есть. В одном из ранних его стихотворений «Провинциальный подьячий в Петербурге (1840) читаем:

Скажу: в большом был горе я,
Бедняга Деловой!
Такая же история,
Вот точно как со мной!..

УКРАИНСКИЙ СОБРАТ

С юных дней и до конца своей жизни преклонялся перед Есениным тончайший лирик Советской Украины Владимир Сосюра. Заботливо и бережно переводил он строки русского собрата на родной язык. Сосюру называли «украинским Есениным».

Мне посчастливилось несколько раз встречаться и беседовать с Владимиром Сосюрой, и почти всегда в наших разговорах звучало имя Есенина. Однажды я спросил его, был ли он знаком с Есениным.

— Нет, познакомиться так и не удалось, — ответил он, разглаживая обложку «своего» Есенина, изданного для школьников. — А хотелось — очень. Весной двадцатого года Есенин приехал в Харьков — тогда город был украинской столицей. Я и Павло Тычина, в ту пору молодые писатели, узнали, что в городском театре состоится есенинский вечер. В карманы — по первой книжке и на встречу с Есениным. Когда он читал стихи, мы смотрели на него во все глаза, но подойти и передать свои тощие книжицы так и не решились... Больше я его не видел. А когда узнал о его смерти, проплакал всю ночь... И стихи написал горькие. Пытался кое-что его переводить — не получилось... А теперь вот, кажется, что-то вышло...

Начав дарственную надпись на сборнике, добавил:

— Не знаю, как кого, но меня многие его строчки трогают до слез. И не только сейчас, старого, а и в молодые годы так было, поверьте...

И улыбнулся — тепло и вроде бы немножко виновато

ПОЭЗИЯ — ВО ВСЕМ

Прогуливаясь со Всеволодом Рождественским вблизи квартиры Пушкина на Мойке, коснулись отношения молодого рязанца к поэтам — современникам автора «Евгения Онегина».

— Он подходил к ним со своими мерками, — сказал Всеволод Александрович. — Например, приведя строку из Веневитинова: «Италия, отчизна вдохно-

венья...», восклицал, размахивая руками: «Ну почему же не Россия? Ведь Веневитинов-то не итальянец, а русский, да еще потомок древнего дворянского рода! — Замолкал, как бы ожидая моего ответа, потом продолжал спокойно: — Конечно, «под яхонтом небес» поэзии полно, есть чем вдохновляться. Но и у нас, в России, не меньше. И в лебеди, и в лаптях берестяных, и в корове — везде можно отыскать поэзию». Сам он это и доказал блестяще, — заметил Всеволод Александрович.

В одном из первых откликов на стихи Есенина (1916 год) говорилось, что Есенин «превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и кота, который крадется к парному молоку... и кудлатых щенков, забравшихся в хомуты».

Автором отклика был известный профессор литературы Павел Никитич Сакулин, и его статья называлась «Народный златоцвет».

ЗОЛОТАЯ СТРАНИЦА

В одной из статей Есенин писал, что у каждого поэта есть свой общий тон, свой дарец слов и образов. Есенинский «дарец» полон этих «своих» слов и образов. Вспомогательным в есенинский эпитет. Как и всем образным средствам языка поэта, его эпитетам свойственна прежде всего исключительная эмоциональность. Характер этой эмоциональности зависит от содержания стихотворения и может быть то проникновенно-нежным, то патетическим, то гневным, то радостным, то грустным и т. д. Так, в стихотворении «Мой путь» эпитет во взаимодействии с другими образными средствами выражает патетическую эмоцию:

На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Последние строки звучат широко и свободно. Сочетание определения «рабочая» с архаическим словом «рать», эпитет глагол «предстала», патетический эпитет «величественная сила», приподнятая интонация — все это придает стихам особую торжественность, и мы вместе с поэтом восхищаемся мощью пролетариата, свергнувшего ненавистный царизм.

При исключительной эмоциональности эпитет Есенина живописен, красочен, смел. Он, как солнечный луч, озаряет предметы и явления, высвечивая в них новые грани, вызывая неожиданные ассоциации. Есенинское определение многозначно, точно, выразительно. Справедливо слова А. С. Серафимовича о том, что Есенину свойственна «огромная, все ломающая смелость эпитетов, сравнений, выражений, поэтических построений. Сам. Ни у кого не спрашивал, никому не подражал».

Разумеется, было бы опрометчиво сводить работу Есенина к поискам простых, но ярких, точных эпитетов и сравнений. Выдающееся мастерство автора «Руси советской», «Руси уходящей», «Персидских мотивов», «Анны Снегиной» проявилось в его умении правдиво, художественно-конкретно видеть жизнь и воспроизводить ее в образах, используя все художественные средства поэтической речи. Стихи Есенина рождались из подлинного, глубокого чувства, а при этом, по точному замечанию А. Т. Твардовского, на помощь приходит всё, все впечатления бытия и всё языковое богатство, и всё приобретает необходимую форму, ясность и отчетливость, так, как это бывает в страстной, убежденной речи.

«Большое видится на расстоянии», — сказал поэт, и эти слова мы с полным правом можем соотнести и с его творческим наследием — золотой страницей в мировой литературе.

ВЛ. НОВИКОВ

ВЕСЕЛО О СЕРЬЕЗНОМ

Первый сборник Евгения Вербина «Плач по оторванной пуговице» (М., «Правда», 1985) вышел в «Библиотеке Крокодила», а стихи, его составившие, нередко печатались в журнальных разделах сатиры, юмора, иронической поэзии. И тем не менее о «Плаче» хочется говорить, как о книге по преимуществу лирической. Впрочем, противоречия тут нет, поскольку всегда помня о своем родстве «сестра ирония и лирика сестрица» (формула Юнны Мориц).

Лирическое освоение повседневности — так можно определить внутреннюю тему книги Вербина. Всматриваясь в быт современного горожанина, анализируя его мироощущение, автор стремится уловить те оттенки нашего сиюминутного бытия, которые мы в вечной спешке своей оставляем без внимания, но без которых общая картина жизни была бы неполной и приблизительной. При этом поэт с неизменной колкостью реагирует на чрезмерную приземленность, на душевную сонливость и скудость интересов. Граница между по-своему поэтичной повседневностью и мелкой житейской суетой, между здоровым смыслом и пошлым обидным сознанием очень зыбка. Ироническое слово помогает ее обозначить.

Вот, к примеру, «Ода безденежью», уверяющая читателей в том, что денег всегда недостает «на то, что вредно». Шутливая эта гипербола звучит куда убедительнее, чем прямолинейные проповеди бескорыстия и выступления против «вещизма».

Книга Вербина примечательна тем, что в ней присутствуют стиховой юмор и стиховая ирония. Профессиональные сатирики и юмористы редко придают значение этой стороне своей работы, и ритмическое однообразие нередко мешает их остроумию развернуться в полную силу. Вербин стремится передать важные оттенки своей мысли в ритмике, рифмовке, строфике, в неожиданном использовании традиционных

стиховых форм. В сборнике несколько сонетов, снабженных шутивными определениями: недоуменный сонет, напутственный сонет и даже свойский сонет. Размышление о смысле жизни облекается в восточную форму газели, а характеристика бестолкового «деятеля» — в форму античного дистиха:

Взявшись за дело любое,
его до конца он доводит:
Быстро всему, что начнет,
верный приходит конец!

Старинные стихотворные формы помогают Вербину раздвинуть рамки обиденности, выстроить в стихотворении второй план, углубляющий авторскую мысль. Помогает в этом деле и имеющийся у автора опыт работы в жанре пародии. Вот давший название книге «Плач по оторванной пуговице»:

Лета одна тысяча девятьсот
восемьдесят третьего
Октября тридцатого
(семнадцатого — по старому стилю)
Досадили все-таки! Досадили!..
Оторвали все-таки!
Оторвали!

Это прежде всего едкая насмешка над людьми, непомерно драматизирующими свои мелкие невзгоды. Но есть здесь и литературный подтекст: использование «Плача по двум верожденным поэмам» Вознесенского. Этот второй план усиливает степень комического контраста: на фоне подлинного драматизма бытовая «драма» персонажа, оплакивающего оторванную пуговицу, предстает еще более смехотворной.

И, наконец, книга интересна своим оптимистическим настроением, выдерживающим испытание иронией: «Назло неудачам, назло заварухам, что б ни было с вами — не падайте духом!.. Бывает, что — носом, коленками, брюхом. Что ж, падайте в с е м, но не падайте духом!»



А. ПАРШЕНКОВ

ЖИВАЯ МЫСЛЬ

Знакомясь с литературно-критическими статьями Шуги Нурпеисовой,шедшими в ее первую книгу «Колодец в степи» (М., «Молодая гвардия», 1984), видишь, что молодого критика привлекают прежде всего те произведения, где ставятся важнейшие духовные и нравственные вопросы. Взаимоотношения искусства и жизни, одухотворенность и обиденщина, чистота детской души и кризис взросления — таковы проблемы, которые волнуют Нурпеисову.

В предисловии к сборнику Ф. Кузнецов отмечает: «Шуга Нурпеисова, невзирая на молодость, смело берется за сложные, проблемные произведения, обращаясь к творчеству крупного казахского писателя А. Кекильбаева или предлагая свое прочтение некоторых страниц романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Кроме того, здесь мы находим разборы рассказов и повестей казахских писателей, где главным героем — детство (статья «Первые шаги»), и сборника прозы А. Кима «Соловьиное эхо» (статья «Живая, неровная нить»).

Не случаен, мне кажется, выбор анализируемых произведений. Например, в повестях Кекильбаева «Баллады забытых лет» и «Колодец» идет речь о возможностях настоящего искусства. Нурпеисовой дорога мысль о силе и обаянии истинного искусства, способного разбудить чувство прекрасного даже в дикаре.

Другой вопрос — это столкновение детской чистой души с жестокостью и ложью. В статье «Первые шаги» разбираются «взрослые» произведения казахских писателей, в основу которых легли «детские» проблемы. Касаясь рассказа М. Сундетова «Племянник», по ситуации несколько схожего с «Белым пароходом» Ч. Айтматова, критик пишет: «Но что же станет с наивной детской верой в добро после таких суровых испытаний, которые заставляют мальчишку хвататься за ружье?» Нурпеисову, как и многих других литераторов, глубоко тревожит нравственный облик подрастающего поколения.

Есть в работе интересные наблюдения. Так, Шуга Нурпеисова отмечает одну закономерность — образы «старика и ребенка часто возникают вместе» — и дает любопытное объяснение этому факту: «Против всех житейских невзгод старики имеют лишь одно оружие — неоценимое богатство накопленной за долгий век духовности, подлинной человеческой сущности. И ребенку возле старика дается редкая возможность познать воочию цену этой человеческой значимости». (Правда, заметим в скобках, неловко сказано: воочию познать цену... Молодому критику надо больше уделить внимания собственному стилю.) Кроме того, «Первые шаги» отличается от предшествующих двух статей стремление преодолеть камерность разбора, захватить некоторые стороны самого литературного процесса. Нурпеисова подмечает, что аул больше интересует казахских писателей, нежели город, и в то же время природа, на фоне которой происходит действие, не несет на себе никакой ни философской, ни психологической нагрузки. Упрекает она казахских авторов и в отсталости их размеренной манеры письма от духа перемен и новшеств, характерных для нашей современности.

В заключительной статье сборника, где разбираются произведения А. Кима, мы в полной мере ощущаем пристрастие Нурпеисовой к лирической прозе, в которой все строится «на зыбкой грани веселья и грусти», где повседневность может нести на себе печать одухотворенности, «радостной тайны».

В сборнике Шуги Нурпеисовой бьется живая, неравнодушная мысль, волнуемая жгучими вопросами жизни, — зрелость молодого критика, однако, еще впереди.



М. КАПУСТИН ОДУХОТВОРЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Бывают книги, которые неожиданностью своего языка, образов и ассоциаций поначалу нас озадачивают.

Такой для меня, например, в свое время явилась ранняя проза Пастернака, а совсем недавно проза Андрея Вознесенского и Тимура Зульф리카рова. Во всех этих случаях перед нами проза поэта, «поэзопроза».

Я бы добавил к названному ряду еще одно, новое имя — Константина Гердова. Пусть никого не шокирует сопоставление имен, оно не для сравнения, а для проявления феномена («куда отнести, к какому жанру»). К тому же не мне принадлежит честь его первооткрытия; среди тех первых, кто заметил Гердова, были В. Катаев и Ю. Казаков, Б. Балтер, и Евг. Евтушенко, ставший редактором-наперсником его книги «Перед будущей рекой» (М., «Советский писатель», 1984).

У Гердова есть редкая способность вчувствоваться в предметы до того, что как бы самому становиться ими. Морем, проливом, весной или деревом. Отсюда живое чувство текущего времени, жизни, дыхание вечности пронизывает лучшие страницы его прозы. Именно прозы, а не «рассказов». Это скорее рассказы наоборот — антиновеллистика. Рассказывается ни о чем: просто возникают вещи, люди, воспоминания детства, становятся гулками от обретенной емкости, вбирают некую связь и образуют взаимную вязь. Отсюда причудливость слога и перескоки-перелеты, какое-то щемящее присутствие недосказанности, неясности, неразгаданной тайны.

Гердов — поэт по складу своего ума и души, и он «приписывает» всему окружающему — земле и морю, горам и степи, растениям и животным и т. п. — «способность ощущать и мыслить». Он пытается везде и всюду преодолеть барьер меж человеком и природой, для него человек не только «мыслящий тростник», но и интуитивно проникающий, восста-

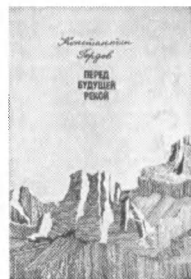
навливающий сызнова «первобытность ощущений». Поэтому, когда все члены геологических экспедиций мирно отдыхают, наш автор — бессменный их участник на протяжении многих лет, — напряженным духовным усилием всюду видит внутреннюю жизнь; вослед узнаванию, открытию идет взаимопроникновение людей и предметов, явлений: звезды заглядывают в глаза людям, а человек стремится войти во «внутреннюю сосредоточенность деревьев, холмов, рек, сумерек»: «у растительного и животного, у рыбьего мира цель, миссия более высокая, чем та, которую подготовил ей человек, — существовать на его потребу».

Однако все, о чем ни пишет Гердов, это ведь «о волнении и горении его собственного духа». Поэтому-то в его прозе нет и быть пока не может ни живых характеров, ни сюжета, т. е. действий, столкновений людей и обстоятельств.

Парадоксально: он столько видел, столько наблюдал чуть ли не во всех концах необъятной страны, а конкретного — чтоб потрогать можно! — материала оказывается мало, потому что автора слишком много в его эссе...

Правда, нельзя сказать, что реальная, «быстротекущая» жизнь в своей объективности, в «подлинности голый» отсутствует здесь вовсе. Нет! У автора в мире разлита не одна только красота бытия; мы встречаемся здесь и с трудностями освоения.

Эти страницы лучше всего указывают на то, что проза, даже высокопоэтическая, талантливая, не может оставаться только картиной внутренней жизни писателя, а должна развиваться в сторону многообразия жизни, людских судеб и тревог.



АНАТОЛИЙ
МЕДНИКОВ

ЖАЖДА ИСТИНЫ



1. Литературный институт

Ж

аще первое знакомство состоялось зимой сорок четвертого. Странно даже подумать — сорок один год назад!

Я вернулся доучиваться на третий курс Литинститута из московского госпиталя, где лежал после ранения в правую руку — она и потом долго еще висела на повязке, перекинутой через плечо. Я был определен в творческий семинар К. А. Федина. Там-то я и увидел впервые Юрия Трифонова.

Мне шел двадцать шестой, ему — девятнадцатый. Это был плотного телосложения парень, уже тогда в очках, внешне сдержанный, малоулыбчивый и немногоречивый. Ходил он вначале в сапогах и ватнике, ибо пришел в институт с авиационного завода, где работал, кажется, слесарем, диспетчером. Не знаю, что у него творилось на душе, какая там шла напряженная работа, но внешне, даже в девятнадцать Юра казался юношей, обладавшим почти невозмутимым спокойствием.

Этот облик негорюпливой раздумчивости и некоей отстраненности от мелочной суеты, постоянной самоуглубленности в себя Трифонов, мне кажется, сохранял всегда, органично и без особых усилий пронес через всю жизнь.

Может быть, я ошибаюсь, и это чувство, так сказать, ретроспективно опрокинуто в далекую молодость, но все же мне кажется, что особенное впечатление на меня тогда производила подспудно жившая в Трифонове какая-то не по годам зрелая уверенность в своих силах. Сейчас я думаю, что, может быть, в этом тоже есть какой-то отблеск таланта, только вызревающего, только еще набирающего силы. Уверенность, которая и тогда и в последующие годы соединялась у Трифонова с негорюпливостью и дальним загадом, нацеленностью и долготерпением на пути к избранному замыслу. Качества редкие в молодом возрасте.

Уже и в те годы Трифонов говорил негорюпливо, с баском, который окреп и загустел с годами, слегка растягивал гласные, словно бы резервируя время на обдумывание, и всегда чувствовалось, что мысль его бежит впереди слов, а не наоборот.

В сорок четвертом, зимой, Трифонов читал свой первый рассказ на семинаре К. А. Федина. Назывался он «Урюк» по прозвищу рабочего паренька-узбека, работавшего вместе с Трифоновым на заводе. Происходило занятие семинара на втором этаже старинного литинститутского здания, в небольшой комнате, где по вечерам, помнится, тускло светила лампочка на потолке, освещая ряды ученических столов.

В центре комнаты стоял стол руководителя. Как рит-ал, как увертюра к началу занятий, неизменно Константин Александрович начинал «обживать» свое рабочее место, не торопясь и, я бы сказал, с неповторимым фединским изяществом раскладывал на столе карандаши, листок бумаги, трубку, ароматно пахнущую коробку табака «Золотое руно», очки. Он как бы настраивал себя и аудиторию на внимание, сосредоточенность.

Трифонов Федину понравился, и, видимо, сразу. Случается в нашем литературном обиходе вот такое, быстро определяющее взаимное тяготение писателей друг к другу. И этому не мешает то, что один — прославленный мастер, а другой — только ученик. Что лежало в основе этой взаимной привязанности? Тут о чем-то можно догадываться, что-то можно предполагать. Но все же лучше предоставить слово самому Константину Александровичу Федину, который публично выразил свое отношение к ученику, правда, чуть позже, в своей статье, написанной в 1951 году после выхода в свет первой крупной повести Трифонова — «Студенты».

«Юрий Трифонов написал своих «Студентов» хорошо, а мог бы написать лучше. Он умеет отлично ра-

На снимке: Юрий Трифонов.

Фото А. Таняна

ботать, с упрямством и воодушевлением. Ему известно чувство неудовлетворенности. На студенческой скамье он писал хорошие рассказы, но каждым рассказом был недоволен. Он не скупится на работу. Теперь его задача развернуть и крепче воспитать в себе уважение и любовь к труду. Сейчас с него больше спросится, и он обязан повышать мастерство».

Уже став зрелым мастером, не раз возвращаясь памятью к «школе Федина», так много давшей ему, вспоминая наш семинар, Юрий Трифонов писал о своей любви к учителю.

«...Константин Александрович учил нас не тому, как сделаться писателем, а как относиться к литературе. Она должна была стать нашей жизнью. Как ни странно — это произошло...

Константин Александрович открыл мне глаза на многое. Он объяснил: мучиться нужно не над придумыванием сюжета, а над проникновением в состояние души. Говорил, что для литературы нет большей опасности, чем литература. Ошеломил меня Буниным и Томасом Манном. Как скучно, вероятно, было ему иметь с нами дело, полуграмотными и полуголодными. А для нас дни фединских семинаров были праздниками, именинами сердца.

Константин Александрович соединял нас — живые, вялые — с великой литературой прошлого. Это была истинная, не фальшивая связь: через Горького, Короленко, того же Бунина, Чехова к Толстому, Тургеневу.

Нет ничего долговечнее слова. Константин Александрович умел это долговечное творить».

Для Трифонова это были, безусловно, годы плодотворного ученичества.

Любой творческий семинар — это, кроме всего прочего, еще и человеческий коллектив. Разные индивидуальности, характеры, судьбы молодых людей, съехавшихся в Москву из многих уголков страны. От девятнадцатилетних, подобных Трифонову, до фронтовиков, которые пришли в семинар со своим грузом пережитого на войне, со своими ранениями и контузиями, порою не только физического, но и нравственного порядка.

Приятно мне сейчас, через много лет, читать в этих воспоминаниях и такие трифоновские строки:

«Были в семинаре недавние фронтовики, писавшие о войне, не могли тогда писать ни о чем другом — Анатолий Медников, Александр Парфенов, Наум Мельников... Почти все годы Литинститута, помню, обсуждали на семинаре главы романа Парфенова «Шаги батальона». Медников и Мельников, которые окунулись в молодежную литературную среду еще до войны, внесли с собою кумира тех лет, мне незнакомого Хемингуэя. Любовью к Хемингуэю я был инфицирован сразу. Температура вмиг поднялась до тридцати девяти...»

Помнится, это увлечение у Трифонова не было столь прочным, чтобы оказать существенное влияние на формирование его как художника. По сути дела, через пару лет оно уравнилось, улеглось, и способствовало этому, как признавался Юрий Трифонов, и «холодоватые реплики Федина и его постоянное подталкивание нас в другую сторону (Толстой! Толстой!)».

Это была школа нелицеприятной критики и принципиальности, молодой ярости и максимализма требовательности, с какой сами участники семинара, порою куда жестче самого руководителя, разбирали первые опыты своих товарищей.

Надо сказать, что и сам Трифонов, когда речь заходила о рассказах других, был критиком строгим,

снисходительной добротой в этом плане не отличался, ему мало что нравилось, и, по-моему, у нас на семинаре никто не избежал скальпеля его часто беспощадных оценок.

Мог ли этот молодой максимализм требовательности сопрягаться с неуверенностью в себе, не проявляемой внешне, скрытой в глубине души? Да, видимо, мог. Уже став зрелым мастером и оглядываясь на годы ученичества, Трифонов писал, что «...неуверенность мне кажется плодотворнее уверенности». И далее: «...писатель, по-моему, должен постоянно меняться, должен ненавидеть свои слабости и отталкиваться от своих прежних вещей. Нет ничего страшнее радостного сознания: «А все-таки здорово я умею писать!»

Но как бы мы ни были строги друг к другу при обсуждении рассказов, это не мешало нам в жизни оставаться добрыми друзьями, мы учились и писали в атмосфере молодой и взыскательной дружбы, творческого соперничества и соревнования.

Здесь уместно вспомнить, какое это было время. Еще продолжалась война, жизнь была тревожной, трудной, голодной. Студенческой стипендии едва хватало на самое скромное существование. У большинства — бесквартирье, жили в общежитиях, ютились по снимаемым углам.

Но любая молодость, увлечения и развлечения, был в дни стипендий или случайных литературных заработков пивной бар № 4, на площади Пушкина, место встреч и отдыха, считавшийся у студентов «родным домом», были литературные вечера, концерты, театры, стадионы.

«Я был молод, крепок, поднимал двухпудовые гири», — скажет о себе Трифонов, вспоминая зиму пятидесятых. А что уж говорить о сорок четвертом!

Свои сапоги и ватник Юрий Трифонов вскоре сменил на «цивильное платье», как тогда говорили, помнит его пристрастие к спортивным курточкам, как, собственно, и к самому спорту, который он очень любил в молодости и в зрелые годы, немало о нем написал.

Теперь уже и не счастье, сколько раз мы вместе ходили на стадион «Динамо», а потом и в Лужники, чтобы поболеть на футболе за «Спартак». Верным и непоколебимым другом этой команды Трифонов оставался всю жизнь. Свои спортивные страсти он делил между футболом и хоккеем.

И, честно говоря, в часы наших хождений на стадионы, гуляя по улицам Москвы, гостя у Трифонова на даче в Серебряном бору, — мне в ту пору трудно было предположить, что этот мой друг, который, по собственному признанию, «...производил впечатление тюфяка, этаким флегматичным орысины», что он вырастет со временем в крупного писателя с большим и уважаемым именем, известным не только в нашей стране.

Но кому из нас дано такое прозрение, чтобы в годы юности предвидеть литературную судьбу своих сверстников? Слишком сложен, противоречив, труден и скрыт от поверхностного взгляда глубинный процесс вызревания личности художника.

И все, что вызревало в Трифонове, все это определялось, конечно, позже, все совершалось постепенно, а тогда, в сорок четвертом, только лишь вырабатывались литературные вкусы, критерии, завязывались симпатии и антипатии, присущие любой литературной среде.

В последнее десятилетие своей литературной жизни Юрий Валентинович Трифонов вновь... вернулся в Литературный институт уже в качестве руководителя семинара.

«В последние годы я работаю со студентами Литературного института, веду семинар прозы, — писал он. — Молодые люди, как почти все начинающие (которых не существует), двигаются на ощупь, их мучает немота, неуверенность, связанность. О чем я толкую им на каждом семинаре? О том, что спасти их может только графомания, только груды исписанной бумаги, а не отдельные листочки и тетрадки — только погружение в стихию прозы. Во всяком случае, из такой схватки непременно что-то выйдет — или шедевр, или открытие правды о самом себе...»

Итак, ученик Федина сам стал учителем, наставником. Круг замкнулся. Но вышел на иную временную орбиту и вновь на путь открытия истинного призвания у тех, кому предстоит продолжать, развивать, двигать вперед вечное дело литературы.

«Что сказать о начале, — писал Трифонов. — Может быть, просто вспомнить... Какое-то самомучительство, глухота, немота, неверие, подозрительность. А вдруг я не тот, за кого сам себя себе выдаю? Ведь твержу себе днем и ночью, вижу во сне, будто я — ну, не гений, скажем, но одаренная личность... Без тайного фанфаронства начала не бывает».

Что ж, Юрию Валентиновичу, как говорится, виднее. Кто может оспорить такое признание писателя? Но для меня бесспорны и мои ощущения тех лет. Если это неверие в себя и существовало, то, должно быть, пряталось очень глубоко или же мне не хватало тогда остроты духовного зрения. Мне казалось, да и сейчас представляется, что всем нам в ту пору была более близка, нас воодушевляла и, не побоюсь сказать, осеняла та мысль-ощущение, которую не уставал повторять Константин Александрович Федин на семинаре и которую он позже сформулировал в своей статье «Молодость и талант».

«Уважайте свой талант, друзья! Но уважайте также всякий талант, где бы он ни вспыхнул, из какой бы глубины ни засветился, откуда бы ни замерцал своим первым несмелым огоньком...»

2. Второе совещание молодых

Пятдесят первый год. Весна. Союз писателей СССР и ЦК ВЛКСМ проводили тогда Второе всесоюзное совещание молодых писателей. Оно собрало главным образом людей, прошедших с войны и взявшихся за перо. Лишь некоторая часть участников по возрасту не успела повоевать, среди них Юрий Трифонов, причастный «к тому фронту, который тыл», как говорили в ту пору.

Писатели — руководители семинаров в большинстве своем тоже оказались участниками войны. В нашем семинаре это были: В. А. Каверин, Е. И. Габрилович, А. В. Калинин, В. С. Гроссман, В. С. Василевский, В. А. Ковалевский.

Юрий Трифонов был представлен на нашем семинаре своей первой большой повестью «Студенты», удостоенной Государственной премии.

Сам он писал об этом так:

«На первом совещании в 1947 году я был в семинаре у Валерии Герасимовой и подвергся убийной и вполне справедливой критике за два рассказа... Как раз во время второго совещания (1951 г.) в «Правде» появилось сообщение о премиях. За повесть «Студенты» — третья премия».

В связи с этим мне вспоминается интересный эпизод. Наш семинар занимался на третьем этаже. Я утром того дня, когда появилось сообщение о премиях,

увидел Трифонову сначала в вестибюле, потом мы ехали с ним в лифте, и возник диалог между нами, довольно забавный и, видимо, чем-то примечательный, ибо он запомнился обоим.

Конечно, я бы мог его описать, но лучше для большей достоверности передать слово самому Трифонову, сославшись на его статью «Записки соседа»:

«Помню, день объявления премий меня, конечно, обрадовал, но не то чтобы потряс или ошаташил. Я принял известие довольно спокойно. К десяти утра, к началу занятий в семинаре, поехал в ЦК комсомола, к Ильинским воротам, где проходило совещание. В вестибюле мне встретился литинститутский приятель Медников, который глядел на меня минутную с изумлением и потом спросил:

— Старик, ты газету читал сегодня?

— Читал. Насчет премий?

— А я думал, не знаешь. Старик, по тебе совершенно ничего не видно!

И я замечал в тот день, что многие мои приятели потрясены этой новостью гораздо сильнее, чем я. В лифте ехал на третий этаж с Медниковым, еще с какими-то ребятами из семинара, меня поздравляли, шутили, балагурили, только один человек не поздравил, не проронил ни слова, и я поймал на секунду злобно-черный и, я бы сказал, испепеляющий взгляд. Это был один из руководителей нашего семинара. «Ого! — подумал я. — Мы ведь почти не знакомы. За что же он этак-то люто?»

Мне вспоминаются мелочи, чепуха, неуловимое, даже не поступки, не слова, просто взгляды. Но что делать, если взгляды запомнились. И, как видно, на всю жизнь».

Роман «Студенты» (сначала сам Трифонов называл произведение повестью), свежо прозвучавший в начале пятидесятих годов, привлек к себе пристальное внимание и на семинаре. Он вводил в круг острых и важных нравственных проблем жизни тогдашних студентов, готовящихся стать учителями. Произведение впечатляюще рассказывало о том, как еще на студенческой скамье формируются и закладываются характеры, вырабатываются этические основы мироощущения.

Помнится, что на семинаре отмечались психологическая точность письма и пристальное внимание Трифонову к духовной жизни героев, добротная и содержательная интеллектуальность произведения. Надо сказать, что эти качества, органичные для писателя, сыграли затем свою роль в становлении его творческой манеры.

Спустя тридцать три года я, естественно, не помню в деталях всего разбора этой вещи. Однако остались в сознании общее ощущение, главные рекомендации. Они сводились к пожеланиям максимально углублять нравственный конфликт, добираться до его социальной сути, глядя в происходящее, идти от частных наблюдений к широким обобщениям и всюду искать типические черты облика нашего современника.

Роман «Студенты» Трифонов не включал в тома своих Избранных произведений. Есть у писателя и такое горькое признание:

«Сейчас из романа «Студенты», которым набита целая полка в моем шкафу, я не могу прочесть ни строчки. Даже страшновато взять в руки. Были бы силы, время и, главное, желание, я бы переписал эту книгу заново от первой до последней страницы.

Но — зачем? Не надо возвращаться к тому, что ушло. Это все равно, что пытаться наяву переделывать нечто, существующее лишь во сне, или же бежать вверх по эскалатору, спускающемуся вниз».

Но вместе с тем Трифонов всегда помнил, что в те первые послевоенные годы обсуждения «Студентов» собирали тысячные аудитории, в иных вузах диспуты длились по два дня.

«В повести «Студенты», — писал позже Юрий Валентинович, — была некоторая бытовая правда, были подробности, напоминавшие жизнь. И не где-то и когда-то, а жизнь сегодняшнюю, московскую».

Я и сейчас, через много лет, отчетливо помню, с каким интересом посматривал тогда на совсем еще юного Юрия Трифонова маститый Вениамин Александрович Каверин, как он пытливо расспрашивал молодого писателя о его отношении к былым литературным школам и течениям, в том числе и к группе «Серapiоновых братьев», к которой когда-то принадлежали К. А. Федин и В. А. Каверин. Одним словом, мне казалось тогда, что Каверин как наставник, как педагог хотел представить себе глубинные потенции личности молодого писателя, ощутить круг его коренных интересов, уровень его образованности, его представлений о сути и предназначении писательского труда.

И надо ли писать о том, что это не менее важно, чем разбор уже написанного молодыми. И думается мне, что совершенно справедливо, вспоминая об уроках другого семинара в Литературном институте, который он тоже посещал, семинара К. Г. Паустовского, — Юрий Валентинович заметил, что ученики «старались понять не то, как строить фразу, делать концовку, а — как строить жизнь, делать судьбу».

3. Странички из дневника

В 1966 году неожиданно умерла жена Юрия Трифонова — Нина Нелина. Умерла в Прибалтике, куда уезжала на отдых. Юрий Валентинович был в это время в Москве, полетел в Прибалтику... Можно себе представить, сколько он пережил в те дни!

Месяца через три — в начале декабря 1966 года — Трифонов позвонил мне, попросил зайти к нему. И вот знакомая квартира, в доме около Песчаной улицы. Три стены в кабинете занимали полки с книгами, они и в коридоре, каждый свободный уголок и простенок занят томами по истории, искусству, живописи. На почетном месте книги Чехова, Достоевского, Толстого.

Письменный стол в глубине просторной комнаты, у окна, завален рукописями, как это и обычно у литераторов, — своими, чужими. Около одной из стен — диван, перед ним маленький столик, за которым можно выпить чай, поговорить.

Уже тогда меня удивляло обилие иностранных изданий: на многие языки переводились произведения Трифонова. Иные зарубежные издательства спорили между собою за право выпустить первыми его книги.

Трифонов, выходя на глубокие общечеловеческие темы, писал о нравственности, об интеллигенции, о мещанстве, борьба с которым была для него «войной, не знающей перемирия». Незадолго до смерти он написал статью «Город и горожане».

«Начав писать о людях города, — замечает там писатель, — я понял, что этот материал необъятен, как и число характеров, которые можно изображать без конца. Город как предмет изображения очень привлекателен для меня. В этом колоссальном замкнутом конгломерате можно найти элементы любого уклада, рядом соседствуют старое и новое, прошлое и

будущее. Город — огромный резервуар, способный бесконечно питать литературу...»

Может быть, в этом «трифоновском направлении» тоже таился секрет его популярности.

Но вернемся к этой встрече. Мы сидели, беседовали в его кабинете. Потом я записал в дневнике:

«Юра после смерти жены тоскует, не может работать. Сказал мне: «Закончилась полоса жизни, а как жить дальше? Трудно. Я очень ее любил».

...Мы встретились еще через два с половиной месяца. Это было 27 февраля 1967 года. Юрий Валентинович показался мне более бодрым, жизненные силы и творческая энергия постепенно возвращались к нему. Он мне сообщил, что решил писать еще одну книгу о гражданской войне.

Это был замысел романа «Старик» — одного, пожалуй, из самых сложных и в то же время значительных произведений Трифонова.

«Принявшись в 1967 году за эту вещь, я поначалу мыслил поставить в центр повествования всего только дачный конфликт, соперничество за право владения избушкой, оказавшейся без наследников. Однако, уже изобразив несколько характеров, понял, что это не интересно, что получается плоская вещь. Параллельно я думал о документальной книге. Был собран материал о командарме 2-й Конной армии, бывшем казачьем офицере, впоследствии военачальнике гражданской войны Миронове. И, как ни странно, исторический материал вдруг соединился с художественным замыслом», — писал впоследствии Трифонов.

Я почувствовал в тот день, что Юрий Валентинович начинал входить в свою рабочую форму, но потрясение, им пережитое, еще не зарубцевалось окончательно и время от времени, видимо, давало рецидивы.

Он неожиданно сказал мне в тот вечер, что «жизнь его быстро катится к концу». Я, естественно, не принял этого всерьез. Ведь Трифонову шел тогда всего лишь сорок первый год.

— Что ты, Юра, поработаешь еще лет этак двадцать пять, как минимум, — заметил я.

— Нет, чувствую, катит к концу. — Он вздохнул глубоко, потом еще раз и замолчал.

— Да не говори чепухи! — произнес я. — У тебя просто сегодня дурное настроение, устал и наступил временный спад, бывает у каждого, существуют определенные циклы, приливы и отливы творческой энергии. Эта неприятная полоса пройдет, и вновь захочется напряженно работать. Пусть грусть твоя будет легка, а печаль творческой, — пожелал я ему.

— Ну, ну, будем надеяться, — покачал он головой, правда, не слишком уверенно.

Но прошло еще какое-то время. «В страданиях памяти есть отрада», — как думает герой романа «Старик» Павел Евграфович. Отболела боль, ушла в прошлое, которое, впрочем, всегда с нами. Юрий Трифонов после этого разговора прожил еще около пятнадцати лет напряженной, полнокровной, творческой жизни. И еще сильно «прибавил», как сказал бы он сам, пользуясь спортивной терминологией, в растущей год от года своей писательской известности.

Мы встретились случайно на творческом вечере поэта Леонида Завальнюка. Стояли, разговаривали в вестибюле ЦДЛ у той стены, что граничит с мраморной доской, где поименованы писатели, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны.

Пройдя мимо фотографа Михаила Пазия по моей просьбе сфотографировал нас, беседующих.

Это было 19 января 1981 года, за два месяца и десять дней до неожиданной, так ошеломившей всех смерти Юрия Трифонова. С тех пор эта фотография стоит у меня под стеклом на книжной полке как память о том многом, что связывало нас, как память и о нашем последнем разговоре.

А поговорили мы сначала о К. А. Федине — Трифонов сам писал, что «он считался старейшим учеником Федина». Вспомнили давние времена, фединский семинар, наших говарищей.

Я напомнил Юрию Валентиновичу его статью, называвшуюся «Легче не станет». Речь в ней шла о литературной технологии, мастерстве, о молодых, начинающих свой путь в литературе.

«Начало лучше всего обрывать. В искусстве тоже,— писал Трифонов.— Раскачку — к черту!.. Не топчитесь слишком долго в прихожей, врываются в комнату. Не засиживайтесь в начинающих, которых не существует. Но имейте в виду: дальше легче не станет!»

Эта статья — напутствие молодым и одновременно суровая самооценка и своего начала, своих «мук немоты», поисков, надежд, «сплав горького отчаяния и величайшей веры в себя». В другом месте той же статьи Трифонов писал: «...В течение долгих лет мы приобретаем лишь сумму приемов и опыт жизни, но самоощущение какое в начале, такое до конца дней...»

Я спросил тогда у Трифонова: что, ему и в самом деле с годами легче не стало?

Он усмехнулся так, как это он умел, — иронически и немного печально.

— Ты же знаешь, что легче не стало. И не может стать.

Мы заговорили потом о Туркмении. Я тогда вернулся из республики со свежими впечатлениями, написал очерк для «Нового мира», принимал участие в днях литературы, проходивших осенью 1980 года. Туркмения Трифонова интересовала, хотя он туда уже не ездил.

— Как первая любовь, это не забывается, — заметил Трифонов.

...Когда в марте 1981 года в ЦДЛ литературная Москва прощалась с Юрием Трифоновым, было сказано много добрых слов о нем, о том, что своим ярким творчеством он соединял современный литературный поиск с традициями литературы XIX века, звучали названия его широко известных повестей и романов. Выступавшие говорили, что у Юрия Трифонова было одно из самых высоких званий — он был настоящий писатель.

Ему в этом году исполнилось бы 60 лет...

На стендах «Юности»

ТРОЕ ИЗ ФРУНЗЕ

Недавно мне довелось побывать на далеком юге Киргизии с творческой группой молодых фрунзенских художников-графиков, организованной правлением Союза художников Киргизской ССР.

Участники группы — рисовальщики и акварелисты — отразили в своих работах сюжеты из жизни тружеников республики. На листах ватмана — утопающие в зелени узенькие улицы айлов, портреты работниц чайных плантаций, холмистые пейзажи Ошской долины, сценки красочного базара древнего Узгена, где тесно сочетается современный уклад жизни с особенностями старинной национальной культуры.

Молодые люди, появляющиеся в общественных местах с папками и этюдниками, непременно окружались всеобщим вниманием, дружелюбием. Каждого художника, выбравшего себе, казалось бы, укромное место для зарисовок, моментально окружала группа любопытных ребятишек и взрослых, а затем обязательно следовало приглашение в ближайший дом к чайному столу с ароматными лепешками и виноградом.

Результатом этой творческой поездки явилась отчетная выставка графических работ во Фрунзенском музее изобразительных искусств.

Трое из участников этой поездки, недавние выпускники ленинградских и московских художественных вузов — Алыкул Биймурзаев, Нурия Иманалиева и Урмат Осмоев — показали свои работы на одной из последних выставок «На стендах «Юности». В представленных работах, где прослеживается индивидуальность каждого художника, московский зритель открыл для себя новые имена в изобразительном искусстве и познакомился с пейзажами и жанровыми сценами киргизской «глубинки», где не каждому доведется побывать.

Среди дебютантов особое внимание обратила на себя Нурия Иманалиева. Ее рисункам присуща условная лаконичная манера и вместе с тем глубокое проникновение в особенности народного быта Киргизии. В, казалось бы, обычных сюжетах она находит свои необычные ритмы, свое необычное композиционное решение. Во многих ее листах проглядывает добродушный народный юмор.

Перед закрытием выставки в редакции «Юности» прошло творческое обсуждение экспозиции. На обсуждении высказывались мнения о том, что многие работы представляют собой репортажный, набросочный материал, подлежащий дальнейшему осмыслению для создания законченных станковых композиций. Думается, что эти выступления, носившие характер дружеских замечаний, послужат добрым напутствием молодым коллегам из Киргизии.

Ю. ЦИШЕВСКИЙ

ВЛАДИМИР
ПАРЫГИН

ОН В НАШЕМ ГОРОДЕ РОДИЛСЯ...



А

а ощупь мир правдивей...» — эта строка из стихотворения Евгения Винокурова «Любите плотность мира...», на мой взгляд, точно определяет его творческую позицию. Знать мир, тебя окружающий, жить в полном смысле этого слова, философски обобщать тот опыт, который дает сама жизнь — вот требования, которые предъявляет к себе Е. Винокуров. И полемическая концовка этого же стихотворения: «Есть смысла в поэте только лишь босом: пусть между пальцев проступает глина», — опять же образно говорит об обнаженном прикосновении всем существом к жизненной сути. Судьбы стихотворений, как и судьбы самих поэтов, бывают действительно удивительными и неповторимыми. Нам, на Брянщине, дорога судьба стихотворения Евгения Винокурова «Ну что же, ничему не научила...».

Брянский критик Е. Потупов послал Евгению Михайловичу корреспонденцию дятьковского учителя М. Минича «Не спится матери...», опубликованную в марте 1977 года «Брянским комсомольцем», в которой говорилось, что в братской могиле на окраине погарского села Борщева в 1941 году похоронены лейтенант Евгений Винокуров и его товарищи, павшие в жестоком и неравном бою с фашистами. Поэта взволновала корреспонденция, и в результате родились стихи, полные протеста против войны, против тех, кто «бредит вновь войной».

Есть в стихотворении раздумья о том, что неужели

...ненависти тайная бацилла
вновь кинет в жар наш бедный шар земной.
И паренек, — такой, как я когда-то,
чуть придержав ладонь у козырька
и дверь открыв, вновь бросит суховато,
чтоб не казаться маленьким: — Пока!..
Неужто вновь приказ: умри — но выстой.
И лягут к пулемету и умрут?..
И тот малец, доверчивый и чистый,
положен будет в европейский грунт?

И сам поэтический отклик на события давних дней, и боль стихотворения не случайны — поэтическая сила Винокурова крепла на войне.

Евгений Михайлович писал: «Я родился в Брянске. Мать моя, Евгения Матвеевна Винокурова, кончила три класса церковно-приходского училища, заведовала на Бежицком заводе женотделом, была ревнительницей равноправия, — она записала меня на свою фамилию. Отец, Михаил Николаевич Перегудов, родился в Борисоглебске...». Кстати, его мать Евгения Матвеевна родилась в г. Севске Брянской области.

У Евгения Винокурова сохранилась любопытная справка, в которой ему дается характеристика от заводского детского сада: «Женя Винокуров. Пять лет. Сенсорно-пространственная ориентировка в пределах возраста. Осведомленность в политико-социальных вопросах хорошая. Активен. Инициативен». Под справкой поставлена дата — 1930 год.

Отец Е. Винокурова был военнослужащим, поэтому детство поэта прошло в постоянных переездах с места на место. Последние перед войной годы и в начале войны он учился в московской школе. Не успев окончить 10-й класс, в 1943 году он поступил в Сева-

Евгений Винокуров. 1944 год.

стопольское зенитно-артиллерийское училище. Девять месяцев напряженной учебы, и молодой офицер, которому еще не было и восемнадцати, осенью того же года принял артиллерийский взвод. Не в это ли время зазвучали строки стихотворения «Выпускник из училища»:

Письмо не найдет адресата!..
Училищу низкий поклон!..
Упала на плечи курсанта
Звезда офицерских погон.

А весной 1944 года полк, в составе которого молодой офицер принял взвод, был направлен на 4-й Украинский фронт, в Карпаты. Войну Е. Винокуров закончил в Силезии...

В 1946 году Е. Винокуров поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. Об этом он вспоминает так: «Мне посоветовали зайти в Литературный институт имени Горького. Уже месяц, как шли завятия. Стихи, переписанные от руки, я дал Казину, первому поэту, которого я видел. И хотя приемная комиссия была давно распущена, он сам, своей единоличной волей, принял меня без экзаменов в Литературный институт...».

В 1948 году в журнале «Смена» была опубликована первая подборка стихотворений молодого поэта, а в 1951 году вышел его первый сборник «Стихи о долге».

Много книг последовало за ним, и вот перед нами — Собрание сочинений в 3-х томах.

Е. Винокуров — поэт глубокой философской мысли. Поиск эстетической сущности всего, что попадает в поле его поэтического зрения, завершается в стихах поэта, как правило, значительным открытием.

Одной из характерных особенностей творчества Е. Винокурова является борьба с гладкописью. «Лишь пустяки легко выходят в свет», — говорит он в стихотворении «Косноязычье». Когда читаешь стихи Е. Винокурова, то создается впечатление, почти ощущение того, как тяжело ворочается еще не оформившаяся мысль, как проявляется она и как, наконец, начинает звучать ясно, глубоко и просто с приходом слова, самого нужного, точного.

Рождение поэтической мысли, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, выразил сам поэт:

Косноязычье вовсе не порок!
Застынутый полупонятным зовом,
Пусть корчится измученный пророк
В рождении с рождающимся словом.

Ощущение трудного рождения мысли сопутствует читателю во все время чтения книг Е. Винокурова. Добиться такого взаимодействия между поэтом и читателем удается далеко не каждому пишущему.

О способности поэта видеть сущность окружающего его мира В. Цыбин в предисловии к сборнику «В силу вещей», изданному «Современником», пишет как о «втором зрении»: «Поэт вникает в суть явлений, доискивается смысловой подоплеки. Мир, озаренный этим зрением, видится как бы изнутри, из самой сути своей, потому что поэт стремится вникнуть в атомы жизненных явлений...» Да, именно этим и сильна философская лирика Е. Винокурова.

Война наложила глубокий отпечаток на мироощущение Е. Винокурова, как и на мироощущение многих его сверстников, поэтов военной поры. Суровая фронтовая жизнь явилась одним из самых мощных факторов воздействия на предрасположенную к обнаженному восприятию действительности душу поэта. Это не могло не сказаться и на всем его творчестве.

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми,

по-пластунски лазал
Сквозь черные поля на животе.
Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Добытые с тяжелым потом строки
Я, как себя, от смерти не берег.

Стихи о войне составили основу многих книг Е. Винокурова, да и многие из тех стихотворений, которые писались не о войне, содержат нечто такое, что говорит о человеке, имеющем духовный опыт военного времени.

Для Е. Винокурова характерна и такая стилевая особенность: от стихотворения к стихотворению идет накопление деталей военного быта, составляющих черточки психологии — война, концентрация духовного опыта. Потом следует емкий поэтический итог. У Е. Винокурова эта итоговая философская мысль звучит так: «Я эти песни выдумал всем телом, решившим все невзгоды побороť».

У него такие, «выдуманные всем телом», строки неиссякаемы. Слишком яркими были военные впечатления юноши, слишком трудны были испытания, слишком сильное и страстное было накопление и этих жизненных деталей, и этих психологических черт, слишком долгими были и являются раздумья о прошлом и будущем, да и вообще о жизни, чтобы мог иссякнуть этот творческий заряд.

Е. Винокурову — шестьдесят лет. В этом возрасте человеку видно многое, близкое и далекое, связанное с личной судьбой и судьбой народа, Родины. Выходят его весомые новые книги — а сам поэт уже не первый год ведет поэтический семинар в Литературном институте им. А. М. Горького, в том институте, который окончил 35 лет назад.

В его книге «Поэзия и мысль» есть слова: «Даже в самой трагической песне есть тайная сладость, которая и заставляет наслаждаться ею». О поэзии самого Винокурова можно сказать, используя его же слова: «Даже в самой трагической и суровой правде его стихов, особенно стихов военной тематики, живут жизнелюбие и оптимизм».

Нам близки и дороги особенности его таланта: мудрость и простодушие, суровость и доброта, простая и высокая любовь к жизни.

г. Брянск

ВОСЕМЬ АРТИСТОВ И... СТАРЫЙ ПАТЕФОН



Спектакль поставлен был в комнате, студийно. Другим и коллегам, которые рассаживались вдоль стен, предлагался доверительный «рассказ» о судьбах героев повести Бориса Васильева «Завтра была война» («Юность» 1984 г. № 6). Но очень скоро об этом спектакле заговорил буквально весь Петрозаводск, а комната местного Дома актера, в которой давался спектакль, не вмещает и ста зрителей...

Литературный спектакль по страницам этой повести я увидел уже на сцене — на этот раз актриса Русского драматического театра Елена Бычкова (она же и автор инсценировки и постановщик спектакля) и ее труппа работали в консерваторском зале. Артисты нервничали — мизансцены были рассчитаны совсем на другую площадку, — так плохо, как призналась мне Елена Бычкова, они еще никогда не играли, а благодарные консерваторцы — о, чудо! — смотрели спектакль, затаив дыхание.

В чем же секрет успеха этого представления, в котором участвуют восемь артистов и... старый патефон? Артистам и тридцать, и сорок, а они безо всякого грима «рассказывают» (это рассказ с постоянным перевоплощением — таков жанр) драматическую историю, которая случилась в некоем 9-б классе в далеком сороковом году. Но таким яростным неприятием скудоумия, подлости, фарисейства, такой неодолимой верой в торжество справедливости, искренности, благородства насыщена каждая сцена, что в зале мгновенно рождается отклик. А уж в школьном, студенческом зале...

Да, автор повести предлагает историю нравственного становления тех мальчиков и девочек, которые

через год ушли на войну и многие из которых ради Победы отдали жизнь.

— Мы же, участники спектакля, — говорит Елена Бычкова, — учидись в «этом классе» уже после войны, и прежде всего нами владела идея — перебросить мост из 9-б сорокового года в 9-б восьмидесятипятого. Давайте сравним себя, ненавязчиво предлагаем мы, с теми девятиклассниками и подумаем: живем мы лишь для себя или для других, какие ценности отстаиваем и достаточно ли бескомпромиссно?

Кроме Елены Бычковой, в этом остросоциальном — на высокой гражданской ноте — спектакле участвуют и вместе с ней разделяют успех: Олег Белонучкин, Людмила Зотова, Галина Москалева, Геннадий Залогин, Владимир Мойковский, Тамара Румянцева и Людмила Живых.

Все они работают в профессиональном театре и играют этот спектакль в выходные дни и когда выдается свободный вечер. Представления литературного театра (он существует при Карельском отделении ВТО) бесплатные, а если и продаются билеты, то весь сбор перечисляется в Фонд мира.

Ю. ЗЕРЧАНИНОВ

На снимке: сцена из спектакля «Завтра была война». Справа, на первом плане — Елена Бычкова, которая «рассказывает» о Вике Люберецкой.

Фото В. Хаскина.



А. КЛЕЙМАН,
О. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ



Древних времен человек стремится сделать свой труд все более производительным. В результате исканий многих поколений возникла высоко-развитая техника, способная произ-водить разнообразное оборудование, приборы, матери-алы. Людей, населяющих разные страны и конти-ненты, сделали соседями транспорт и связь.

Теперь, в эпоху небывалого накопления знаний и развития средств связи, перед человечеством встала необходимость создавать машины, способные прини-мать информацию, запоминать ее (хранить), обраба-тывать по законам логики (считать и решать зада-чи), выдавать информацию, т. е. вооружать мозг че-ловека. И уже все увереннее входят в нашу жизнь такие машины — кибернетические электронные вы-числительные машины (ЭВМ), представляющие собой сложные автоматические устройства, собираемые из электронных узлов и деталей.

Жизнь ЭВМ первого поколения, построенных на электронных лампах, была недолгой. Ламповые ЭВМ, появившиеся вскоре после второй мировой войны, походили на огромные сооружения. В первой электронной цифровой вычислительной машине «ЭНИАК» (США) применялось 18 тысяч электро-

ОТ ТРАНЗИСТОРА ДО МИКРОПРОЦЕССОРА

вакуумных приборов, и для их охлаждения исполь-зовалась специальная установка, вес которой со-ставлял десятки тонн. Размещать такую машину ну-жно было в зале площадью не менее 150—200 квад-ратных метров, а для питания требовалась электри-ческая мощность порядка 200 киловатт.

Изобретение транзистора (1948 г.), способного уси-ливать маломощные электрические сигналы и пере-ключать электрические импульсы в схемах, в соче-тании с такими качествами, как миниатюрность, на-дежность, экономичное потребление электроэнер-гии, было быстро оценено конструкторами вычис-лительной аппаратуры. Изобретению транзистора предшествовали многочисленные исследования в об-ласти физики полупроводников, проводившиеся во многих странах в течение десятилетий. В результа-те этих исследований был создан усилительный твер-дотельный прибор, который по праву считается сто-ящим в одном ряду с колесом, паровой машиной и электронной лампой. Уместно заметить, что с мо-мента открытия электрического тока (Гальвани) до создания первой электростанции прошло около века. Транзисторный же эффект в полупроводниках нашел широкое практическое применение всего лишь через несколько лет после его открытия.

В исключительно короткие сроки технические воз-можности транзисторов оказали сильное влияние на развитие науки, техники, быта. Сегодня транзисторы

применяются в самой разнообразной аппаратуре — от электронных игрушек до сложнейших комплексов вычислительных центров и комплексов для космических аппаратов. А ведь было время, когда новые радиоэлементы, и в частности полупроводниковые приборы, были очень дорогими, применялись их в бытовой аппаратуре и в промышленной электронике было накладно, и сферой сосредоточения полупроводниковой электроники была главным образом военная техника. Ныне полупроводниковые приборы широко применяются в аппаратуре промышленного и бытового назначения. Современные ЭВМ и вычислительные устройства внедряются в науку и производство, в средства транспорта и связи, в сферы управления, образования и быта. Сегодня насыщенность электронной техникой разных отраслей народного хозяйства становится критерием экономического потенциала общества.

Широкое применение ЭВМ, быстрое развитие элементной базы электронной техники — эта задача была поставлена на XXVI съезде партии. В начале нынешнего года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР была рассмотрена и одобрена общегосударственная программа создания, развития производства и эффективного использования вычислительной техники и автоматизированных систем до 2000 года. Ускорение темпов выпуска средств вычислительной техники, повышение их качества, освоение новых ЭВМ необходимо для научных исследований, для решения прикладных задач в машиностроении, металлургии, энергетике, в разведке полезных ископаемых и в других отраслях народного хозяйства.

Основой полупроводниковой электронной техники по праву считается полупроводниковая технология. Благодаря ей созданы приборы и изделия, размеры которых измеряются долями микрона. С переходом на новую элементную базу существенно повышается надежность ЭВМ, заметно уменьшаются габариты машин. Если первые транзисторные ЭВМ имели быстродействие порядка 5 тысяч операций в секунду, то современные ЭВМ выполняют до 10—15 миллионов операций в секунду.

В нашей стране организована полупроводниковая отрасль промышленности, а физика и технология полупроводников давно вошли хозяином в специализированные цехи, в которых выпускаются приборы микроэлектроники. Требования к точности оборудования и чистоте производства в этих цехах весьма высоки. И это объяснимо: технология здесь в буквальном смысле вторглась в сферу микромира.

Микроэлектроника оказывает революционизирующее влияние на прогресс всех областей современной индустрии. Применение микроэлектроники несет с собой большие экономические и технические выгоды, значительно повышает производительность труда. Это почувствовали многие, работая с микрокалькулятором. Он собран всего лишь на одной-двух интегральных схемах, каждая из которых содержит тысячи транзисторов.

Чтобы нагляднее представить себе прогресс электроники, ее элементной базы, напомним, что для создания вычислительного устройства с возможностями, которыми располагает современный микрокалькулятор, в середине 40-х годов потребовался бы объем величиной с автобус.

Уже через несколько лет после изобретения точечно-контактного транзистора была создана аппаратура, в которой вместо монтажа навесных элементов осуществлялась сборка устройств из однотипных узлов электронных схем-микромодулей. Микромодульная техника позволяла на небольших (размером 10×10 миллиметров) керамических плитках монтировать

диоды, транзисторы, конденсаторы, резисторы. Плотность монтажа элементов схемы значительно превышала плотность обычного монтажа навесных приборов.

Однако эта техника, позволяющая добиться значительного уменьшения объемов и снижения веса аппаратуры, оставляла не до конца решенной проблему повышения ее надежности. В микромодульных схемах не удалось избежать пайки межэлементных соединений, число которых достигало нескольких сотен.

Дальнейшему увеличению надежности и плотности монтажа интегральных схем способствовали новые крупные успехи в полупроводниковой технологии. Они базировались на достижениях так называемой планарной технологии.

Переход к изготовлению полупроводниковых интегральных схем, в которых транзисторы, диоды, резисторы, емкости соединялись между собой, обеспечил эффективную сборку блоков радиоэлектронной аппаратуры из конструктивно законченных схем.

В середине 70-х годов было организовано серийное производство микромикросхемных схем со степенью интеграции в сотни и тысячи элементов на одном кристалле. Это были уже большие интегральные схемы (БИС), получившие такое название не по размерам, а по насыщенности элементов.

Среди современных БИС особое место занимают микропроцессоры. Они появились как результат взаимопроникновения микроэлектроники и вычислительной техники. Характеристики таких изделий превосходят воображение и вызывают восхищение возможностями современной технологии: тонкая пластина кремниевого кристалла после сложнейших процессов обработки становится эквивалентна десяткам и даже сотням тысяч элементов и способна выполнять основные функции ЭВМ.

«Мозг» современных средств вычислительной техники — микропроцессор. В соответствии с заданной программой он управляет работой устройств, входящих в ЭВМ: записывает информацию в память, считывает ее из памяти, принимает запросы от терминалов (устройств для связи человека с ЭВМ), выдает на них свои сообщения; он же выполняет счетно-логические операции и преобразования.

Микропроцессоры, как и любая БИС, заключены в миниатюрный керамический корпус с двумя рядами металлических выводов для соединения в аппаратуре. Выглядит микропроцессор этаким «паучком», внутри которого монтируется один или несколько кристаллов кремния размерами в квадратные миллиметры.

Сейчас объем мирового производства микропроцессоров измеряется сотнями миллионов экземпляров в год. В самом недалеком будущем микропроцессоры революционизируют процессы промышленного производства, обучения, заметно изменят характер нашего досуга.

Успехи, достигнутые в области разработки и освоения больших интегральных схем, открыли новые возможности для изготовления электронной аппаратуры. Заметим, что наиболее массовым потребителем электронной продукции — больших интегральных схем, деталей и элементов — остаются ЭВМ. В них широко применяются типовые электронные узлы и элементы, выполненные в больших интегральных схемах-«кирпичиках», из которых собирают электронную аппаратуру.

Однако создавать и изготавливать такие «кирпичики» без помощи ЭВМ сегодня невозможно. Чтобы создавать ЭВМ, необходимо применять ЭВМ...

В конструкторских бюро заводов, в лабораториях институтов, где разрабатывается микропроцессорная техника, привыкли к таким словам, как «Система автоматизированного проектирования» (САПР). Создав ее, инженеры передали ЭВМ повторяющиеся процессы конструкторской деятельности: проектирование и расчет конструкции, подготовка документации, изготовление чертежей... За собой инженеры оставили определение требований к конструкции, отбор возможных ее вариантов, выбор окончательного решения...

Таким образом, ЭВМ передаются расчеты моделей с заданными параметрами (на основе типовых программ), а за инженерами-разработчиками остается сугубо творческая деятельность; их силы высвобождаются от рутинных сторон труда.

Десять лет назад ученики многих начальных и средних школ уже могли пользоваться разнообразными микрокалькуляторами, автоматически выполнявшими арифметические действия, цепочечные операции, операции с процентами... Сегодня для школьников старших классов, учителей средних школ, рабочих машиностроения, приборостроения и других отраслей отечественная электронная промышленность выпускает модели малогабаритных счетных устройств, включая и программируемые микрокалькуляторы (ПМК), обеспечивающие широкий спектр решения технических задач. Как справедливо замечено в каталоге на отечественные микрокалькуляторы, такие устройства — надежный, незаменимый, удобный инструмент современного рабочего.

Вторжение микроэлектроники в производство часов разрушило традиционное представление о технике хронометрии: на смену «колесным» часам пришли бесшумные цифровые. В начале пятидесятых годов в электромеханических наручных часах транзистор смог успешно заменить несовершенное и ненадежное контактное устройство, управляющее регулятором движения часового механизма — балансом. Применение же интегральных микросхем и миниатюрных батареек электрического тока позволило в конце 60-х годов создать наручные цифровые электронные часы. Недаром об электронных часах говорят: «идут без хлопот целый год», а то и «два года без подзавода».

У нас имеются отечественные электронные часы на все вкусы: наручные, карманные, настольные, автомобильные; часы на жидкокристаллических индикаторах с непрерывным отображением информации и часы на светодиодных индикаторах, где информация появляется при нажатии кнопок. Цифровые наручные часы с календарями, таймером, будильником, секундомером, часы, работающие в разном пояском времени, — сегодня уже обычные изделия электронной техники. В прошлом году в Японии поступили в продажу наручные часы-телевизоры с диагональю экрана — 3 сантиметра. Появились «говорящие» часы (нажали кнопку — вам сказали время) и медицинские часы: измерители пульса, давления, температуры, фиксирующие биоритмы организма.

Благодаря использованию микропроцессоров наметился переход к цифровым устройствам в радиоприемной аппаратуре. Дорогостоящие переменные конденсаторы и переменные сопротивления (регуляторы громкости, тембра) заменяются недорогими и надежными узлами настройки.

Скоро в магазины поступят радиоприемники нового типа. В таких приемниках имеется ручной и автоматический поиск радиостанций в средних и ультракоротких диапазонах. Приемник обеспечива-

ет бесшумную настройку на станцию, а в заданное время по желанию владельца может включаться и выключаться.

Применение микропроцессоров в кассетных магнитофонах позволяет автоматизировать настройку аппаратов под выбранный тип ленты и уменьшить шум. Встроенная в магнитофон микро-ЭВМ при необходимости автоматически найдет фрагмент нужной записи. При этом не нужно перематывать ленту кассеты до начального положения.

В комбайнах, где имеются магнитофон и радиоприемная часть, с помощью микропроцессора можно записать на ленту заранее выбранную программу (станцию). Присутствие при этом владельца магнитофона не обязательно — запись произведется автоматически.

Широкое применение микропроцессоров, различных вычислительных устройств коренным образом изменяет технику, технологию и организацию во многих отраслях народного хозяйства, повышает производительность труда, сокращает затраты времени, создает комфорт в быту.

Пожалуй, трудно привести исчерпывающий перечень применений ЭВМ. Назовем лишь такие уже действующие направления их использования: автоматизация всевозможных вычислительных работ, управление технологическими процессами и различными объектами, комплексная автоматизация научных исследований и разработок, управление народным хозяйством в целом, информационно-справочные системы...

Покупая билеты в кассе Аэрофлота, будущий пассажир вряд ли задумывается над тем, что оформление билета с пересадкой занимает всего лишь десятки секунд. За эти секунды оператор (кассир) по набранному тексту запроса получает ответ ЭВМ. Находясь за тысячи километров от города, где покупается билет, ЭВМ просмотрела расписание, выбрала удобный рейс самолета, установила, сколько имеется свободных мест, отвела место согласно запросу и сообщила номер места оператору. Всю эту работу, на которую раньше уходило несколько дней, очень быстро выполняет автоматизированная система «Сирена». А вот другая автоматизированная система — «Экспресс-22». В ее памяти хранятся сведения о 8 миллионах мест на поезда дальнего следования и местного сообщения. В трехстах билетных кассах столицы и Подмоскovie, подключенных к этой системе, можно приобрести железнодорожные билеты. Такие кассы предварительной продажи билетов очень удобны. Работают они быстро и четко.

В нынешней пятилетке в машиностроительных и механических цехах завода появилось новое поколение станков с числовым программным управлением (ЧПУ). Были организованы и специализированные участки таких станков. Техническими руководителями здесь стали технологи-программисты и наладчики. Основные рабочие этих станков — операторы, умеющие не только читать чертежи, делать разметку деталей, пользоваться системой допусков и посадок, но и разбирающиеся в основах программирования.

От обычных токарных и фрезерных станков специализированные станки с ЧПУ отличаются и тем, что в них имеется специальный блок размером с переносной телевизор. В этом блоке и установлена вычислительная машина. По составленной программе на токарном станке будут переключаться скорости шпинделя, продольно и поперечно перемещаться по криволинейным траекториям суппорт (на нем за-

крепляется режущий инструмент), регулироваться его подача... Словом, программное управление станком обеспечивает заданную геометрию изделия и оптимальный режим обработки без вмешательства оператора.

А вот что сулит применение ЭВМ в медицине. На международной выставке «Здравоохранение-85» советский раздел выставки украшала эмблема, на которой была изображена традиционная змея, чаша и... перфолента ЭВМ. И это символично. Медикам нужна лавина информации, поскольку для правильной оценки здоровья надо как можно подробнее знать состояние организма. Но собрать всю необходимую информацию и проанализировать ее зачастую не по силам человеку. Вот и призвали на помощь умные машины. Используются они при массовом обследовании населения. Компьютеры здесь «беседуют» с пациентами, расшифровывают кардиограммы, ставят диагнозы. Причем аппаратура обслуживает одновременно несколько человек.

А может ли быть полезной электроника в сельскохозяйственном производстве?

Ответ на этот вопрос очевиден: разработка и внедрение регулирующих и управляющих устройств на базе микропроцессорной техники найдут применение в посевных, уборочных самоходных агрегатах, на животноводческих и птицеводческих комплексах, в аппаратуре диагностики машин и тракторов. В программе интенсификации экономики Ленинграда и Ленинградской области намечено, что к концу двенадцатой пятилетки на всех посевных площадях региона будет действовать автоматизированная система программирования урожайности. В теплицах станут применяться мини-ЭВМ для регулирования микроклимата, а в животноводстве будет внедрена аппаратура для управления технологическими процессами.

Уделяется внимание и персональным компьютерам. Дело здесь не только в том, что они расширяют возможности специалистов — руководителей производства, конструкторов, технологов, — но и в доступности таких устройств. Они, как правило, снабжены системами программирования, помогающими любому грамотному человеку быстро войти в курс дела... Для этого необходимо формализовать информацию — закодировать и ввести в память ЭВМ огромный объем знаний, который накоплен человечеством за последние столетия существования точных наук.

Персональный компьютер можно приспособить и для домашнего хозяйства. Подключенные к телевизору, телефону, электроплите, швейной и стиральной машинам и к другой бытовой технике, такие компьютеры берут на себя многие обязанности домашних роботов. В отсутствие хозяев домашняя ЭВМ может отвечать на телефонные звонки, поддерживать в квартире заданную температуру... Через такую ЭВМ можно получить подборку свежих новостей по заданной теме, заказать билет на поезд или самолет, просмотреть на экране телевизора текст и рисунки из любой книги, телефонные номера, медицинские рецепты, школьные задачи и справочные сведения по различным отраслям науки.

Компьютер — помощник и в обучении.

С каждым годом навыки практического использования электронно-вычислительных устройств становятся все более необходимыми для широкого круга профессий, какую бы область мы ни взяли — промышленность, транспорт, здравоохранение, сельское хозяйство, сферы обучения и быта. Совершенно оче-

видно, что процесс компьютеризации будет происходить и дальше, причем все нарастающими темпами.

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС шел разговор о необходимости перехода к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающим наивысшую эффективность в организации дела. Перед руководителями, исследователями, разработчиками, производителями поставлены ответственные, масштабные задачи. И одна из них — более широкое и эффективное применение электроники, создание и выпуск ЭВМ разного назначения.

В условиях интенсификации производства особо важен уровень квалификации специалистов — конструкторов, технологов, экономистов, энергетиков... Многие из них уже успели оценить преимущества вычислительной техники, используют ее в повседневной практике. Но «общаются» с ней через посредников — специалистов по программированию, прикладной математике, электронному моделированию. С ростом масштабов применения ЭВМ численность этого промежуточного звена потребует увеличения в несколько раз. Оправдано ли это? Конечно, нет. Поэтому задача состоит в том, чтобы каждый инженер и техник, вне зависимости от специальности, умел работать за пультом ЭВМ автоматизированных систем проектирования, управления и подготовки производства.

Для выполнения намеченной программы понадобятся и тысячи рабочих, способных освоить новую технику и технологию, вооруженных знаниями в области вычислительной техники и электроники, точной механики и физико-химических методов обработки. Не менее важны вопросы переподготовки опытных кадров рабочих, которыми сегодня располагают предприятия. Не за горами время, когда человек, не умеющий работать с компьютером, может оказаться в положении неграмотного в библиотеке. Вот почему требованием жизни продиктовано: включить в программный документ реформы общеобразовательной и профессиональной школы положение о необходимости вооружать учащихся знаниями и навыками современной вычислительной техники.

ГЕННАДИЙ
ШВЕЦ

45x2=?



М

кольная физкультура... Добросовестно изучив вопрос и поразмыслив, мои коллеги, как правило, делают сакральный вывод: «Два урока физкультуры в неделю — это непростительно мало!» В ходе обсуждения школьной реформы это предложение — увеличить число уроков физкультуры — не раз высказывалось.

Но давайте еще раз подумаем. Два урока по сорок пять минут — это много или мало.

...Каким же длинным казался учителю урок! Восьмиклассники пробежали десять кругов по спортзалу, сделали классическую физзарядку («Ноги на ширине плеч, руки на бедрах. Наклоны вперед начинай!», «Приседания начинай!»), потом прыгали через «козла», потом кувыркались на матах... Учитель озабоченно смотрел на часы, даже прикладывал их к уху: идут ли? Обводил возбужденным взглядом класс. Вдруг принес, спохватившись, мяч из кладовки. Началась игра — нечто среднее между баскетболом и регби. А звонка все не было... Учитель построил класс в шеренгу, взял в руки журнал и начал выставлять оценки. Бравые, спортивного вида ребята получили законные пятерки. Старательные удостоились четверок. Слабачки, как и положено, довольствовались тройками. Несколько озорников получили по «паре». Учитель обстоятельно мотивировал отметки. Но вот наконец и звонок. — Урок окончен!

Пожалуй, никакую другую фразу за эти сорок пять минут учитель не произнес с таким воодушевлением. На перемене он с улыбкой спросил меня:

— Ну как?

Я знал, что учитель усердно готовился к этому уроку. В школу приехал московский журналист, чтобы разобраться, соответствует ли истинная картина, нарисованная в письме старшеклассников: «Уроки физкультуры мы называем тихим часом. Нам скучно, за сорок пять минут мы не успеваем вспотеть. Учитель часто выходит из спортзала звонить по телефону...»

Известно, что школьники вообще-то любят, когда учитель во время урока отлучается из класса: можно несколько минут побездельничать, побалагурить. Школьники могут скорее пожаловаться на чересчур строгого учителя, чем на нетребовательного. А тут письмо, продиктованное чувством ответственности за обычный, за рядовой урок!

Что же я ответил учителю на его «Ну как?». Четыре минуты ученики бегали по кругу. Девять минут делали незатейливые упражнения.

Урок физкультуры.

Фото О. Кусенко.

Двенадцать минут занимались гимнастикой. Десять минут играли в мяч. Итого 35 минут. Оставшиеся десять минут восьмиклассники стояли в строю. Теперь давайте проанализируем эти 35 минут движения. За двенадцать минут гимнастических занятий каждый ученик по четыре раза перепрыгнул через «козла» и по три раза выполнил на матах кувырок, а остальное время дожидался своей очереди, сидя на гимнастической скамеечке. То есть из этих двенадцати минут чистое время движения — от силы две минуты. Во время игры в «баскетбол» один — лидеры, отличники — носились в поте лица от счита к счету, кое-кто пытался им подыгрывать, а остальные жались к стене. Так что ваш урок физкультуры, уважаемый имярек, ваш образцово-показательный урок длился в лучшем случае двадцать минут. Вы провели пол-урока, выполнили задание наполовину. А значит, какую оценку заслужили? Два с плюсом. Или три с минусом.

Вспоминается другой урок, в другой школе. Находится она в центре большого города, ни спортзала, ни площадки нет. Уроки проходят на заводском стадионе, до которого минут десять езды на трамвае. Но зачем же обязательно на трамвае? Звонок — ученики в спортивной форме стоят во дворе. Минуту учитель тратит на объяснения — и раздается команда: «Бегом марш!» Через десять минут класс уже на стадионе. После разминки, которая выполняется опять-таки на бегу, то и дело перемежаясь единоборствами, ребята выходят на старт стометровки. Пробегал, сдал норматив — получаешь задание от учителя: двадцать раз подкинуть вверх тяжелый набивной мяч, сто раз прыгнуть со скакалкой, подтянуться на турнике, отжаться от скамейки — кто сколько может. До конца урока остается десять минут. «В школу — бегом марш!»

Я понимаю, что, прочитав эти строки, учителя, специалисты физкультуры не всплеснут руками: «Ах, боже мой, как все, оказывается, просто! А мы-то и не знали». Прекрасно знают учителя про так называемую моторную плотность урока, про фронтальный метод обучения, про нестандартное оборудование, позволяющее, например, одновременно подтягиваться на длинном турнике сразу десяти ученикам. Об этом пишется в специальных изданиях, говорится на всевозможных семинарах, на курсах повышения квалификации. И, если откровенно, то моей истории про учителя, которому я «выставил» два с плюсом, уже более пяти лет. И сегодня директор школ уже не считают физкультуру второстепенным уроком, следят за тем, чтобы ни одна минута этого урока не тратилась понапрасну. Так что, выходит, я доказывал аксиому: $45 \times 2 = 90$.

Но я бы сказал так: два урока физкультуры в неделю — это как минимум девяносто минут...

В школьных дневниках графа «задание на дом» против урока физкультуры остается незаполненной даже у отличников. А ведь могут же учителя физкультуры дать такое задание: «Сделать утреннюю зарядку». Тогда и родители, периодически просматривающие дневник, лишний раз вспомнят прописную истину: день школьника должен начинаться с физзарядки. А то ведь даже многие добросовестные родители, не забывая проверить, выучил ли сын стихотворение, написал ли сочинение, решил ли задачу по алгебре, физзарядку если и не благостью считают, то и не пожурят детей за прохладное к ней отношение.

Пусть хотя бы двадцать минут каждое утро...

Мне было девять лет, а я еще не умел плавать, за длинное-длинное лето так и не смог научиться. Вся осень, всю зиму и всю весну я очень хотел

научиться плавать. Бассейна в обозримых окрестностях не было. И каждое утро я по полчаса размахивал руками, изображая из себя пловца, рассказывая воду кролем, брассом, баттерфляем — делал энергичную физзарядку. В июне, придя впервые за лето к глубокой воде, я без раздумий прыгнул с мостков вниз головой, вынырнул. И поплыл. Сначала брассом, потом кролем.

Помня об этом вполне объяснимом чуде, я заставляю двенадцатилетнего сына делать по утрам зарядку. Это нелегко. Иногда приходится прибегать к не совсем педагогичным мерам. Но каждый раз после того, как он сдает зарядку, я вижу в его глазах искорку победы.

Учителя должны проверять выполнение домашнего задания. А как узнать, сделал ли сегодня ученик физзарядку? Как он подтвердит, что целых полчаса бегал, приседал?

— Известно, что такое качество, как гибкость, само собой не приходит — дается только регулярными упражнениями, — говорит мне учитель физкультуры из Липецка Андрей Антонович Зубченко. — Вот мы, учителя физкультуры, и глядим: если ученик, выполняя упражнение «наклон туловища вперед, не сгибая коленей», легко касается ладонями пола, значит, не забывает о домашнем задании по физкультуре. Мечтаю о том, чтобы в каждом доме, где есть ребенок, рядом с режимом дня и расписанием уроков висела табличка его личных рекордов: сколько раз отжался от пола, сколько сделал приседаний на одной ноге, на сколько прыгнул в длину с места... И уж не говорю о том, что, заботясь о школьной форме и учебниках, нужно обязательно купить школьнику гантели, скакалку, эспандер.

Итак, мы должны чуть поправить формулу. К двум урокам физкультуры в школе плюсуем сто двадцать минут еженедельных занятий физзарядкой. Запишем (да простят мне эту вольность строгие математики): $2 \times 45 = 90 + 120$. Но и 210 минут физкультурных занятий в неделю — это еще далеко до нормы. Так что нужно продолжить поиск неизвестных величин.

В педагогических коллективах учителей физкультуры называют физкультурниками — по профессиональной причастности к физической культуре. А являются ли учителя физкультуры физкультурниками в главном значении этого слова? То есть занимаются ли они сами физзарядкой? В прошлом практически все учителя физкультуры были хорошими спортсменами, разрядниками, мастерами — это понятно, не об этом речь. Кто из учителей физкультуры сейчас, в свои двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят или шестьдесят, верен юношескому увлечению?..

...Большую часть дня Николай Бурмистров ходит не в цивильном костюме — в спортивном. По виду типичный «физкультурник» (во втором значении этого слова, употребляемом, как правило, в снисходительно-ироничном ключе). А физкультурник он во всех значениях слова. Физкультурник по роду работы, по общественным обязанностям, по убеждениям, по опыту жизни. Ему 36, он до сей поры не без успеха выступает в областных соревнованиях по лыжам и легкой атлетике. Работает Бурмистров учителем физкультуры школы № 3 города Новокуйбышевска (Куйбышевская область). Уютная, ухоженная спортплощадка. Большой спортзал с многочисленными подсобными помещениями. Победы во всяких спартакиадах, в турнирах. Рекорды школы по легкой атлетике, плаванию, многоборью ГТО — почти во всех дисциплинах на уровне первого спортивного (не юношеского) разряда. Но учителя физкультуры

Николая Бурмистрова спортивные призы школьных команд особенно не волнуют:

— Десять старшеклассников занимаются баскетболом у опытного тренера в спортивной школе, выигрывают все городские соревнования. Я здесь при чем? Мое дело только «молнию» вывесить: «Поздравляем с победой».

Есть у Бурмистрова команда, которую он тренирует сам. Это команда, состоящая из неспортсменов, из тех, кто не очень любит спорт, а вернее, не очень любил спорт. Большинство тренеров, да и учителей физкультуры, составляя команды, выбирают ребят покрепче. А этот высматривает хлипких, неуверенных в себе. В семь утра приходят в школьный спортзал 50—60 учеников из разных классов на занятия клуба любителей бега. Начинают с малого, с трусцы метров на пятьсот. Но проходит несколько месяцев, и дистанции увеличиваются в арифметической прогрессии. В этой школе пятиклассники легко пробегают по 5 километров, десятиклассники — по 10, а некоторые справляются с классическим марафоном, который равен 42 километрам 195 метрам. Несколько раз в год школьный клуб любителей бега проводит дальние пробеги, сверхмарафоны. Рядом с учениками всегда бежит капитан команды Николай Константинович Бурмистров. А команда эта очень большая, в ней около тысячи ребят. В школе № 3 есть неспортсмены. Нефизкультурников здесь нет.

Мне трудно сказать, сколько же времени длится физкультурные уроки в этой школе. Многие ученики каждый день делают долгие пробежки — по полчаса, по часу, по полтора часа.

Я знаю многих хороших учителей физкультуры. Работают они по единой, общей для всей школьной физкультуры программе, неукоснительно выполняя ее. Но у каждого из них есть свой, отличный от других стиль, свой конек в работе. Учитель из Уфы Валентин Николаевич Семенов превратил свою школу и ее окрестности, включая и территорию детского сада, в огромный стадион, в олимпийскую деревню. Это предпринимчивый организатор, хозяин с железной хваткой, он во всем признает только одну оценку — пять с плюсом. Шефы изготовили для школы по чертежам Семенова такое оборудование, какое мы обычно видим только на выставках. За день, который я провел в его школе, Семенов вымотал меня, таская из одного спортзала в другой, из детского сада на стадион, потом в школьный музей спорта... В конце дня я обратил внимание на то, что правая нога Семенова в гипсе. Вернее, я конечно, сразу заметил это, хотел посочувствовать, спросить, что с ногой. Но не нашел времени задать вопрос, а вскоре забыл — просто не замечал, что учитель скачет по лестничным маршам, по дорожкам стадиона на одной ноге!

— Если обе ноги у меня будут сломаны, я на руках в школу приду.

А вот учитель из Одессы Михаил Карлович Гальперин. Внешне, поведением, манерами — полная противоположность Семенову: нетороплив, немного застенчив. Нет у него в спортзале никакого диковинного оборудования, не надоедает он директору предложениями, не проводит шумные спортивные вечера. Но так умеет рассказать о спорте, такие негромкие призывные слова находит, что ученикам любой пустыр — представляется великолепной турнирной ареной, если учесть к тому же, что Михаил Карлович изобрел тысячу упражнений, и среди них есть такие увлекательные, что мальчишки даже предпочитают их игре в футбол.

В каждом городе вам назовут двух, трех, четырех

хороших учителей физкультуры. И только... В спорте неизбежны лидеры и аутсайдеры. Это относится и к тренерам — не каждый растит чемпионов. Но если учитель физкультуры не воспитывает физкультурников?! Хорошие учителя не подравняют некий средний физкультурный балл, оценку по физкультуре в городе, в районе, не компенсируют своим подвижничеством недоработки коллег.

Каждый день по дороге в метро я прохожу мимо трех школьных стадионов. И школы и стадионы исполнены по единому проекту. И наверное, в момент своего появления были они близнецами. Но сколько же быстро обозначились между этими школьными стадионами различия! Вот лицо одного из них: ровная беговая дорожка, аккуратный гимнастический городок, где турники, брусья, прочие приспособления выкрашены в яркие цвета. Каждое утро, еще до начала уроков, на этом стадионе можно насчитать двадцать — тридцать физкультурников — взрослых и детей. На двух других стадионах, кроме жителей, прогуливающих собачек, никого не увидишь в неурочный час. Это поистине пустыри: прыжковые ямы здесь зияют провалами (песка в них — на довышке), покореженные конструкции баскетбольных и волейбольных площадок, на дорожках — рытвины и бугры...

В очередной период массовых простудных заболеваний интересуюсь у директоров трех этих школ их проблемами. В той школе, где образцовый стадион, уроки ежедневно пропускают в среднем по 60—70 человек. В двух других школах болеют по 150—170 учеников.

Мне как родителю повезло: мой сын учится в той школе, где стадион отвечает своему назначению. В этой школе хорошие учителя физкультуры. Есть в ней еще один физкультурник — учитель истории, завуч. В каком смысле он физкультурник? Во всех: по утрам бегает и делает физзарядку в компании двух дочерей-старшеклассниц, в школе ведет занятия фехтовальной секции, организует беседы для родителей о физическом воспитании школьников. Такие педагоги раздвигают привычные рамки урока физкультуры.

Так вот, формула 45×2 , с моей точки зрения, равна бесконечности. Да-да, в двух школьных уроках физкультуры содержится бесконечность движения. Движения, которое увлекает юного человека вперед, наделяет его многими качествами и навыками, энергией, оптимизмом.

Вот такая физкультурная математика. Наверное, ничего принципиально нового я не открыл — просто повторил, пересказал уже известное.

А. БИЙМЫРЗАЕВ. Утро в горах. Пастель.



На стендах «ЮНОСТИ»

**НУРИЯ ИМАНАЛИЕВА
АЛЫКУЛ БИЙМЫРЗАЕВ
УРМАТ ОСМОЕВ
г. Фрунзе**



Н. ИМАНАЛИЕВА.
Базар.
Автолитография.

У. ОСМОЕВ.
Дорога в аул.
Сангина.

Юность. 1985. № 10. 1—112
Индекс 71120
Цена 70 коп.

